
Федеральное агентство по образованию

Научный журнал
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 2 (93). Август, 2008

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук,
ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.

Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- В. Н. БОЛЬШАКОВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)
- И. П. ДУДАНОВ**
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
доктор филологических наук,
профессор (Москва)
- А. С. ИСАЕВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)
- Н. Н. МЕЛЬНИКОВ**
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
- В. П. ОРФИНСКИЙ**
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)
- ПААВО ПЕЛКОНЕН**
доктор технических наук,
профессор (г. Йюенсуу, Финляндия)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
- И. В. РОМАНОВСКИЙ**
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
- Е. С. СЕНЯВСКАЯ**
доктор исторических наук, профессор (Москва)
- СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА**
доктор философии,
профессор (г. Оулу, Финляндия)
- Л. Н. ТИМОФЕЕВА**
доктор политических наук, профессор (Москва)
- А. Ф. ТИТОВ**
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
- МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ**
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)
- Р. М. ЮСУПОВ**
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

- В. Б. АКУЛОВ**
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)
- В. А. АЧКАСОВ**
доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
- Т. А. БАБАКОВА**
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. Г. ВЕРИГИН**
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
- А. В. ВОЛКОВ**
кандидат философских наук (Петрозаводск)
- РИХО ГРЮНТХАЛ**
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
доктор исторических наук (Петрозаводск)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
- Т. Г. МАЛЬЧУКОВА**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- В. М. НИЛОВ**
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
- А. М. ПАШКОВ**
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
- В. М. ПИВОЕВ**
доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)
- З. К. ТАРЛАНОВ**
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. Н. ЧЕРНОВ**
доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)
- М. И. ШУМИЛОВ**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Federal Educational Agency

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

N2 (93). August, 2008

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Hadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences,
Executive Secretary

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

 Editorial Council

<p>V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)</p>	<p>I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p>I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)</p>	<p>I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)</p>
<p>V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor, (Moscow)</p>	<p>E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)</p>
<p>A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)</p>	<p>HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor, (Oulu, Finland)</p>
<p>N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)</p>	<p>L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)</p>
<p>V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p>A. TITOV
Doctor of Biological sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)</p>
<p>PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)</p>	<p>M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)</p>
	<p>R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)</p>

 Editorial Board of the Series
 «Social Sciences & Humanities»

<p>V. AKULOV
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>	<p>A. KUNIL'SKII
Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)</p>
<p>V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St.-Petersburg)</p>	<p>T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p>
<p>T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>	<p>V. NILOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p>
<p>S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p>A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p>
<p>A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p>V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p>R. GRYÜNTAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)</p>	<p>Z. TARLANOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p>P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>	<p>S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p>S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p>M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Аджимусаев С. А.*
Понятие и юридическая природа договора как источника права 7
- Ефимова В. В.*
Ревизия сенатора Д. О. Баранова как источник по изучению состояния государственного управления в Олонецкой губернии во второй половине XIX века 10

ИСТОРИЯ

- Старков Б. А.*
Радиоигры ленинградских контрразведчиков 24
- Веригин С. Г.*
Деятельность органов НКВД–НКГБ КФССР по организации разведывательно-диверсионной работы в тылу финских войск в 1941–1944 годах (окончание) 29
- Бацер М. И.*
Олонецкая епархия в конце XIX – начале XX века: жизнь духовенства (окончание) 36
- Korpela Jukka*
North-Western «Others» in Medieval Rus'ian Chronicles 42
- Пащикова А. А.*
Сердобольское купечество в 1643–1918 годах 56

ФИЛОЛОГИЯ

- Патроева Н. В.*
Конструкции с сегментацией в стихотворных произведениях 64
- Афанасьева Е. А.*
Новые образы богов как способ проявления авторской индивидуальности в славянской фэнтези 71
- Великанова Е. А.*
Мотив сказочной «пути-дороги» в научно-фантастических повестях Владислава Крапивина 75

ФИЛОСОФИЯ

- Михеев А. И.*
Метафизика бесправия 80
- Кабанова Л. И.*
Мотив целостности в русской метафизической мысли 87
- Мартьянова О. С.*
Время смысла (осмысление образа и идеи Софии в русской религиозной философии как актуальная задача) 91

ЭКОНОМИКА

- Левкин Н. В.*
Место культуры в системе предпринимательства с точки зрения экономического знания 96

РЕЦЕНЗИИ

- Пивоев В. М.*
Рец. на кн.: Яковлев А. И. Энергетическая природа сознания; Яковлев А. И. Материальность сознания 103
- Вяземский Е. Е.*
Рец. на кн.: История Карелии: учеб. для 10–11 классов общеобразоват. учреждений Республики Карелия 106
- Сахаров А. Н.*
Рец. на кн.: История Карелии: учеб. для 10–11 классов общеобразоват. учреждений Республики Карелия 108

- Научная информация 109
- Юбилей 111
- Информация для авторов 112
- Contents** 113

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Е. И. Соколова. Дизайн, верстка И. Г. Лежнев.

Подписано в печать 29.08.2008. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Изд. № 195

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

УДК 340.149

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АДЖИМУСАЕВ

кандидат юридических наук, доцент юридического отделения факультета договорного обучения филиала Академии экономической безопасности МВД России г. Ессентуки
ksk-kavkaz@mail.ru

ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА КАК ИСТОЧНИКА ПРАВА

Договор есть соглашение сторон, выражающее их согласованную волю к установлению, изменению и прекращению их прав и обязанностей, к совершению или воздержанию от юридических действий. Все договоры, надлежаще заключенные субъектами права, содержат правовые нормы («микронормы») и являются источниками права. Договоры применяются во многих отраслях российского права, при этом значение договорного регулирования определяется сущностью и содержанием соответствующей отрасли.

Ключевые слова: договор, источник права, признаки договора как источника права

Понимание договора как универсального правового источника зародилось в античности. Как отмечается в литературе, согласие (*лат. consensus*) народа римские юристы были склонны считать универсальным правообразующим фактором, сводя к договору и закон, и обычное право [1]. Представление о договоре как об источнике права сложилось еще в республиканский период древнеримской истории и в дальнейшем было использовано в доктрине естественного права, признающей договор в качестве единственно правового источника всякого позитивного права. При этом сторонники естественно-правовой школы рассматривали договор скорее «как фактический, а не юридический источник позитивного права, как средство добровольного самоограничения свободной личности» [2].

В доктрине юридического позитивизма, напротив, основной является идея о праве как явлении, признаваемом и устанавливаемом государственной властью. Право рассматривается как реальность, формально определяемая госу-

дарством, что ведет к отождествлению понятий «право» и «законодательство». При этом источниками права признаются исключительно исходящие от государства правовые акты.

Но если теория юридического позитивизма представляет собой крайнюю форму «огосударствления» права, то конвенциональная теория права прямо противоположна по отношению к ней. Согласно этой теории, право рассматривается как результат многочисленных соглашений между коллективными и индивидуальными участниками. Отсюда делается вывод о том, что все договоры, надлежаще заключенные субъектами права, содержат правовые нормы («микронормы») и являются источниками права.

В дореволюционной и советской юридической литературе практически отсутствуют упоминания о существовании каких-либо типов договоров. Большинство ученых того времени ограничивались либо рассмотрением договоров в плоскости юридических фактов и правоотношений, либо описывали договор как источник

международного права. Попытки элементарного терминологического разграничения мы можем найти лишь у некоторых авторов.

В контексте советской правовой системы при явном доминировании императивного внешнего регулирования (законодательного, подзаконного) договоры играли вспомогательную роль, а потому оказывались на периферии внимания ученых-теоретиков. Договоры редко упоминались среди источников права, а если и упоминались, то их сущность и значение должным образом не исследовались. О договорах почти не вспоминали при описании таких ключевых категорий, как правовое регулирование, правовая норма, правоотворчество и т. д.

Однако советские ученые все же указывали на необходимость «в общей теории государства и права рассматривать проблему договора... в учении об источниках права» [3]. Так, С. Ф. Кечекьян писал: «Совершенно несомненно, что договоры в ряде случаев не только создают определенные правоотношения, но и порождают нормы права, т. е. выступают как источники права» [4]. Аналогичные взгляды высказывал Н. Г. Александров, утверждая, что, во всяком случае, представляется бесспорно неправильным ограничивать в теории государства и права рассмотрение договора плоскостью только юридических фактов и упускать договор хотя бы при выяснении проблемы источников права.

Несколько лучше обстояла ситуация в науке международного и трудового права. Здесь договорам, по вполне понятным причинам, уделялось большее внимание. Иногда договор признавался источником и государственного права. Начиная с 1980-х годов отношение к договорам медленно, но все же менялось в лучшую сторону. По крайней мере, о них стали чаще писать. В 1990-х годах в ходе революционных преобразований отечественной правовой системы договоры стремительно вошли в нормативный арсенал большинства отраслей права. Именно тогда Ю. А. Тихомиров констатировал, что у договоров как источников права перспективное будущее [6]. Договоры перестали считаться чем-то «вторичным».

Включение всех без исключения договоров и соглашений в национальную систему права характерно для американской юридической доктрины. «Из условий соглашений, заключаемых людьми для регулирования своих отношений на договорной основе, – отмечает О. Винсент, – возникает независимый источник права. Добровольность договорных соглашений эквивалентна единодушному согласию участников правоотношений, устанавливающих некое общее правило» [7].

Поддерживая конвенциональную теорию, Т. В. Кашанина говорит о наличии в обществе трех уровней нормативности: общегосударственном; локальном (на уровне коллективных субъектов права); индивидуальном саморегулировании (на уровне индивидуумов).

Одним из видов последнего выступает договорное регулирование, в результате которого вырабатываются «микронормы» – правила поведения, рассчитанные на точно определенных людей (групп людей) либо дополняющие, конкретизирующие отдельные элементы общегосударственных норм [8]. Рассматривая эту теорию, на наш взгляд, следует согласиться с А. В. Деминым, который совершенно правильно замечает, что, вступая на путь конвенциональной теории, мы рискуем утратить специфику права по сравнению с другими социальными явлениями [9].

В современных условиях праву придается смысл общепризнанного публичного согласия граждан, слоев, наций, общества в целом. Равенство и саморегуляция приобретают все большее значение, и за последнее десятилетие договоры стали, как отмечает Ю. А. Тихомиров, важным регулятором общественных отношений, ведь договор есть соглашение сторон, выражающее их согласованную волю к установлению, изменению и прекращению их прав и обязанностей, к совершению или воздержанию от юридических действий. Договоры применяются во многих отраслях российского права, при этом значение договорного регулирования определяется сущностью и содержанием соответствующей отрасли.

Однако договоры, независимо от отраслевой принадлежности, обладают и некоторыми общими чертами, вытекающими из общих принципов договорного регулирования, и специальными признаками, обусловленными отраслевой спецификой. Так, Ю. А. Тихомиров выделяет следующие признаки, присущие всем видам договоров, безотносительно к субъектам, содержанию и сфере общественной жизни, в которой они возникают: добровольность заключения, то есть свободное волеизъявление сторон; равенство сторон как партнеров; согласие сторон по всем существенным аспектам договора; эквивалентный, чаще всего возмездный, характер (на эквивалентность как на универсальный признак договоров указывают также Д. Н. Бахрах и А. В. Демин [10]); взаимная ответственность сторон за невыполнение или ненадлежащее исполнение принятых обязательств; законодательное обеспечение договоров, придающее им юридическую силу [11]. В. В. Иванов, напротив, исключает из перечня признаков договора эквивалентность и «законодательное обеспечение договоров» и выделяет, в свою очередь, следующие универсальные признаки: обособленность волеизъявлений субъектов; согласованность волеизъявлений субъектов; автономию волеизъявлений субъектов; формальное равенство (равноправие) субъектов; предполагаемое обязательное исполнение субъектами условий договора [12].

На наш взгляд, отнесение к общим признакам договоров их эквивалентного характера не кажется достаточно обоснованным. Эквивалентный, а тем более возмездный характер свойственен, как правило, договорам-сделкам.

Но даже в гражданском праве существуют договоры, которые не являются эквивалентными или возмездными (например, договор дарения, договор безвозмездного пользования имуществом (ссуды) и т. д.).

Что же касается тезиса о «законодательном обеспечении договоров», то он, по нашему мнению, представляет собой характеристику не собственно природы договора, а одной из его взаимосвязей с другим правовым актом – законом. Не вызывает сомнения тот факт, что законы играют важнейшую роль в обеспечении исполнения договоров: законами может быть ограничена договорная свобода, договорное равенство и т. д. Между тем известны примеры договоров нормативного содержания, имеющих большую юридическую силу, чем законы, в соответствии с которыми осуществляется законотворческая деятельность.

Обособленность волеизъявлений субъектов В. В. Иванов считает определяющим признаком договоров, договорных связей. Он отмечает, что при этом субъекты договора могут исходить как

из различных интересов (договор купли-продажи, трудовой контракт и т. п.), так и из общих (соглашение о совместной деятельности, межгосударственный договор о дружбе и сотрудничестве и т. п.). Субъект договора обособлен от другого заложенными в договорных условиях правами на внесение изменений и дополнений в содержание договора, на оговорки к договорам, на приостановление действия договора в целом или в отдельной части, на прекращение (расторжение) договора и т. д. Вышеуказанные признаки позволяют В. В. Иванову определить договор, договорный акт в самом широком смысле как «совместный правовой акт, представляющий собой оформление выражения волеизъявлений двух или нескольких формально равных субъектов права, устанавливающих условия, исполнение которых предполагается обязательным».

В целом, данное определение отражает все существенные признаки договора и является наиболее приемлемым для исследования договоров нормативного содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарановский В. Ф. Учебник энциклопедии права. Юрьев: Тип. Маттисена, 1917. С. 180.
2. Демин А. В. Нормативный договор как источник административного права // Государство и право. 1998. № 2. С. 15.
3. Александров Н. Г. К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений // Ученые записки ВИЮН. 1946. Вып. VI. С. 61.
4. Кечекьян С. Ф. О понятии источника права // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 116. Труды юридического факультета. Кн. вторая. С. 25.
5. Александров Н. Г. К вопросу о роли договора... С. 61.
6. Тихомиров Ю. А. Договор как регулятор общественных отношений // Правоведение. 1990. № 5. С. 29–30.
7. Винсент О. Смысл американского федерализма. М.: Арена, 1993. С. 238–239.
8. Кашанина Т. В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Советское государство и право. 1992. № 6. С. 124–126.
9. Демин А. В. Нормативный договор как источник административного права... С. 21.
10. Бахрах Д. Н., Демин А. В. Административный договор: вопросы теории // Российский юридический журнал. 1995. № 2. С. 69–79.
11. Тихомиров Ю. А. Конституция, закон, подзаконный акт. М.: Юрид. лит., 1994. С. 126.
12. Иванов В. В. К вопросу об общей теории договора // Государство и право. 2000. № 12. С. 73–79.

УДК 947

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права юридического факультета ПетрГУ
efimova585@yandex.ru

РЕВИЗИЯ СЕНАТОРА Д. О. БАРАНОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ СОСТОЯНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Статья посвящена анализу состояния государственного аппарата Олонецкой губернии на момент проведения в ней сенаторской ревизии (1827–1828 гг.). Автор описывает причины назначения ревизии, ее ход и результаты, а также делает выводы об эффективности подобного рода контроля за деятельностью местной администрации со стороны высших и центральных органов власти и управления Российской империи.

Ключевые слова: сенаторские ревизии, местный аппарат государственного управления

Сенаторские ревизии в Российской империи появились в XVIII веке с целью контроля Сенатом деятельности подведомственных ему местных государственных учреждений. Однако в начале XIX века Александр I и его единомышленники обоснованно полагали, что местное управление находится в упадке. По мнению М. М. Сперанского, выраженному в записке «Введение к наместническому областному управлению» (1821 г.), одной из причин этого являлось отсутствие надлежащего контроля за работой местного государственного аппарата в связи с ликвидацией в конце XVIII века «главного местного надзора» в лице генерал-губернаторов [1]. В целях решения этой проблемы признали необходимым увеличить число сенаторских ревизий, которые, как известно, имел право проводить Сенат – на тот момент высший орган суда и надзора за законностью местного управления. Вслед за этим решением произошло совершенствование правовой базы проведения сенаторских ревизий, а именно:

в Инструкции сенаторам 1805 и 1819 годов существенно расширили полномочия сенаторов [2]. Однако все в той же записке 1821 года Сперанский констатировал, что сенаторские обозрения, «яко временные, обращаясь на прошедшее и не быв в состоянии следить за настоящим, ни предупреждать будущего, редко достигали своей цели» [3]. Местное управление по-прежнему оставалось неэффективным, что признал в 1827 году Николай I, поручив «Комитету 6 декабря 1826 г.» заняться помимо прочего обсуждением и проблем губернского управления. Выполняя Высочайшее повеление, Комитет в качестве одной из мер предложил сделать сенаторские ревизии периодической, но постоянной формой надзора за местными учреждениями [4]. Не случайно на первые годы правления Николая (1825–1830) приходится половина всех проведенных за весь период нахождения его у власти сенаторских ревизий (подсчитано нами [5]).

Ценность материалов сенаторских ревизий как исторического источника общепризнанна.

Они дают всесторонний и относительно более объективный «срез» состояния государственного управления в конкретной губернии в конкретный период времени. На сегодняшний день ряд авторов весьма активно использовали материалы сенаторских ревизий в своих исследованиях по истории государственного управления некоторых «великорусских» губерний и Сибири в интересующий нас период [6–8]. Однако до сих пор этого не сделано в отношении губерний Европейского Севера, к числу которых относятся Архангельская, Вологодская и Олонецкая. В исследуемый период эти губернии находились в составе одного генерал-губернаторства, возглавляемого С. И. Миницким. Все интересующие нас сенаторские ревизии проходили здесь примерно в одно и то же время (в Вологодской и Олонецкой губерниях – в 1827 году, Архангельской и Вологодской – в 1830-м). Схожесть многих параметров этих губерний (климат, окраинное положение, численность и состав населения, отсутствие или незначительное количество поместного дворянства и т. п.) позволила бы провести корректное сравнение основных результатов ревизий, которые бы, в свою очередь, позволили определить как общее, так и особенное в функционировании системы местного управления в этом регионе Российской империи.

В данной статье предпринимается попытка выявления и оценки на материалах сенаторской ревизии, проведенной в 1827/1828 году тайным советником Д. О. Барановым, эффективности деятельности как местного государственного аппарата Олонецкой губернии, так и самой сенаторской ревизии.

Источниковой базой для решения вышеставленной цели послужили документы сенаторской ревизии, отложившиеся в фондах центральных и региональных архивов Российской Федерации. К таковым относятся: донесения графу А. Х. Бенкендорфу – главе III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, командированного для первоначальной проверки обоснованности донесения губернского прокурора Желябужского жандармского подполковника Яковлева, который впоследствии возглавил расследование «лесных злоупотреблений»; всеподданнейшие доклады, рапорты и отчеты сенатора Баранова Николаю I, Сенату и графу Бенкендорфу о ходе и результатах проведенной им проверки; постановления Комитета министров и указы Сената по результатам рассмотрения этих рапортов и отчетов; донесения олонечких губернских присутственных мест генерал-губернатору С. И. Миницкому и представления последнего в вышестоящие инстанции о ходе ревизии; предложения сенатора ревизуемым губернским учреждениям и ответы на них; прошения и жалобы местных чиновников высшим государственным органам по поводу действий сенатора; «дела», производившиеся в олонечких судах и Сенате по всем причастным

к злоупотреблениям и отданным под суд по распоряжению и предложениям сенатора чиновникам и частным лицам; журналы губернских учреждений и рапорты губернского прокурора об исполнении распоряжений вышестоящих органов и т. п. Всего было изучено не менее 55 архивных дел. Почти все эти документы впервые вводятся в научный оборот.

Поскольку автором уже опубликованы результаты исследования «лесной» составляющей ревизии Д. О. Баранова, послужившей одним из главных поводов к ее проведению, действия сенатора по пресечению нарушений законодательства в сфере лесопользования и охраны казенных лесов со стороны всех причастных к этому делу лиц в данной статье будут изложены в самой краткой форме [9]. Кроме этого, учитывая ограниченные возможности журнальной статьи, мы проанализируем положение дел только в государственных учреждениях губернского уровня, зафиксированное сенатором на момент ревизии, оставляя прочие уровни (уездный, городской и волостной) для последующих публикаций. Ревизия Олонецкого горного правления требует еще дополнительных изысканий.

ПРИЧИНЫ РЕВИЗИИ

В 1827 году в правительство поступило донесение олонечского губернского прокурора Желябужского об истреблении казенных лесов и отягощении казенных крестьян противозаконными поборами в губернии. В связи с этим 9 августа 1827 года по «Высочайшему повелению» было назначено «исследование для открытия» данных злоупотреблений [10]. В состав комиссии был назначен подполковник Корпуса жандармов Яковлев и сам губернский прокурор. 21 сентября 1827 года на всеподданнейшем докладе «о злоупотреблениях, лихоимстве и корыстолюбии Олонецкой губернии чиновников», составленном на основании рапорта Яковлева Бенкендорфу, Николай I наложил резолюцию «о назначении сенатора для ревизии» [11]. Ревизию было поручено провести сенатору Дмитрию Осиповичу Баранову, имевшему до этого за своими плечами опыт проведения ревизии в Волынской (1820 г.) и Новгородской губерниях (1826 г.) [12].

Незадолго до этих событий олонечкий губернатор Т. Е. Фан-дер-Флит предусмотрительно устранился от управления губернией, прося у государя об «увольнении его от службы впредь до излечения от болезни с получаемым им ныне жалованием и с позволением прибыть для пользования в Санкт-Петербург». Причина столь поспешной просьбы об увольнении понятна – имея на попечении жену и четырех детей, губернатор хотел сохранить пенсию, получаемую при отставке. 9 сентября 1827 года Николай I дал согласие на приезд губернатора в столицу, но повеление выплачивать ему «впредь до возвращения и определения на службу по 2500 рублей в год»

[13]. Заметим, что эта сумма составляла лишь половину просимого. В данном случае царь поступил в полном соответствии с существующими законами – чиновнику, находившемуся под следствием, выплачивали до его окончания половинное жалованье. Правящим должностным гражданскому губернатору стал вице-губернатор Б. И. Пестель.

ХРОНИКА РЕВИЗИИ ГУБЕРНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Предложением от 8 октября 1827 года вице-губернатор передал всем губернским учреждениям, что «сенатор г. тайный советник Д. О. Баранов извещает, что он по Высочайшему Повелению назначен к обревизованию Олонецкой губернии и расположен вскоре отправиться в Петрозаводск». В связи с этим сенатор поручил всем присутственным местам принять меры по подготовке к его приезду «всех сведений, Общей сенаторской инструкцией предположенных» [14]. 2 ноября сенатор прибыл в Петрозаводск и в тот же день предписал чиновнику особых поручений Министерства финансов коллежскому советнику Зотову произвести расследование по делу о растрате казенных денег в Петрозаводском уездном казначействе. 5–12 ноября сенатор ревизует Олонецкое губернское правление; 16–29 ноября – казенную палату, Петрозаводское уездное казначейство и Правление олонечких горных заводов; 29 ноября – палату гражданского суда; 1–3 декабря – палату уголовного суда и приказ общественного призрения. 29 января 1828 года сенатор сообщил Бенкендорфу о том, что «совершенно закончил ревизию» и «с этою почтою отправляет всеподданнейший рапорт Государю и подробное донесение Сенату», а также просил его исходатайствовать у государя разрешение возвратиться в Санкт-Петербург к своей должности. 15 февраля просимое разрешение последовало, и 23–25 февраля сенатор сообщил всем олонечким губернским присутственным местам о своем отъезде, требуя от них доставлять ему уже в Санкт-Петербург все донесения по данным от него предложениям. 25 февраля сенатор направил императору «всеподданнейший рапорт» об окончании ревизии в Олонецкой губернии и отбыл из Петрозаводска. 22 июня и 23 августа 1828 года из Сената последовали указы о Высочайшем одобрении распоряжений сенатора, произведенных им в ходе ревизии. И, наконец, 8 ноября 1828 года сенатор сообщил в губернию о прекращении донесений к нему от присутственных мест Олонецкой губернии в связи с «совершенным» окончанием «Высочайше возложенной на него ревизии» [15]. Таким образом, собственно на личное обозрение олонечких губернских учреждений у сенатора ушло чуть менее месяца. В целом же, на исполнение данного ему поручения, начиная с момента назначения

и ознакомления с делами губернии еще в Петербурге, сенатор потратил чуть более года.

Далее приступим к изложению основных итогов ревизии олонечких губернских органов управления именно в том порядке, в котором это было сделано сенатором Д. О. Барановым.

Ревизия Олонецкого губернского правления

Олонецкое губернское правление приготовило для сенатора Баранова ведомости и сведения, предусмотренные в §2 Инструкции сенаторам 1819 года. Их сопровождало пространное донесение, занесенное в журнал правления от 27 октября, которое, руководствуясь п. «е» §2 Инструкции, следует понимать как представление «о нуждах и недостатках по губернии вообще». В нем говорилось о ключевых проблемах, с которыми сталкивалось губернское правление, являясь высшим органом управления губернией. Началось оно так: «С 1802 г. и до сего времени претерпевает совершенный недостаток Олонецкая губерния в чиновниках и особенно канцелярских служителях». Недостаток «стал особенно чувствителен» с 1811 года, когда в губернии отменили дворянские выборы. Поэтому, «дабы только не остановить хода дел», правлению приходилось замещать вакантные должности людьми, удаленными от других должностей за упущения по службе, оставлять при своих местах про штрафованных, а «из вновь являвшихся» принимать таких чиновников, «кои, не упражняясь в юриспруденции, не только не имеют достаточных познаний к исполнению в полноте своих обязанностей, но, оказывалось впоследствии, что и самого порядка в производстве дел не знают». Далее, жалуясь на безнравственность некоторых из чиновников земской полиции, приводящей к нескончаемым жалобам как их друг на друга, так и на них местного населения, правление писало, что «вынуждено оно почти бесперывно наряжать к следствиям» в уездные присутственные места «разных губернских и уездных чиновников», но, прежде всего, своих членов. «Так, например, советник Кедрин только 1827 г. более 4-х месяцев был в командировках; советник Баранкеев в 1824 г. – 4 месяца, в 1825 г. – 6, в 1826 г. – 10 месяцев; асессор Яльцов в 1824 – 6, в 1825 – более 3, в 1826 – 5, в 1827 – 8 месяцев, а советник Борисов по предложению генерал-губернатора находился с 23 июля 1825 г. в откомандировке по особому поручению 2 года и 3 месяца». По этой причине, говорилось дальше, «в Губернском Правлении находится часто по одному советнику, тогда как производство дел год от году умножалось, что можно видеть: в 1824 г. поступило входящих бумаг – 7009, исходящих – 15655; в 1825 – входящих – 7709, исходящих – 28155; в 1826 – входящих – 9802, исходящих – 30901; в 1827 по 1 октября – входящих – 4772, исходящих – 24897». Острая же нехватка спо-

собных секретарей и канцелярских служителей приводит к тому, что нет «и самонужнейшего успеху в производстве дел и переписок», так как «поправление многих журнальных статей, справок и даже по изготовленным журналам важных исходящих бумаг не иначе может быть приготовлено, как личным занятием самих членов... хотя и зависит верность отправления бумаг сих по Генеральному Регламенту от секретарей, сии последние сугубо обременяются приготовлением журнальных статей и бумаг, большей частью от неопытности многих столоначальников, кои люди суть молодые или вновь вступившие, а другие, хоть и имеют некоторую способность, но при частой перемене... занимаются то сдачей, то приемом дел, не имеют времени вникнуть в существо бумаг и дел, и оттого одну и ту же бумагу принуждены бывают заготавливать не один раз, и за всем тем должны дополнять и исправлять оную секретари или сами присутствующие, поелику из 8 столоначальников только двое способны быть помощниками секретарю, другие же и писцы большей частью такие, что не только не знают в сочинении бумаг ни силы, ни порядка, но и писцами исправными не могут признаны, кроме самого малого числа из них, годных только для переписки, и то без соблюдения правописания». За год, жаловалось далее правление, «переменилось 11 столоначальников и выбыло вовсе из штата правления 13 человек, в том числе большей частью малолетние, с коих невозможно даже взыскивать. ... В течение многих лет из принимаемых в канцелярию Губернского Правления замечены не имеющие хорошей нравственности, иные нетрезвого поведения, другие строптивы так, что самые меры сыска чрез полицию и удержание под арестом не производили над ними исправляющего действия. Все меры взыскания – вычеты, выговоры, взыскания из-за невозможности заменить – не достигают цели». В заключение правление констатировало: «Все меры к привлечению в сей край способных чиновников оказались недействительными». Непрестижной для службы губернии делали, по мнению правления, следующие обстоятельства: «1) большая несоразмерность существующей здесь дороговизны с настоящим жалованьем; 2) климат суровый от множества озер, болот и острых ветров и, наконец, 3) крайнее уединение губернии и особенно губернского города, поставленного вне всяких сообщений, в стране глухой, бедной населением и земле самой неплодоносной». Единственный выход из положения виделся правлению в возможности «даровать по Олонецкой губернии чиновникам всех классов таких же прав, коими пользуются в Сибири и Кавказской губернии» (такие преимущества были пожалованы соответственно в 1822 и 1827 годах).

В своем предложении от 28 ноября 1827 года сенатор подвел итоги ревизии делопроизводства в губернском правлении. Оказалось, что: 1) на-

стоящие регистры ведутся удовлетворительно и «особенно общие по указам Правительствующего Сената в отличном состоянии»; 2) «журналы слушанным делам, равно как входящие и исходящие бумаги в надлежащей исправности»; 3) докладные регистры не ведутся вообще (любопытно заметить, что отсутствие в правлении регистров правление оправдывало в своем ответе от 13 ноября на это замечание сенатора тем, что это, якобы, ускоряло ход дел, так как журнальные записки «составляются сразу из черновых докладных записок, приготовляемых для написания прямо в журнал, кои предварительно просматриваются присутствующими...», и порядок этот заведен еще до вступления в должность нынешних членов, а также тем, что в правлении «нет столоначальников и их помощников, кои имели бы способность излагать сокращенно в докладном регистре сущность дела и обстоятельства оногo без пророну чего-либо для дачи надлежащей резолюции» [16]); 4) всех нерешенных дел, по указам Сената, 43, а всех всего нерешенных дел 731; 5) архив «как по исправности, так и по удобству в приискании находится в наилучшем состоянии» [17].

В результате сенатор предложил правлению: 1) завести с 1 января 1828 года докладные регистры; 2) «дать немедленно безостановочный ход» делам, находящимся на отчете самого правления, а по другим – требовать справок, «дать понуждение» или наказать подведомственные нижние присутственные места; 3) уделить особое внимание делам по межеванию (особое внимание сенатора привлекло дело о размежевании владельческих дач от казенных, начатое еще в 1802 году, вину за неисполнение которого он возложил на бывших губернского и уездных землемеров, особо предложив правлению вновь возбудить ходатайство по этому делу перед Сенатом о назначении новых); 4) «сделать поправление» по всем особо указанным делам; 5) палате гражданских дел не обременять губернское правление просьбами сделать необходимые ей предписания нижним присутственным местам, так как она сама имеет право делать это. По поводу последнего предложения следует особо заметить, что сенатор прекрасно понимал, почему палата гражданских дел так поступала. В своем предписании палате от 28 ноября 1827 года он вскрывал суть этой хитрости: губернское правление, «предписав городской или земской полиции привести в исполнение решение палаты, обязывается... внесением в отчет свой нерешенного дела», и, пока дело не решено, оно числится за правлением, «в то время, как Гражданская Палата... зачисляла бы сие дело решенным...» [18].

Таким образом, никаких из ряда вон выходящих нарушений в канцелярском производстве Олонецкого губернского правления сенатор Баранов не увидел. Количество нерешенных дел, как по указам Сената, так и в целом, даже

уменьшилось по сравнению с аналогичными данными, полученными генерал-губернатором Клокачевым во время его первого обозрения Олонецкого губернского правления в 1820 году при назначении на эту должность: тогда подобные показатели соответственно составили 50 и 844 дела [19]. Более того, мы видим, что сенатор в своих предложениях не только преследовал цель привести делопроизводство правления в соответствие с нормами Генерального регламента 1722 года, но и предлагал способы сокращения числа нерешенных дел.

Ревизия Олонецкой казенной палаты

Наиболее тщательному обследованию со стороны сенатора Баранова подверглась деятельность казенной палаты. В результате вскрылось, что: 1) всех вообще недоимок за Олонецкой губернией числится на 249981 рубль, из них только по питейной и соляной части состоит 112388 рублей, а по лесному отделению на содержателях лесопильных заводов – 45401 рубль (правда, при этом сенатор сделал оговорку, что общая сумма недоимок по сравнению с другими губерниями небольшая и что в эти числа включены неплатежи по прежним винным откупам и штрафы за самовольные порубки леса крестьянами); 2) огромное количество дел по всем отделениям остаются «от 1 до 12 лет без всякого движения» (при этом сенатор обратил особое внимание на числящееся за хозяйственным отделением дело «о наделении казенных крестьян Олонецкой губернии 15-десятинной на каждую душу пропорцией земли», начатое 30 января 1801 года и нерешенное по вине палаты до сих пор); 3) палата раздает оброчные статьи «разным людям на содержание на 12 лет за самые ничтожные деньги»; 4) ревизии денежных книг и документов разных присутственных мест (в том числе волостных правлений) проводятся контрольным отделением несвоевременно и часто остаются неоконченными или вовсе нет доказательств их проведения; 5) чиновники питейного отделения плохо взыскивают акцизные и штрафные деньги с винопродавцев и затягивают решение дел о злоупотреблениях чиновников по питейному сбору; 6) лесное отделение годами не свидетельствует и не взыскивает попенные и штрафные деньги с порубщиков казенных лесов. При этом канцелярское делопроизводство в палате было найдено сенатором в порядке, за исключением архива, в котором хранились дела только по 1817 год и не было общей описи, «а есть только частные по отделениям и столам, по которым прииск дел столь затруднителен, что некоторые испрошенные дела не нашлись».

На основании этих замечаний 23 декабря 1827 года сенатор предложил палате: 1) завести с 1 января 1828 года «исправные всем сборам окладные книги и иметь точные сведения о всех

оброчных статьях»; 2) «строжайше предписать» контрольному отделению, «дабы в обревизовании книг и отчетов разных мест и денежных сборах и расходах во всей точности исполнялись правила, законами по ревизионной части вмененные», и не допускались «неправильные сборы» (особенно по волостным правлениям); 3) всем делам «дать безостановочный ход, не допуская в производстве их ни самонаимчивейшей медлительности, под опасением не только отрешения председателей от мест, но и предания суду...»; 4) немедленно заняться «для доставления делу о наделении крестьян казенных землями, более 20 лет продолжающемуся, надлежащего успеха... составлением сведений, дабы с будущей весны межевым действиям в натуре не могло встретиться никаких препятствий»; 5) членам палаты «по чрезвычайному запущению дел... для успешного очищения неисправностей... иметь ежедневное присутствие в послеобеденное время, равно и по субботам...» [20]

Помимо ревизии общего состояния дел в казенной палате, сенатор руководил действиями особых следственных комиссий, которые проводили расследование самых запутанных дел. О результатах их деятельности сенатор неоднократно доносил императору и Сенату. Изложим в самом кратком виде суть и ход этих расследований.

Дело о растрате в Петрозаводском уездном казначействе

В это дело в той или иной степени оказалась вовлеченной практически вся не только действующая, но и бывшая верхушка олонецкой губернской администрации. Растрата в размере 80 тысяч рублей была обнаружена назначенным в сентябре 1827 года губернским казначеем Политковским. По предложению вице-губернатора Пестеля от 30 сентября 1827 года формируется особая губернская комиссия, состоявшая из советников губернского правления и палаты уголовного суда Глинки и Шкалина, губернского лесничего Кирсанова (от казенной палаты) и губернского по казенным делам стряпчего Морозова. Еще ранее, по просьбе самой казенной палаты, от Министерства финансов в губернию командировается чиновник особых поручений коллежский советник Зотов, которого, в связи с началом сенаторской ревизии, подчинили Баранову для продолжения расследования под руководством сенатора. Губернскую комиссию распустили, а собранные ею материалы передали Зотову. Так как на следствии петрозаводский уездный казначей Василий Алексеев показал, что растрата началась еще при его родном брате Петре, Зотову пришлось обревизовать дела и счета Петрозаводского уездного казначейства почти за 20 лет (!), начиная с определения в 1808 году Петра Алексеева на эту должность.

Как докладывал государю в своем рапорте от 6 февраля 1828 года сенатор, растрата делалась

постепенно и «стала чувствительной» в 1820 году при передаче дел старшим братом Петром младшему Василию: «...он должен был передать 122863 рубля, но сдал только 36661 руб., т. е. растрата составила 83202 рубля. Удобство похищения одного было оттого, что была допущена безгласность». В чем состояла эта «безгласность», видно из материалов, собранных еще губернской комиссией, согласно которым в 1820 году, при приеме Василием от своего брата должности и всей наличной суммы, не было составлено ни сдаточных ведомостей, ни сделано, как требовали того «Наставления казенным палатам» 1781 года, особого донесения губернским казначеем общему присутствию казенной палаты [21]. «Впоследствии, – далее докладывал сенатор, – растрата увеличивалась, а при обыкновенных ежемесячных свидетельствах казенных сумм недостаток в деньгах был скрывается путем выдачи всех находившихся на момент проверки денег в казначействе за растроченные». Это стало возможным, так как проверка наличной суммы производилась не в самой кладовой, а в помещении общего присутствия, для чего туда переносились сундуки с деньгами и книгами, «чем и давался способ к подложной замене расхищенных сумм другими посторонними суммами, хранившимися в кладовой». Всего же был раскрыт недостаток сумм на 130514 руб. 33 $\frac{3}{4}$ коп. Сенатор особо подчеркивал, что «без крайнего ослабления надзора со стороны Казенной Палаты и без явного небрежения со стороны лиц, производивших свидетельства, не могло бы ни под каким видом существовать столь наглое расхищение». Сенатор был также уверен, что недостаток сумм был известен еще при жизни старшего брата Петра Алексея вице-губернаторам Уварову и Нейдгардту, «но был ими скрывается». Далее сенатор докладывал, что уже предпринял ряд мер к обеспечению расхищенных сумм, а именно: имения похитителей братьев Алексеевых, вице-губернаторов Уварова и Нейдгардта, бывших членов и секретаря казенной палаты, жен и детей их, а также нынешних членов палаты, с включением наследников после умерших и всех поручителей по Василию Алексею, уже подвергнуты описи и секвестру. На имения же прочих членов палаты прежнего времени, а также бухгалтеров уездного казначейства и производивших ежемесячные свидетельства бывших гражданских губернаторов Мертенса, Рыхлевского, Фан-дер-Флита, правящего должность председателя уголовного суда Башинского и губернских прокуроров Тимирязева, Львова, Минина, Казина, Херувимова и Желябужского наложено повсеместное запрещение [22]. Кроме этого, по приказу министра внутренних дел то же самое было сделано и в отношении имений бывшего и действующего состава Олонецкого губернского правления – губернатора Фан-дер-Флита, вице-губернатора Пестеля, членов правления – советников Глинки, Кедрина, Баранкеева, асессора Яльцова, секретарей Яки-

мова, Ларионова, Хоруженко, а также губернского архитектора Янко, допустивших неправильное хранение денег в Петрозаводском казначействе (деньги должны были сдаваться на хранение в казначейство на основании особо составленных в 1801/1802 и 1827 годах правил, то есть в отдельных сундуках, а не просто в запечатанных пакетах, как это обычно делалось). Предполагалось, что В. Алексеев именно ими покрывал свою недостачу [23].

25 февраля 1828 года сенатор сообщил губернскому правлению и Сенату об окончательных результатах расследования «дела о растрате» и передаче дела в Олонецкую палату уголовного суда, которой было предложено приступить к рассмотрению этого дела «без очереди» [24]. Позже сенатор высказал резкие «замечания» на предположения уголовной палаты по этому делу, усмотрев в них попытку затянуть его. В результате большая часть этих предположений была им отвергнута, а дело передано на окончательное разрешение в Олонецкую палату гражданского суда [25].

«Лесное дело»

После изучения всех материалов, связанных с деятельностью Олонецкой казенной палаты по лесной части, сенатор Баранов обвинил: 1) все общее присутствие палаты – бывшего вице-губернатора Нейдгардта, губернских казначеев Филимонова, контролера Чернозаводского, лесничего Кирсанова, советников палаты Тверетина и Политковского, а также асессора Богданова – в принятии 14 февраля 1827 года по предложению Кирсанова постановления о внесении изменения в контракт с видлицкими лесозаводчиками Жербиным, Поповым и Коротяевым, которым они освобождались от уплаты попенных денег за леса, вырубленные и непроплавленные в 1826–1827 годах к своим заводам, отчего, полагал сенатор, казна понесла убыток в 150 тысяч рублей; 2) лесничего Смоликова и заменившего его Чупова за самовольное распространение данного пункта контракта на всех вообще лесозаводчиков; 3) губернского лесничего Кирсанова и лодейнопольского земского исправника Ошеметкова за неправильные действия по «делу Богдина». В частности, последнее обвинение состояло в том, что, когда в 1826 году олонецкий мещанин Богдин донес в губернское правление о том, что Санкт-петербургский купец Серебряков и олонецкий Редуев в 1825 году вырубали леса в казенных дачах трех уездов губернии «более против билетов», назначенные для проверки этого доноса Кирсанов и Ошеметков «излишних лесов» не нашли и предали Богдина суду за ложный якобы донос. Суд также признал донос недоказанным, остановил следствие, а Богдина приговорил «в пример другим» наказать плетьюми и взыскать с него убытки, понесенные лесопромышленниками [26]. Помимо этого, в ходе проведения следствия «лесной» комиссией

Яковлева и Речицкого были установлены факты самовольных порубок лесопромышленниками казенного леса, не размежеванного с помещичьими дачами. При этом вырубки прикрывались порубочными билетами, выдававшимися помещиками якобы на порубку своих лесов. За это у группы чиновников лесного отделения казенной палаты и лодейнопольского нижнего земского суда, а также лесопромышленников и помещиков было арестовано имущество [27].

С другой стороны, сенатор полагал, что «корень зла» не только в корыстных устремлениях всех участников этого дела, но и в несовершенстве существующего лесного законодательства. Чуть позже он обещал представить императору «проект по управлению лесной части» [28].

«Рекрутское дело»

Следствие «по обвинению канцелярских чиновников Олонецкой казенной палаты и Олонецкого рекрутского присутствия во взяточничестве» проводила специально образованная комиссия в составе подполковника Корпуса жандармов Дейера и председателя Олонецкой палаты гражданского суда Речицкого. (Речицкий еще в январе 1828 года, в связи с болезнью прокурора Желябужского, по разрешению царя заменил последнего в комиссии, возглавляемой жандармским подполковником Яковлевым, который в своем рапорте от 21 сентября 1827 года отнес его к числу немногих чиновников, которые пользуются «хорошим мнением общества».) Следствие началось в ноябре 1827 года по доносу крестьян братьев Звягиных и Харина вице-губернатору Пестелю как председателю губернского рекрутского присутствия на канцелярских чиновников казенной палаты, занимавшихся рекрутским набором в Петрозаводском и Олонецком уездах, а именно: секретаря Менчикова, столоначальника Козырина, его помощника Алексеева, протоколиста Романова, а также приемщика от Военного ведомства майора Грибовского. Крестьяне показали, что «каждый рекрут обошелся им по 40 рублей 66 коп., издержанных на канцелярских служителей палаты и рекрутского присутствия», и еще 30 рублей Звягин дал приемщику майору Грибовскому. Пестель велел обвиненным чиновникам под угрозой удаления от должности вернуть деньги крестьянам, что и было сделано ими в присутствии самого вице-губернатора. Однако в своих объяснениях, данных следователям, чиновники категорически отказались от того, что брали у крестьян деньги. Сенатор Баранов, ознакомившись с материалами следствия, 15 января 1828 года передал их в Олонецкую палату уголовного суда [29].

В свою очередь подполковник Дейер в донесении своему начальству сообщил о том, что по Петрозаводску ходят слухи, что дело это «должно кончиться тем, что вице-губернатор, не имея ясных доказательств, не должен был приказывать приказным возвращать деньги мужикам,

а мужики, как доносчики, не могущие доказать, что у них братья были (деньги. – В. Е.), и сами себя обвиняющие в лиходействе, будут наказаны плетьюми». В заключение Дейер замечал, что, если дело действительно таким образом будет решено, «тогда все меры к открытию злоупотреблений пресекутся и взятки еще увеличатся, ибо всякий лихоимец будет твердо уверен, что давший ему не осмелится о том сказать никому из опасения подвергнуть себя наказанию». Николай I, выслушав составленный по донесению Дейера доклад Бенкендорфа, повелел сенатору принять надлежащие меры, «дабы всех вывести из вышеозначенного недоумения, и что отнюдь не были наказываемы из давших деньги, кои сего доказать не могут, но единственно те, о которых достоверно было бы доказано, что только оклеветали в лихоимстве невинных». Сенатор известил губернскую администрацию о Высочайшей воле в предложении от 12 февраля 1828 года [30].

Помимо всех вышеприведенных обвинений сенатор предъявил и дополнительные, в отношении отдельных чиновников казенной палаты, а именно: 1) советнику питейного отделения Тверетинову за «медлительность и отступления от законного порядка в производстве дел, заключающих в себе утрату казенного имущества, отпущенного на строительство магазинов» на сумму 10 тысяч рублей, а также за утайку от палаты действий Нейдгардта по задержке записок, представленных чиновником Министерства финансов Дубецким об открытых им в Каргопольском уезде злоупотреблениях по питейному сбору; 2) губернскому контролеру Чернозаводскому за «отступление от законного порядка в обревизовании книг и отчетов разных присутственных мест и даже утверждению противозаконных сборов» с крестьян по книгам волостных правлений; 3) губернскому казначею Филимонову за «несоставление окончательных отчетов о недоимках, подлежащих к сложению» по Манифестам 1826 года (например, один из них – от 22 августа – изданный по случаю коронации Николая I, освобождал «всех состоящих по сей день под следствием и судом чиновников из всякого звания людей по делам, не заключающим в себе смертоубийства, разбоя, грабежа, лихоимства»); 4) секретарю Менчинкову за исполнение незаконных приказаний вице-губернатора Нейдгардта; 5) столоначальнику Галкину за подличку журналу по приказанию Нейдгардта [31]. Всех вышеназванных чиновников сенатор предлагал предать уголовному суду.

Ревизия Олонецкого приказа общественного призрения

Произведя 2 декабря 1827 года обозрение делопроизводства Приказа, сенатор выявил лишь некоторые незначительные нарушения в ведении журналов и предложил их исправить. В осмотренных воспитательном доме и бога-

дельне, находящихся в г. Петрозаводске, сенатор нашел «надлежащий порядок и смотрение за чистотой» [32].

Ревизия Олонецкой палаты гражданского суда

В своем предложении от 12 декабря 1827 года сенатор подвел итоги своего осмотра палаты, в котором он, не указав число нерешенных дел, сделал лишь замечания по неправильному ведению двух дел. Просматривая же ведомость о состоянии дворянских опека, сенатор обратил внимание на то, что некоторые из указанных там лиц уже вышли из возраста опекаемых (до 17 лет), а по двум опекам выяснилось, что, хотя отчеты числились как обревизованные, при проверке подлинных дел не оказалось. Аналогичные замечания были сделаны и по сиротским судам. В отношении порядка в делопроизводстве сенатор отметил, что настольные реестры по нерешенным делам, «журналы ежедневно заслушанным, входящим и исходящим бумагам и решительным определениям», а также архив найдены «в надлежащей исправности», но «докладных реестров вовсе не имеется, хотя о неперменном ведении их есть указ от 11 декабря 1767 г.». В результате сенатор предложил палате: 1) немедленно завершить два неправильно тянувшихся дела; 2) всех совершеннолетних сирот по дворянским опекам и сиротским судам «приказать ввести в права наследования» и контролировать своевременное предоставление опекунами отчетов и их правильность; 3) завести с 1 января 1828 года докладных реестры [33]. Как мы видим, серьезных замечаний к деятельности палаты гражданских дел у сенатора не было.

Ревизия Олонецкой палаты уголовного суда

В своем предложении палате от 14 декабря 1827 года сенатор, в частности, указал, что: 1) нерешенных дел по указам Сената он обнаружил 2, а «по обыкновенному течению» – 49; 2) канцелярский порядок «в исправности», но «докладных реестров не ведется» (любопытно заметить, что это единственная палата, которая объяснила сенатору, что не вести эти реестры им словесно разрешил еще генерал-губернатор Клокачев); 3) архив «в порядке», но «прииск дел затруднителен» из-за отсутствия общей описи. В итоге сенатор предложил палате: «1) нерешенные дела показывать по настольному реестру и отчетам по времени их действительного вступления, а не со дня состояния резолюции, зависящей от произвола председателей; 2) уголовные дела рассматривать и производить в сроки, законом постановленные, и не допускать в том ни самонаимчивей медлительности; 3) немедленно заняться приведением в установленный порядок архива» [34].

Таким образом, серьезных претензий по состоянию дел и канцелярскому производству

в олонекских приказе общественного призрения и палате уголовных дел у сенатора также не возникло.

Однако отметим, что предписанная Инструкцией 1819 года ревизия общих губернских учреждений для сенатора Баранова была осложнена необходимостью проверить справедливость уже упоминавшегося нами в начале статьи рапорта подполковника Яковлева, послужившего главным основанием для назначения Николаем I сенаторской ревизии. Сам рапорт был передан Бенкендорфом сенатору Баранову при его назначении на ревизию. Среди злоупотребителей, лихоимцев и корыстолюбцев в этом рапорте упоминались председатель и советник Олонецкой палаты уголовного суда Башинский и Шкалин; советник палаты гражданского суда Васильев, советник и ассессор губернского правления Борисов и Яльцов. В частности, о Башинском Яковлев писал, «что беззакония его превышают вероятие, все злодеяния и даже душегубство за деньги в Уголовной Палате оправдываются; надеясь на сие, все чиновники в губернии, кроме нескольких, безбоязненно лиходействуют». Обо всех остальных жандарм доносил, «что они по должностям своим на месте уподобляются во всем Председателю Башинскому, произведенные же ими следственные дела всегда оканчиваются в пользу тех, кто платит деньги. О таковых действиях Башинского и прочих есть всеобщий глас народа в Олонецкой губернии» [35].

В своем рапорте на «Высочайшее имя» от 11 февраля 1828 года сенатор сообщал, что при производстве им ревизии дел в олонекских губернских учреждениях «не нашел я лично такого, чтобы по настоящему отправлению должностей давало повод заключать о противозаконных их действиях по пристрастию или лихоимству...». Далее сенатор писал, что так как Яковлев обвинения свои выдвигал только на одном «общем народном слухе», не указав ни конкретных случаев, а также не имея жалоб и доносов, он был вынужден «действия сих чиновников изыскивать и открывать не иначе, как о председателе Башинском из решенных дел Уголовной палаты в прошедшее время, а о прочих – из произведенных ими следственных дел». В результате только в 5 делах, при рассмотрении которых Башинский выступал председателем, сенатор усмотрел противозаконные действия. Сошлемся только на два из них. В первом – по уже упоминавшемуся нами выше «делу Богдина» – палата должна была, по мнению сенатора, исправить неправильное решение нижестоящего суда и, более того, после высказанного губернатором несогласия с приговором, пересмотреть это дело, но не сделала этого. Во втором эпизоде, когда за медлительность в решении дел судился бывший лодейнопольский исправник Новиков – зять Башинского, последний, даже после напоминания губернского прокурора о невозможности его участия в рассмотрении этого дела, не отвел себя.

Помимо этих 5 дел, сенатор обратил особое внимание царя еще на три момента «по личным действиям Башинского», это: 1) когда решением Сената он был оставлен в подозрении во взятках при проведении в 1815 году следствия о противозаконных действиях вытегорского земского исправника Суворова; 2) когда в 1819 году, будучи председателем вытегорского рекрутского присутствия, отдал вне очереди двух рекрутов взамен четырех, следующих от семейств волостного начальства; 3) когда «по многочисленным жалобам на Башинского подсудимых» все такие дела были вынуждены передаваться председателю Олонецкой палаты гражданского суда. В заключение сенатор писал, что хотя подозрения на Башинского и не доказаны, но «с нравственной стороны» его действия выглядят «в невыгодном свете», поэтому, считая его «к дальнейшей службе председателем неблагонадежным», предлагал государю удалить его от должности.

В дальнейшем сенатор пережил немало неприятных для себя моментов, связанных с этим чиновником. С. А. Башинский был одним из старейших и влиятельнейших чиновников Олонецкой губернии, который начал службу в ней с самого ее открытия в 1802 году уже в чине надворного советника и в должности советника Олонецкого губернского правления. В 1812 году он стал председателем уголовной палаты [36]. В конце 1828 года Башинский попытался оспорить свое удаление от должности. В одном из своих прошений к Бенкендорфу он писал «о безвинном и преждевременном удалении» его от должности «по пристрастному представлению ревизовавшего по Высочайшему Повелению Олонецкую губернию сенатором Барановым за какие-то мне неизвестные "противозаконные действия"». При этом, как он подчеркивал, никто не отобрал от него ответы по предъявленным ему обвинениям. Далее, ссылаясь на свой 67-летний возраст, из которых 47 лет он нес «беспорочную и беспрерывную» службу, и указывая, что его удаление от должности могло последовать «по настоянию Управляющего Министерством Юстиции, как близкого родственника г. Баранова», он просил графа Бенкендорфа, чтобы дело его «было рассмотрено законным порядком, ибо я к оправданию своему имею ясные и безсомнительные доказательства». В результате этой жалобы сенатор был вынужден оправдываться перед Бенкендорфом, указывая, что он никогда не отрешал Башинского от должности, что он только представил свое мнение императору, так как удалить от должности чиновника такого ранга мог только сам император, что последний и сделал 18 июня 1828 года [37].

Все же следственные дела, произведенные советниками Шкалиным, Васильевым, Борисовым и асессором Яльцовым, сенатор признал удовлетворительными. Отвечая на ключевой вопрос – было ли лихоимство этих чиновников, сенатор так писал императору: «...осмеливаюсь

в откровенность донести, Ваше Императорское Величество, что из всех преступлений, поручаемых от Правительства к изысканию, не находится ни одного, которое столь трудно было доказать положительным образом, как лихоимство. ... Существующие в России законы наказывают оное смертной казнью, поэтому к обличению преступника надлежит иметь доказательства ясные и неподвергающиеся сомнению... но по отношении к Башинскому одни подозрения, к остальным – нет даже повода, то я к обвинению их по сему предмету никакого заключения сделать не могу» [38].

Из всех незаконных поборов с крестьян, послуживших вторым поводом к началу ревизии, только один имел прямое отношение к губернской администрации. В Лодейнопольском уезде при устройстве большой Архангельской дороги (с 1821 года) крестьяне принуждались губернским начальством сначала делать дорогу сами, но, видя, что начальство «дурно сработанные участки велит иногда переделать», они решились «нанять подрядчиков». В результате сбор с каждой ревизской души стал составлять от 20 копеек до 4 рублей 10 копеек и шел на исправление дорог, окраску верстовых столбов, починку мостов. Расследование, проведенное в уезде помощником сенатора – коллежским советником Бустримовым, позволило в особо составленной сенатором записке «о противозаконных сборах по Олонецкой губернии» заметить, что все такие сборы между крестьянами производились «добровольно, без ведома земской полиции и даже волостных правлений». Доказать же, как обвинял в рапорте Яковлев секретаря губернатора Нуромского «в подговаривании волостных голов к утайке истины при исследовании об устройстве Архангельской дороги», не удалось, так как последний «не признался и доказательств против него не открыто» [39].

Этот рапорт императору представляет для нас особый интерес еще и потому, что в его заключении сенатор объяснял мотивы доноса, сделанного губернским прокурором Желябужским. В частности, сенатор писал, что Желябужский, донося правительству о незаконных сборах, к тому же «о многих из них несправедливо представил в таком виде, как будто бы им открытыми», старался «привести к ответственности Губернское начальство», в то время как злоупотребления по казенной палате, «с давних пор существовавшие, оставались им без всякого замечания. Таковые действия Желябужского доказывают, что Желябужский не столько руководствовался обязанностями своего звания, сколько духом партий, существующих в Петрозаводске» [40].

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕВИЗИИ

Безусловно, без подведения общих итогов сенаторской ревизии невозможно сделать заключение об эффективности работы как губернского

аппарата Олонейской губернии, так и сенаторской ревизии. К важнейшим из них следует отнести:

1. «Высочайше утвержденное» 31 октября 1828 года мнение Государственного Совета «О мерах к отвращению недостатка в Олонейской губернии чиновников и канцелярских служителей», в котором был установлен особый – льготный – порядок определения на государственную службу желающих служить на ней. В частности, табельные чиновники при определении в губернию получали следующий чин (но не выше статского советника) с обязанностью «для удержания чина» прослужить здесь не менее 6 лет. Определявшимся же сюда канцелярским служителям в 2 раза сокращался срок выслуги первого классного чина по сравнению с требованиями Положения 14 октября 1827 года. Для проезда в губернию всем чиновникам назначались двойные против положенного по их чину прогоны. Помимо этого, к 1 мая 1829 года губернской администрации было предписано открыть в Петрозаводске училище для детей канцелярских служителей [41].
2. Указ Сената от 23 января 1829 года «О мерах к пресечению вкравшихся в Олонейской губернии по лесной части злоупотреблений», в котором были четко прописаны действия лесных и земских полицейских чиновников по охране казенных лесов и пресечению любых незаконных их порубок [42]. Безусловно, этот указ был реализацией проекта, представленного сенатором царю на основании заключений, сделанных особой «лесной комиссией», действовавшей под руководством жандармского подполковника Яковлева и проводившей расследование всех лесных злоупотреблений в губернии [43].
3. Указ Сената от 22 июня 1828 года, в котором сообщалось, что государь по положению Комитета министров, заслушавшего дело «об обревизовании сенатором Барановым Олонейской губернии», повелел: 1) предать суду за беспорядки и злоупотребления, найденные сенатором в казенной палате, все действовавшее на начало ревизии присутствие палаты, а министру финансов «избрать немедленно на место их благонадежных чиновников»; 2) предать суду за те же беспорядки бывших олонейских вице-губернатора Нейдгардта и губернского казначея Филимонова; 3) предложить министру финансов принять меры к немедленному окончанию дела о наделении казенных крестьян 15-десятиной пропорцией земли и войти в рассмотрение причин такой медлительности. Сенат, сообщая волю государя, дополнительно приказал: предложить Олонейской палате уголовного суда вместе с делом о злоупотреблении по лесной части рассмотреть и поступки бывшего вице-губернатора Нейдгардта относительно «крайнего нераде-

ния в разрешении дел по управлению питейного сбора», а также «по делам о лихоимстве и растрате казенного имущества в течение нескольких годов без всякого действия» [44].

В своем исследовании С. М. Середонин дает весьма любопытную интерпретацию этого решения Комитета министров: «В 1828 г. сенатор Баранов в рапорте своем о ревизии Олонейской губернии, указывая на крайне убыточное для казны хозяйство Казенной Палаты, объяснял это и другие упущения по управлению крайним недостатком в губернии и уездных присутственных местах добросовестных служащих... начальство по неволе, писал Баранов, определяет на должности лиц, не вполне оправдавшихся в возведенных на них обвинениях. Комитет положил: виновных чиновников отрешить от должностей, предать суду, предложить министру финансов обеспечить губернию благонадежными чиновниками. Но государь, видимо, уже не вполне был уверен в успехе таких предположений» и поэтому наложил на него такую резолюцию – «какие меры будут приняты для замещения вакансий донести?» [45].

Однако в том, что губернских чиновников, заподозренных в злоупотреблениях в ходе ревизии, сенатор Баранов или по его представлениям Сенат и Николай I удалили от должности и предали суду, новости нет – этим заканчивалась каждая ревизия. Но, как верно замечал И. А. Блинов, «от предания суду было очень далеко до окончательного приговора, тут немедленно начиналась обычная канцелярская волокита... взятки, и в конце концов дело разрасталось в объеме и затягивалось на много лет» [46]. Поэтому нам были нужны окончательные результаты, то есть вступившие в законную силу решения соответствующих судебных мест. Однако именно поиски этих решений оказались самыми затратными по времени, так как потребовали пересмотреть десятки дел, длившиеся после сенаторской ревизии долгие годы. Ниже, учитывая формат статьи, мы изложим решения в отношении только главных фигурантов ревизии.

«Служение» губернатора Т. Е. Фан-дер-Флита в целом «одобрялось» сенатором Барановым. Это, например, следует из его сообщения министру внутренних дел от 22 декабря 1828 года на запрос последнего о том, достоин ли Фан-дер-Флит к представлению к «знаку отличия беспорочной службы... за состояние в военной и гражданской службе в обер-офицерских чинах более 35 лет». Сенатор писал, что «к лицу бывшего... гражданского губернатора... никакого обвинения не отнесено, кроме прикосновенности к делу о растрате петрозаводским казначеем Алексеевым денежной казны в том только отношении, что г. Фан-дер-Флит по званию гражданского губернатора обязан был производить в числе прочих положенных законом лиц ежемесячное свидетельствование казначейства» [47]. Однако в фондах III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии хранит-

ся представленная 12 ноября 1828 года Бенкендорфу уже полковником Яковлевым особая записка «о роли в деле о лесных злоупотреблениях Фан-дер-Флита», в которой он утверждал, что губернатор знал не только о лесных, но и всех прочих злоупотреблениях, выявленных как в ходе его самостоятельных расследований, так и сена-торской ревизии. В частности, полагал Яковлев, Фан-дер-Флит был осведомлен о незаконных сборах с крестьян Лодейнопольского уезда на строительство Архангельской дороги в 1825 году, которые неоднократно требовал остановить губернский стряпчий по казенным делам Ешевский. Однако губернатор не реагировал на эти протесты, и поэтому стряпчий донес министру юстиции, который своим предписанием повелел остановить этот сбор. И тогда «в отмщение» губернатор «вознес клевету на Ешевского» и добился его отстранения от должности, но Ешевский «перевел дело в Сенат, коим ныне оправдан» и определен в должность губернского по уголовным делам стряпчего. «А ныне, – продолжал Яковлев, – по указу Сената Фан-дер-Флит по делу о дороге не подвергнут ответственности по Милостивому Манифесту». Далее Яковлев доказывал, что Фан-дер-Флит прекрасно был осведомлен и о прочих «беззаконных сборах с казенных крестьян... ибо о них доносили ему земские начальники. ... Если б не знал о них, зачем подал в отставку?». И тут же сам отвечал на этот вопрос: «Чтобы не потерять место и пенсию, получаемый при отставке». В заключение Яковлев обвинял Фан-дер-Флита в махинациях при отпуске денег на исправление здания губернских присутственных мест и в покрывании «крайне сумнительных» действий вице-губернатора Пестеля при заключении в 1827 году в Олонецкой казенной палате контракта с санкт-петербургским купцом 1-й гильдии Кабинетским на постройку в губернии разных мостов. И тем не менее все эти обвинения Яковлева не имели хода. Дальнейшая карьера Фан-дер-Флита сложилась вполне благополучно: указом Сената от 8 февраля 1829 года он был назначен управляющим Государственной экспедиции для ревизии счетов [48].

Судьба же губернских чиновников, сопричастных или соприкосновенных к делу о растрате в Петрозаводском уездном казначействе, была решена в подтвержденном царем 10 июня 1831 года мнении Государственного совета, согласно которому: 1) подсудимый В. Алексеев был лишен чинов и личного дворянства и «отдан в солдаты вечно без выслуги»; 2) члены счетной и казначейской экспедиций Мухин, Сапожков, Филимонов и Чернозаводский, служившие при вице-губернаторах Уварове и Нейдгардте, учитывая, что они были обвинены «в упущении только, а не в злоупотреблении» и в настоящее время уже не находятся в данных должностях, а «упущения подобного рода» прощены Манифестом 1826 года, подлежали только денежному взысканию «в пополнение растраты» без запрета

службы; 3) многочисленная группа чиновников была подвергнута имущественным взысканиям, обращенным на их имения в следующей последовательности: в первую очередь взыскивалось с бывших уездных казначеев братьев Алексеевых (интересно заметить, что имение Алексеевых было продано еще в ноябре 1827 года за 21 руб. 50 коп.), во вторую – с бывших вице-губернаторов Уварова, Нейдгардта и ныне действующего Пестеля, губернских казначеев и контролеров, вышеупомянутых членов счетной экспедиции, а также всех членов Олонецкой казенной палаты, которые подписывали резолюции об определении к должности и награждении чинами братьев Алексеевых, свидетельствовали перед начальством об их «исправности и хорошем поведении»; в третью – с поручителей Алексеевых; в четвертую – с тех, кто ежемесячно свидетельствовал наличные суммы, а именно: с бывших гражданских губернаторов Мертенса, Рыхлевского, Фан-дер-Флита, со всех временно правивших должность губернатора председателей палат, а также губернских прокуроров. Кроме этого, Государственный совет решил испросить «Высочайшего соизволения» на взыскание с членов общего присутствия губернского правления за неправильное внесение в Петрозаводское уездное казначейство сумм на хранение. Как мы установили, уже в этом году были произведены первые взыскания, например, с бывшего советника губернского правления Кедрина [49].

Судебное рассмотрение дел «о беспорядках и злоупотреблениях» чиновников Олонецкой казенной палаты, отмеченных сенатором в ходе его личного осмотра палаты, а также по «лесной части», затянулось на годы. Так как все результаты рассмотрения «лесных дел» изложены нами в специальной статье, то в данной мы ограничимся лишь констатацией их общего итога: все эти чиновники на основании указов Сената за 1834 и 1836 годы были не только оправданы, но и признаны неподлежащими вообще какому-либо взысканию [50]. Правда, признать этих чиновников вовсе не пострадавшими мы все же не можем: в течение многих лет они находились под судом, не имея возможности распоряжаться своим имуществом, а в некоторых случаях и поступать на службу. Особенно трагична была судьба советника Политковского, который в 1831 году в Санкт-Петербурге даже пытался покончить жизнь самоубийством.

В 1842 году была определена судьба и губернских чиновников лесного отделения Олонецкой казенной палаты Кирсанова, Чупова и Непейна, проходивших по «делу лесопромышленников». Все они остались под угрозой имущественного взыскания в случае невозможности покрыть его из описанного имущества купцов [51]. Также были оправданы те чиновники казенной палаты, которые проходили по делу «о лихоимстве по рекрутскому набору». Дело было окончательно разрешено указом Сената от 28 июня

1830 года, согласно которому крестьяне, как не доказавшие взятки, были обязаны вернуть деньги чиновникам, но при этом, по «Высочайшей воле», ответственности за дачу взятки не понесли [52]. Точка в деле «по ревизии сенатора Баранова о злоупотреблениях в Олонецкой губернии», числившимся за Олонецким губернским правлением, была поставлена в 1842 году: своим решением от 27 апреля правление постановило: «...дело сие зачислить решенным и отдать для хранения в архив», так как «последовавшие от Сената указы и от разных присутственных мест и лиц представления и требования в свое время губернское правление привело в исполнение, и за тем дело не требует никакого производства» [53].

ВЫВОДЫ

Проведенная сенатором Д. О. Барановым в 1827/1828 году ревизия олонечских губернских государственных органов началась на основании достаточно голословного рапорта жандармского офицера Яковлева, проверявшего по распоряжению Николая I обоснованность поступившего от местного губернского прокурора в правительство доноса. Сенатор Баранов провел, как мы считаем, достаточно беспристрастный личный осмотр состояния дел в губернских учреждениях, который длился чуть менее месяца. Впрочем, общее производство по ревизии (с момента назначения и до момента сложения с сенатора полномочий ревизора) продолжалось чуть более года. В этой связи интересно заметить, что данный показатель несколько превышает средний показатель продолжительности сенаторских ревизий, проходивших в начале правления Николая I и укладывавшихся, как указывает И. А. Блинов, обычно в 6–8 месяцев [54].

Ни к одному из олонечских губернских учреждений, за исключением казенной палаты, серьезных претензий у сенатора не возникло. Поэтому, наверное, эта ревизия не привела, как это обычно бывало в других губерниях, к кардинальной смене корпуса губернских чиновников. Более того, при сравнении данных «Адрес-календаря» за 1828, 1829 и 1830 годы (составлены соответственно по состоянию на 16 июня 1827 года, 25 ноября 1827 года и 1 декабря 1829 года) оказалось, что после сенаторской ревизии на конец 1829 года осталось прежним по составу общее присутствие Олонецкого губернского правления, палаты уголовного суда (за исключением председателя С. А. Башинского) и гражданского суда (за исключением советника С. В. Васильева). Кардинальному изменению, как и следовало ожидать, подвергся лишь состав общего присутствия казенной палаты. Однако при этом сохранил свою должность ее председатель – вице-губернатор Б. И. Пестель. Вероятно, в данном случае следует учитывать значительные родственные и аристократические связи последнего в придворных кругах: его отцом являл-

ся известный, бывший в 1806–1818 годах сибирским генерал-губернатором, И. Б. Пестель, а родным братом – декабрист П. И. Пестель. В 1829 году его кандидатура даже была представлена Николаю I в качестве одного из двух кандидатов на пост олонечского гражданского губернатора, но не была им утверждена [55].

Столь необычные результаты ревизии позволили С. М. Середонину привести ее в своей работе в качестве одного из двух примеров (вторым была ревизия Пензенской губернии в 1828 году), когда сенаторская ревизия не обнаружила злоупотреблений. Он писал: «Олонецкую губернию сенатор Баранов нашел в порядочном положении» [56]. Почему исследователь так считал, понять можно: почти все чиновники губернского аппарата, привлеченные к уголовному суду, были оправданы. Если же судить по числу официально представленных Д. О. Баранову нерешенных дел, то по этому показателю губернские учреждения Олонецкой губернии выглядели достаточно неплохо на фоне других губерний. Так, например, в 1822 году, на момент принятия в управление Казанской губернии сенатором Саймоновым на правах генерал-губернатора «для совершенного устройства той губернии», сенатор зафиксировал только в одном ее губернском правлении до 15000 нерешенных и неприведенных в известность дел, в то время как в Олонецком губернском правлении сенатор Баранов нашел всего 731 такое дело [57]. В ходе же проведенной в 1837 году ревизии Саратовской губернии сенатор Денфера нашел только в одной ее казенной палате 4136 нерешенных дел, а в Олонецкой казенной палате сенатор Баранов выявил всего 1722 таких дела [58]. Правда, мы прекрасно осознаем некоторую некорректность проведенного сравнения, так как число решаемых дел в губернских присутственных местах напрямую зависит не только от субъективных факторов (например, от неэффективной работы чиновников), но и объективных (например, от численности населения, а по этому показателю Казанская и Саратовская губернии не менее чем в 3 раза превосходили Олонецкую). Безусловно, самым оптимальным следовало бы признать сравнение с аналогичными результатами сенаторских проверок в более сходных по численности и специфике населения Архангельской и Вологодской губерниях, но, к сожалению, как мы уже указывали в начале статьи, подобных исследований еще не проведено.

Тем не менее мы не можем полностью согласиться с утверждением С. М. Середонина: беспорядки в деятельности олонечского губернского аппарата и случаи злоупотреблений со стороны отдельных губернских чиновников сенатор Баранов все же нашел. Но то, что после многолетних судебных рассмотрений большинство из привлеченных сенатором или по его представлению Сенатом и императором к суду чиновников были признаны невиновными или прощены по

Манифестами 1826 и 1841 годов, не позволяя нам признать саму сенаторскую ревизию достаточно эффективным средством борьбы с коррупцией или злоупотреблениями властью предержавших. Ответственность же сенатора и членов его канцелярии, а также проводивших под его началом специальные расследования за понесенные олонецкими чиновниками убытки во время нахождения их под следствием и судом в русском праве не предусматривалась – пожалованные императором награды за проведение ревизии отобраны у них не были. В частности, по ходатайствам сенатора Баранова в 1828 году находившиеся при нем чиновники были награждены: сенатский секретарь коллежский советник Пурлевский как управлявший канцелярией сенатора и производивший следствие по лесной части и расхищению в Петрозаводском уездном казначействе орденом Св. Анны 2-й степени, а три сенатских канцеляриста получили следующий чин. Следователи по «лесному делу» были вознаграждены скромнее: подполковник Яковлев был удостоен «Высочайшего благоволения», статский советник Речицкий получил в награду лишь годовой оклад в размере 2500 рублей. Сам сенатор «за отлично проведенную ревизию Олонецкой губернии» был пожалован в кавалеры ордена Св. Александра Невского [59].

В свою очередь, признавая ревизию сенатора Баранова неэффективной, мы в то же время не можем согласиться с тем, что она была абсолютно безрезультатной. Нам представляется, что именно материалы этой ревизии, а также признание сенатором факта неудовлетворительного состава олонецкого чиновничества окончательно убедили императора в необходимости включить

Олонецкую губернию в список «привилегированных» губерний, где при определении на службу чиновники получали особые преимущества. Был также приспособлен к специфике Олонецкой губернии общий закон об охране казенных лесов. Вся верхушка олонецкой губернской администрации понесла имущественную ответственность за крупную растрату в Петрозаводском уездном казначействе и допущенные нарушения лесного законодательства.

В целом, произведенный анализ материалов сенаторской ревизии Олонецкой губернии, проведенной тайным советником Д. О. Барановым в 1827/1828 году, позволил правительству оценить не только общее состояние дел в ее губернских учреждениях, но и выявить проблемы. Некоторые из этих проблем правительство постаралось решить «по горячим следам». В ходе ревизии были выявлены многие типичные недостатки местного управления – медленное и пристрастное решение дел, корыстолюбие чиновничества. Однако ряд результатов ревизии, а именно: удовлетворительный порядок в делопроизводстве канцелярий губернских органов и относительно небольшое число нерешенных дел при столь некачественном составе чиновничества – выгодно отличает эту ревизию от других. Такой парадоксальный итог еще раз убеждает в необходимости более пристального внимания исследователей к такому ценному источнику, как материалы сенаторских ревизий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Карелия (региональный конкурс «Русский Север»), проект № 04-03-49302а/С.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: В 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во «Юридический ЦентрПресс», 2003. 456 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: В 45 т. СПб.: Тип. отд. Его Имп. Вел-ва канцелярии, 1830. № 21860, 27722.
3. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи... С. 118.
4. История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911: В 5 т. Т. 3. СПб., 1911. С. 631; 3, С. 108, 154–155, 172–174.
5. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. С. 84–85.
6. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: Изд-во Омского госун-та, 1995. 237 с.
7. Морякова О. В. Система местного управления России при Николае I. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 272 с.
8. Бикташева А. Н. Надзор за губернаторами в России в I-й половине XIX в. // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 97–105.
9. Ефимова В. В. Из истории охраны казенных лесов в Олонецкой губернии в первой половине XIX века (по материалам сенаторской ревизии Д. О. Баранова) // Вопросы истории Европейского Севера: Сб. научн. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 105–118.
10. Ф. 109 – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (4 экспедиция). Оп. 167. Д. 123. Л. 1.
11. Ф. 109 – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (4 экспедиция). Оп. 167. Л. 14, 19, 64, 66, 77.
12. Высшие и центральные государственные учреждения России... С. 84–85; 16. Оп. 68. Д. 337. Л. 115.
13. Ф. 1286 – Департамент полиции исполнительной. Оп. 4. Д. 493. Л. 1–2, 5–6, 13.
14. Ф. 1409 – Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Государственный архив Архангельской области. Оп. 1. Д. 461. Л. 183.
15. Ф. 1409 – Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Государственный архив Архангельской области. Оп. 167. Д. 123. Л. 93–94; 14. Оп. 2. Д. 5206. Л. 13, 39; 16. Оп. 68. Д. 345. Л. 1459; 18. Оп. 3. Д. 10/29. Л. 98; Д. 30. Л. 7; 19. Оп. 44. Д. 591. Л. 144.
16. Ф. 2 – Олонецкое губернское правление. Оп. 68. Д. 337. Л. 759.
17. Ф. 2 – Олонецкое губернское правление. Оп. 68. Д. 337. Л. 757–758.

18. Ф. 656 – Олонецкая палата гражданского суда. Оп. 1. Д. 1285. Л. 6–7.
19. Ф. 1367 – Канцелярия генерал-губернатора Архангельского, Вологодского и Олонецкого. Оп. 1 (1820–1830). Д. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 369.
20. Ф. 4 – Олонецкая казенная палата. Оп. 44. Д. 591. Л. 62.
21. Ф. 4 – Олонецкая казенная палата. Оп. 68. Д. 345. Л. 1132–1141.
22. Ф. 1409 – Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Государственный архив Архангельской области. Оп. 2. Д. 508. Л. 1–5.
23. Ф. 2 – Олонецкое губернское правление. Оп. 68. Д. 345. Л. 127–143.
24. Ф. 2 – Олонецкое губернское правление. Оп. 68. Д. 345. Л. 529–530.
25. Ф. 656 – Олонецкая палата гражданского суда. Оп. 1. Д. 1323. Л. 11–15; 18. Оп. 3. Д. 29. Л. 445.
26. Ф. 1409 – Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Государственный архив Архангельской области. Оп. 2. Д. 5206. Л. 663; 18. Оп. 1. Д. 1060; 21. Оп. 1. Д. 2536. Л. 1–4. Д. 3070. Л. 157–170.
27. Ф. 2 – Олонецкое губернское правление. Оп. 2. Д. 345. Л. 6770–687; Д. 346. Л. 663; Д. 337. Л. 94–99.
28. Ф. 109 – III отделение Собственной Его Императорского Величества (4 экспедиция). Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург). Оп. 167. Д. 123. Л. 89–92.
29. Ф. 2 – Олонецкое губернское правление. Оп. 68. Д. 344. Л. 355–356.
30. Ф. 2 – Олонецкое губернское правление. Оп. 68. Д. 345. Л. 549–550.
31. Ф. 1409 – Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Оп. 2. Д. 5206. Л. 663; 18. Оп. 1. Д. 1060; 21. Оп. 1. Д. 2536. Л. 1–4.
32. Ф. 29 – Приказ общественного призрения. Оп. 1. Д. 461. Л. 210–213.
33. Ф. 656 – Олонецкая палата гражданского суда. Оп. 2. Д. 27. Л. 345–361.
34. Ф. 655 – Олонецкая палата уголовного суда. Оп. 1. Д. 1091. Л. 16–18.
35. Ф. 109 – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (4 экспедиция). Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург). Оп. 167. Д. 123. Л. 19; 14. Оп. 2. Д. 5206. Л. 1.
36. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. № 20004; 18. Оп. 1. Д. 477. Л. 22–24.
37. Ф. 109 – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (4 экспедиция). Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург). Оп. 168. Д. 237а.
38. Ф. 1409 – Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Государственный архив Архангельской области. Оп. 2. Д. 5206. Л. 1–10.
39. Ф. 109 – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (4 экспедиция). Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург). Оп. 167. Д. 123. Л. 146.
40. Ф. 109 – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (4 экспедиция). Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург). Оп. 167. Д. 123. Л. 148.
41. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: В 55 т. СПб.: Тип. отд. Его Имп. Вел-ва канцелярии, 1830–1884. № 2394.
42. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе... № 2615.
43. Ф. 109 – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (4 экспедиция). Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург); Оп. 3а. Т. 1. Д. 1218. Л. 2–11.
44. Ф. 655 – Олонецкая палата уголовного суда. Оп. 3. Д. 29. Л. 398–403.
45. Исторический обзор деятельности Комитета министров: В 5 т. Т. 2. Ч. 2 / Сост. С. М. Середонин. СПб., 1902. С. 92.
46. История Правительствующего Сената за 200 лет... С. 651.
47. Ф. 1286 – Департамент полиции исполнительной. Оп. 4. Д. 439. Л. 61.
48. Ф. 109 – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (4 экспедиция). Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург). Оп. 167. Д. 123. Л. 222–224; 16. Оп. 68. Д. 377. Л. 252.
49. Ф. 2 – Олонецкое губернское правление. Оп. 2. Д. 338. Л. 351–352; 18. Оп. 1. Д. 1291; 20. Оп. 1. Д. 1323. Л. 121–135.
50. Ф. 2 – Олонецкое губернское правление. Оп. 40. Д. 44. Л. 144–145; 21. Оп. 1. Д. 3071. Л. 445–448.
51. Ф. 2 – Олонецкое губернское правление. Л. 111–113.
52. Ф. 655 – Олонецкая палата уголовного суда. Оп. 1. Д. 1095. Л. 1, 238–255.
53. Ф. 2 – Олонецкое губернское правление. Оп. 40. Д. 44. Л. 190.
54. История Правительствующего Сената за 200 лет... С. 636.
55. Ф. 1286 – Департамент полиции исполнительной. Оп. 4. Д. 740.
56. Исторический обзор деятельности Комитета министров... С. 69.
57. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое... № 29330.
58. Морякова О. В. Система местного управления России при Николае I... С. 138–139.
59. Ф. 1409 – Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Государственный архив Архангельской области. Оп. 2. Д. 5206. Л. 40–43; 12. Оп. 168. Д. 238а.

БОРИС АНАТОЛЬЕВИЧ СТАРКОВ

доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

a.starkov@sev-ven.ru

РАДИОИГРЫ ЛЕНИНГРАДСКИХ КОНТРРАЗВЕДЧИКОВ

В статье рассматриваются вопросы радиотехнической контрразведки в годы Великой Отечественной войны. По терминологии чекистов, «радиоиграми» назывались специальные операции по дезинформации противника.

Ключевые слова: радиоигра, контрразведчики, Великая Отечественная война

После победы советских войск под Москвой, а затем и под Сталинградом обстановка на германском фронте несколько стабилизировалась. В этих условиях возросла активность советских спецслужб в борьбе с противником: постепенно складывалась система сбора оперативных данных о немецких разведорганах, их структуре, дислокации и личном составе, о методах их подрывной и шпионской работы, об экипировке и маскировке. В системе НКВД СССР готовились и рассылались ориентировки, позволявшие армейским чекистам и территориальным органам контрразведки более четко и адресно организовывать оперативные мероприятия по предупреждению, выявлению и пресечению подрывных действий немецкой разведки на фронте, в прифронтовой полосе и в тылу Красной армии.

К этому времени стала налаживаться зафронтная работа ленинградских чекистов. Если в начальный период войны она была нацелена исключительно на решение разведывательных задач и совершение акций в ближайшем тылу противника, то теперь фронтовые контрразведчики ставили своей целью проникновение в немецкие спецслужбы, прежде всего, в организационные структуры немецкой разведки и контрразвед-

ки. Эту задачу выполняли кадровые сотрудники особых отделов, военнослужащие Красной армии, советские граждане, патриоты, бежавшие из оккупированных районов, а также переведенные, но тщательно проверенные агенты противника. Удачно проведенные зафронтные мероприятия позволили советской контрразведке иметь своих людей в специальных органах и школах Абвера и «Циппелина» и с помощью этих источников устанавливать состав немецких шпионско-диверсионных групп, время, районы и способы их переброски в советский тыл, а затем захватывать агентов противника.

Уже к середине лета 1942 года НКВД СССР было учтено 36 школ германской военной разведки, функционирующих на временно оккупированной захватчиками территории, и получены данные на 1500 разведчиков и диверсантов из числа военнопленных [1]. Советская контрразведка стала наносить все более ощутимые удары по противнику. Особисты и территориальные контрразведчики быстро разобрались в тактике немецко-фашистской разведки, делавшей ставку на победу своих войск путем блицкрига. Относительно быстрый захват советских территорий, большое количество трофеев и военнопленных

оказали плохую услугу германским спецслужбам. Немецкие разведчики полагали, что если из 10 завербованных наспех агентов хотя бы один выполнит задание, то это все равно будет успех, поскольку германская армия вот-вот возьмет Москву, Ленинград и Сталинград, выйдет к Уралу и захватит Кавказ. Такая практика немецкой разведки, рассчитанная на заброску большого числа агентов для выполнения заданий узкого назначения, на жаргоне советских сотрудников спецслужб называлась «настройкой машины на крупный помол». Такие массовые заброски в советский тыл практически необученных и непроверенных агентов не достигли своей цели. Многие из завербованных, давших согласие выполнять задание немцев, являлись с повинной или же не проявляли никакой активности. Грамотное сочетание оперативных и гласных мер предупреждения и пресечения подрывной деятельности противника позволило успешно выявлять заброшенную агентуру. По данным НКВД СССР на 8 августа 1942 года, направленным в ГКО СССР и ЦК ВКП(б), органами госбезопасности с начала войны было арестовано 11 тыс. 765 агентов противника [2]. В этих условиях особенно востребованным стало оперативное искусство предшествующих поколений российской контрразведки. Контрразведчики больше обращались к урокам исторического опыта деятельности отечественных спецслужб. В частности, тогда чекисты впервые обратились к материалам оперативной разработки «Трест», одним из авторов которой был А. Х. Артузов.

Так, захваченные агенты немецкой разведки, экипированные специальными радиостанциями для связи с центром, успешно перевербовывались спецслужбами СССР для борьбы с теми, кто посылал их в тыл Красной армии. В истории отечественных спецслужб началась эпоха радиоигр с противником, которую советские контрразведчики успешно вели до конца войны. Из 74 захваченных органами НКВД к началу августа 1942 года германских агентурных радиостанций 31 радиостанция использовалась для дезинформации. К операции, как правило, подключались немецкие агенты, сдавшиеся в плен добровольно. Из 222 заброшенных агентов-парашютистов только в марте 1942 года добровольно явились в НКВД 76 человек [3].

Во время Второй мировой войны спецслужбы воюющих стран освоили новую сферу противоборства – радиоэфир. Наряду с боевыми действиями на суше и в море, в воздухе и под водой развернулась настоящая невидимая битва в так называемом «четвертом измерении». Одним из новых направлений деятельности советских контрразведчиков стали радиоигры с разведкой противника. С этой целью использовались, как правило, захваченные на своей территории вражеские агенты, имевшие при себе портативные коротковолновые приемно-передающие рации. Вовлеченные в радиоигры, аресто-

ванные агенты противника начинали работать под контролем контрразведывательных органов, систематически передавая противнику дезинформацию.

Немецкая разведка также активно применяла этот новый вид деятельности своих спецслужб против спецслужб СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции. Так, арестованный органами ГУКР «Смерш» начальник немецкой военной контрразведки Абвер-3 Франц фон Бентивеньи на допросе подробно рассказал об исключительно удачной и результативной операции, которую Абвер-3 провел в Голландии. По его словам, в конце 1942 года в Голландии было арестовано 10 английских разведчиков, державших радиосвязь с Лондоном. Пять радистов было перевербовано, а на остальных пяти точках работали немецкие радисты, изучившие почерк англичан. Эта радиоигра продолжалась в течение всего 1943 года. В ходе нее было арестовано большое количество английских агентов и захвачено значительное количество сброшенного с самолетов вооружения, которого хватило бы для оснащения целой дивизии [4].

Радиоигры со спецслужбами противника были взяты на вооружение и советскими контрразведывательными органами в лице НКВД и ГУКР «Смерш» под Ленинградом, которым удалось осуществить целый комплекс мер по дезинформации немецкой разведки и военного командования, перехвату каналов проникновения вражеской агентуры в блокированный Ленинград, тыл Красной армии, внедрения зафронтовых агентов в разведывательно-диверсионные школы Абвера и «Циппелина». Всего за годы Великой Отечественной войны органами советской контрразведки было проведено 183 радиоигры с противником, ставших, по сути, единой «Большой игрой» в радиоэфире [5]. На немецкие спецслужбы обрушилась масса умело подготовленной и умело выверенной информации, значительно снизившей эффективность их работы. Генерал фон Бентивеньи отмечал: «По нашей оценке, исходя из опыта войны, мы считали советскую контрразведку чрезвычайно сильным и опасным противником. По данным, которыми располагал Абвер, почти ни один заброшенный в тыл Красной Армии немецкий агент не избежал контроля со стороны советских органов, и в основной массе немецкая агентура была арестована русскими чекистами, а если возвращалась обратно, то зачастую была снабжена дезинформационным материалом» [6].

В войне в эфире ленинградские контрразведчики широко применяли новейшие оперативно-технические средства. Так, для выявления вражеских агентов, снабженных радиостанциями, проводились специальные мероприятия радиоконтрразведывательной службой ГУКР «Смерш». Для фиксации работы агентурных радиостанций противника на территории, занятой советскими войсками, формировались специальные розыскные,

радиопеленгаторные группы. Эта работа проводилась в тесном контакте с другими оперативными подразделениями НКВД–НКГБ и органами военной контрразведки. Война с противником в эфире началась с 1942 года. Первое время ее вели несколько подразделений 4-го Управления под руководством П. А. Судоплатова, один немецкий отдел 2-го Управления, возглавляемый П. П. Тимофеевым, в составе которого функционировало специальное отделение по радиограмм (начальник Н. М. Ендаков), а также территориальные органы НКВД [7].

С весны 1943 года все радиоигры, кроме игр «Монастырь», «Курьеры», а затем «Березино», были переданы в ведение Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР. В новом ведомстве эту работу проводил 3-й отдел под руководством Владимира Яковлевича Барышникова. В течение всей войны радиоигры готовили и вели ведущие оперативные сотрудники отдела: Д. П. Тарасов, Г. Ф. Григоренко, И. П. Лебедев, С. Елина, В. Фролов и другие [8].

Радиоигры «Ястреб», «Хозяин», «Карелия», «Пешеходы», «Подрывники», «Семен», «Ленинградский дуэт», «Двина», «Кварц», «Заряд» и «Находка», проводимые ленинградскими чекистами, оказывали реальную помощь Красной армии на полях сражений путем передачи противнику систематической дезинформации. Советская контрразведка ставила перед собой главную оперативную задачу: парализовать работу вражеских спецслужб, прежде всего Абвера и «Циппелина», по основным каналам их деятельности, проведения шпионажа в прифронтовой полосе и на главных транспортных коммуникациях страны. Передача врагу систематической дезинформации проводилась только после утверждения Генеральным штабом текстов радиограмм, подготовленных контрразведчиками с учетом почерка каждого агента и легенды о его разведывательных возможностях.

Установление радиоконтакта с противником и дальнейшие оперативные мероприятия позволили вскрывать стратегические планы противника. Кроме того, в ходе игр оперативники «Смерш» получали ценную информацию об особенностях работы немецкой разведки, способствующую более эффективной организации противодействия врагу. Во многом благодаря радиограмм рухнули планы немецкой разведки по созданию антисоветского националистического подполья и «партизанских отрядов» в СССР, подготовке восстаний в глубоком тылу. Каждая радиоигра носила творческий, наступательный характер и являлась по своей сути уникальной агентурной операцией с использованием широкого арсенала сил и средств оперативной деятельности.

Так, 27 апреля 1942 года в Особый отдел 5-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД явился с заявлением немецкий разведчик в форме младшего лейтенанта РККА Голованов Иван Сергеевич, 1915 года рождения, уроженец Че-

лябинской области, который показал, что, оказавшись в плену у немцев 28 июня 1941 года, будучи командиром взвода минометной роты 533-го стрелкового полка 128-й стрелковой дивизии в районе г. Серя Латвийской ССР попал в плен к немцам и дал согласие на сотрудничество с германской разведкой. После окончания Варшавской школы разведчиков в ночь на 25 апреля 1942 года был выброшен на парашюте с немецкого самолета в районе г. Тихвина в составе группы немецких разведчиков из трех человек, вместе с Захаровым и Печалиным. Группа имела рацию и задание вести систематическую разведку за станцией Вологда – Тихвин. С помощью Голованова вся группа немецких агентов была задержана. Кроме этой группы, с того же самолета в Волховском районе была выброшена группа Жаворонкова. Она должна была установить связь с группой немецких разведчиков, которая ушла с заданием в г. Ленинград по льду через Финский залив в день большого налета вражеских самолетов на Ленинград 4 апреля 1942 года.

Оценив сложившуюся ситуацию, советские контрразведчики 5 мая 1942 года приняли решение о целесообразности организации радиоигры с немецкой разведкой под условным наименованием «Кварц» [9]. Тихвинская группа немецких разведчиков получила задание вести наблюдение за воинскими грузами: будет ли поступать американское, английское вооружение, ведется ли подготовка к химической войне, какие части аэродромов, новые образцы вооружения, возрастной состав Красной армии и степень его обученности, моральное состояние командного и рядового состава. Командование немецкой разведки установило срок действия группы 10 июня 1942 года – день намеченного немцами взятия Тихвина.

7 мая в 20 часов 30 минут в Тихвине были задержаны два немецких разведчика из Волховской группы, в их числе был радист и старший группы Кулаков Гурий Алексеевич. Потеряв ориентировку, группа решила войти в Тихвин, и здесь была задержана советскими контрразведчиками при содействии Голованова. Советское командование приняло решение о проведении оперативной радиоигры с противником, используя для этого рации, изъятые у немецких разведчиков, для дезориентации противника.

6 июня 1942 года в Тихвине были арестованы еще два немецких разведчика: А. А. Ястребов-Китайский и Г. И. Кабак. Во время их допросов была получена ценная информация о деятельности штаба немецкой разведки 18-й немецкой армии в г. Пскове, возглавляемой опытным немецким разведчиком капитаном фон Регенау, а также Валгской разведывательной школы. При попытке установить связь с группой немецкого шпиона Голованова были арестованы немецкие агенты Юсупов и Ярмоленко.

Большой оперативный интерес представляла радиоигра, которую проводили ленинградские контрразведчики с командованием немецкой армии Северного фронта. Немецкие разведчики были снабжены документами, деньгами, продуктами и портативной рацией портфельного типа. Советские контрразведчики детально разработали легенду о существовании в Вологодской области контрреволюционного подполья в районе спецпоселений раскулаченных и высланных украинских кулаков. Эта оперативная радиоигра получила название «Хозяин» [10]. Так вологодские чекисты называли начальника Абверкоманды-104 подполковника Гемприха. С лета 1942 года в этом разведывательном центре германской разведки работал внедрившийся под видом перебежчика советский разведчик Мелетий Олегович Малышев [11].

К концу 1942 года главная задача – дезинформация противника о комплектовании и передвижении войск по Северной, Октябрьской и Кировской железным дорогам, перевозке вооружения чекистами – была выполнена. Было решено завершить операцию. Чекистам удалось блестяще завершить эту операцию, но не даровать обещанную за сотрудничество свободу. Главный ее фигурант – Алексеенко – с момента задержания находился в тюрьме, а в июне 1944 года Особым совещанием был приговорен к 8 годам исправительно-трудовых работ. Начальник НКВД–НКГБ Лев Федорович Галкин добился пересмотра приговора, и срок наказания снизили до трех лет. После войны он проживал в г. Вологде, а его дальнейшая судьба неизвестна.

В радиоиграх использовались агенты не только германской, но и финской разведки. Так, в январе – феврале 1943 года карельские чекисты задержали двух агентов, которые показали, что, согласно директиве начальника Петрозаводской разведшколы, они должны были разведать движение по дороге Вытегра – Пудож – Повенец. Мобильная связь с Москвой была налажена с перебежками, и карельским чекистам пришлось самим сочинять дезинформацию о перемещениях и дислокации советских войск. От перевербовки немецких агентов по определенным причинам пришлось отказаться. Пришлось придумывать информацию о передвижении корреспондентов на юг к Пудожу, о разведке в деревне Сароозеро, о состоянии дороги на Повенец, просьбу прислать продукты, которые финский самолет сбросил 23 января 1943 года. Согласно легенде, разведчики переместили свой шалаш в окрестности деревни Давыдова Гора южнее Пудожа. В очередной телеграмме говорилось, что условия наблюдения стали трудными. «В районе Пудожа усиленные патрули. В городе сильный гарнизон, какие войска – выясняем». 30 января финнам были переданы две очередные телеграммы о дислокации в деревне Авдеево штаба воинской части, о наличии в Пудуже стрел-

кового полка, о движении на Повенец большого числа автомашин и красноармейцев, лыжников и легковых автомашин.

2 февраля финны передали новое задание: «Уточните, какие войска и сколько их в Пудож. После этого возвращайтесь, как было указано». Ответа они так и не получили. Москва уже приняла решение о завершении игры в связи с завершением дезинформационных мероприятий [12].

Не менее результативной была радиоигра «Пешеходы». В начале мая в засаду «Смерша» попала группа из трех агентов. Они имели задачу пробраться в город Тороповец и организовать сбор сведений о военном гарнизоне и его вооружении, установить характер грузов, прибывающих на местную железнодорожную станцию, выяснить, производится ли переброска воинских частей по дорогам, ведущим к городам Холм и Великие Луки. Радиоигра продолжалась с 9 по 20 мая. За это время было передано 6 телеграмм, содержащих дезинформационные сообщения о продвижении через станцию Тороповец частей Красной армии и воинских грузов. Игру закончили после «возвращения» агентов обратно [13].

Интересную радиоигру проводили контрразведчики особого отдела Северо-Западного фронта. Группе немецких разведчиков было дано задание собрать сведения о Московском железнодорожном узле. С санкции начальника ГУКР «Смерш» В. С. Абакумова началась радиоигра с разведорганом 6-го Управления РСХА «Циппелин» «Россия – Центр». Главным фигурантом этой радиоигры явился зафронтовой работник особого отдела Северо-Западного фронта «Северов», внедрившийся в германскую разведывательную сеть. Командование немецкой разведки придавало большое значение этой радиоигре. Поэтому в ночь с 29 на 30 марта в район Егорьевска был направлен высокопоставленный сотрудник СД Алоиз Гальфе, крупнейший берлинский специалист по подготовке агентурно-радивистов. Следующего немецкого агента заманили с помощью «тщательно отработанных» планов воинских перевозок на летне-осенний период 1944 года, которые позволяли выявить замыслы командования Красной армии и заранее узнать о готовящихся наступлениях. Однако захватить самолет не удалось, гость удачно сманеврировал и скрылся за линией фронта. Позднее выяснилось, что этот самолет был специально сконструирован фирмой «Мессершмит» для высадки разведгрупп в глубоком тылу противника. Вместо обыкновенных шасси он был снабжен каучуковыми траками, дававшими ему возможность приземляться даже на заболоченной местности. Официальный сотрудник «Циппелина» на допросе в июне 1945 года утверждал: «... в разговорах с сотрудниками отдела забросок я постоянно слышал такое мнение, что "Иосиф" – лучшая агентурная группа. Все непо-

ладки и провалы группы служили поводом для критики плохой работы немецкой разведки. Вина за них возлагалась на взаимную конкуренцию и погоню за орденами среди руководства» [14].

С августа 1942 года от имени радиста Ускова и его напарника Лосева передавалась дезинформация о движении грузов по железным дорогам северного направления. Радиоигра «Контролеры» проводилась до мая 1945 года. С 13 февраля 1944 года ленинградские чекисты вели игру «Связисты», наблюдая за переброской частей и соединений Советской армии к линии фронта. В результате операции вологодских чекистов на советскую территорию было выведено и арестовано 22 немецких агента. Кроме того, по этому каналу в разведцентр противника систематически передавались ложные сведения о передвижении воинских частей и боевой техники по Северной железной дороге. Эта дезинформация позволила ввести немецкие штабы в заблуждение относительно намерений советского командования.

Весной 1944 года на территории Ленинградской области одновременно проводились две радиоигры. Первая действовала в районе г. Невеля и передавала дезинформацию о передислокации 11-й Гвардейской армии. Вторая работала в районе города Гатчина. Агенты были расстреляны через две недели после их задержания [15].

Радиоигра «Двина» велась в тылу 3-го Прибалтийского фронта. В ней были задействованы агенты: радисты Битанов и его напарник Иванов, а также обер-лейтенант Зигер, командир авиаэскадрильи дальней разведки 1-го воздушного флота Германии. Радиоигры продолжались и после того, как советские войска перешли государственную границу СССР. На территории Польши, Румынии, Чехословакии, Пруссии, Германии и других стран проводились радиоигры. Судьбы их участников сложились по-разному. Многие из них честно встали на путь сотрудничества с советскими спецслужбами, надеясь на помилование после окончания войны. Однако реалии оказались гораздо сложнее. Поэтому многие из них во второй половине 1940-х годов оказались в числе репрессированных. Так было со знаменитым семейным дуэтом Шило–Таврин, участники которого были расстреляны в 1952 году. В эти годы были необоснованно репрессированы видные советские контрразведчики Н. Я. Эйтингон, П. А. Судоплатов и многие другие. К сожалению, не всем из них удалось дожить до реабилитации. Многие талантливые советские контрразведчики, работники и инициаторы радиоигр, стали заложниками политических игр в советском руководстве второй половины 40–50-х годов двадцатого столетия

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Генералитет фашистской Германии. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 149. Д. 213.
2. СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2003. С. 31.
3. СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы... С. 32.
4. СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы... С. 113.
5. СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы... С. 193.
6. СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы... С. 115.
7. СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы... С. 193–194.
8. Шарапов Э. П. Судоплатов против Канариса. Секреты без грифа секретно. М.: Яуза: Эксмо, 2004. 350 с.
9. Шарапов Э. П. Судоплатов против Канариса... С. 278–317.
10. Шарапов Э. П. Судоплатов против Канариса... С. 278–317.
11. Шарапов Э. П. Судоплатов против Канариса... С. 318–337.
12. Телицын В. Л. «Смерш». Операции и исполнители. Смоленск: Русич, 2000. С. 384.
13. Шарапов Э. П. Судоплатов против Канариса... С. 337–339.
14. СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы... С. 199–201.
15. Шарапов Э. П. Судоплатов против Канариса... С. 212–256.

УДК 947 (470.22)

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета ПетрГУ
verigin@psu.karelia.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ НКВД–НКГБ КФССР ПО ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ РАБОТЫ В ТЫЛУ ФИНСКИХ ВОЙСК В 1941–1944 ГОДАХ *

К началу вступления Финляндии в войну против СССР на стороне Германии страна располагала развитыми разведывательными и контрразведывательными органами. Разведку против СССР вело Управление военной разведки (разведывательный, иностранный и контрразведывательный отделы) и ее периферийные органы: разведывательные отделения в городах Лаппеенранта – ленинградское направление, Йоэнсуу – петрозаводское направление, Каяни – беломорское направление и Рованиemi – мурманское направление. В годы войны Управление возглавляли полковники Ларс Меландер (1937–1942 гг.) и Аладар Паасонен (1942–1944 гг.) [1].

Со стабилизацией линии фронта началась позиционная война. Для решения своих задач финскому военно-политическому руководству постоянно требовались новые сведения о Красной армии и ее планах. Одним из способов получения информации было использование разведки. Однако, как показали дальнейшие события, ведение войсковой разведки в советской прифронтовой полосе не обеспечивало получения необходимой информации: возможности технической и легальной разведки были ограничены, а агентурная разведка оказалась не готовой к решению задач в новых условиях.

В то же время, рассчитывая на быструю победу в «молниеносной войне», финская военная

разведка не создавала разведывательных школ для широкомасштабной подготовки агентуры. Столкнувшись с нехваткой информации о противнике, она начала испытывать недостаток агентурных кадров. Это явилось одной из основных причин создания разведывательных школ по подготовке разведчиков, радистов и диверсантов. При их создании финнам пришлось начинать фактически с нуля, они столкнулись с большими проблемами. Отсутствие у финской стороны подготовленных преподавательских кадров, практического опыта и отработанных методов широкомасштабной подготовки агентуры явилось основной причиной затяжки в создании разведывательных школ и растянутости по времени подготовки агентуры, а также сказалось на результатах ее деятельности. Правда, финская сторона оказывала помощь немецкой разведке в подготовке и заброске в июне 1941 года разведывательной группы «Эрна» в Эстонию, однако у финской разведки не было опыта самостоятельной работы.

Для изучения немецкого опыта осенью 1941 года начальник военной разведки Финляндии полковник Л. Меландер выезжал в Таллинн, где находилась германская разведшкола, а через год начальник Петрозаводской разведшколы Р. Раски с аналогичным заданием выезжал в Прагу.

В конце 1941 – начале 1942 года на территории Финляндии и оккупированной части терри-

тории Карелии финская и германская разведки создали 6 разведывательных школ: в Петрозаводске и Рованиеми (по две школы), Медвежьегорске и Суомуссалми.

Петрозаводская школа финской разведки, или Петрозаводская разведшкола, была самой крупной. Она появилась в Петрозаводске в ноябре 1941 года. Весной (в апреле – мае) 1942 года Петрозаводская разведшкола размещалась в зданиях лесотехникума, которые находились на юго-западной окраине города. По разным данным, в школе было подготовлено до 300 агентов [2].

Опасаясь нападения подразделений советских спецслужб, в марте 1943 года разведшкола переехала в Пряжинский район и располагалась в деревнях Минола, Уллелега и Каменный Наволок, которые находились на берегу озера Шотозера [3]. В ноябре 1943 года школа переехала в Финляндию, где действовала с перерывами в Роуколахти и Савитайпале до июля 1944 года.

В школе работало более 10 преподавателей. Основой руководящего и преподавательского состава стали бывшие сотрудники так называемого «Отдела Раски» – временного отдела допросов военнопленных Управления военной разведки, который был создан в первые дни войны: Б. Карппела (Карпов), В. Мармо (Форсблом), И. Вахрос (Вахромеев), позже к ним присоединился белоэмигрант П. Соколов. Руководили школой Р. Раски и Ю. Палко (Поляков). Все они были выходцами из России, покинувшими страну после 1917 года. Для передачи немецкому командованию полученной агентурой информации к разведшколе был прикомандирован сотрудник германской разведки.

Петрозаводская разведшкола финской военной контрразведки начала действовать в конце 1942 года, но она просуществовала недолго, в школе подготовили всего около 15 агентов [4].

Рованиемская школа финской разведки, или Рованиемская разведшкола, находилась в 36 км севернее г. Рованиеми в сторону Петсамо на берегу озера Сильмаселькя. В школе работало 12 человек, в основном финны, владеющие в разной степени русским языком. Начальником школы назначили начальника Рованиемского разведотделения капитана Паатсала (он же Райло, он же Карра, он же Равельдо). В 1943 году в школе обучалось 33 человека. Занятия начались в декабре 1941 года, однако они проходили нерегулярно: курсанты часто использовались на хозяйственных работах. Поэтому обучение длилось от 2 до 8 месяцев: с декабря 1941 года по август 1942 года. Несмотря на это, первые заброски начали осуществлять в марте 1942-го.

В 9 км от г. Рованиеми находилась и разведывательно-диверсионная школа (школа разведчиков-радиостов) немецкой разведки. Она была создана в феврале 1943 года при 20-й немецкой армии. В школе готовили разведчиков, диверсантов и радиостов, способных действовать в условиях севера. Всего в школе обучалось 52 кур-

санта. Комплектовалась школа в основном агентами, прошедшими обучение в разведывательно-диверсионных школах Вяцати и Вихула (Латвия, Эстония).

Агенты в школе были разбиты на 5 групп: ленинградскую, петрозаводскую, кандалакшскую, мурманскую и архангельскую. Такая разбивка производилась для лучшей подготовки агентов к действиям на определенном участке фронта. Каждая группа состояла из 4–8 агентов и проходила подготовку самостоятельно. Срок обучения – 1–3 месяца.

Зимой все диверсанты усиленно занимались лыжной подготовкой. До направления агентов в тыл Советской армии они проверялись на боевой работе по разведке переднего края советской обороны и захвату «языка». После такой проверки они считались надежными и пригодными для работы в тылу Советской армии.

Суомуссалмская школа финской разведки при Каянском разведотделении, или Суомуссалмская разведшкола, была создана в конце 1941 – начале 1942 года. Она находилась в 4 км от Суомуссалми, на южном берегу озера Киантюярви, справа от шоссе на Каяни. Разведшкола занимала три небольших барака, в одном из которых жили курсанты. В школе работало 9 человек. Начальником разведшколы являлся лейтенант Каломаа Валто. Общее руководство деятельностью разведшколы осуществлял майор П. Мартина – начальник Каянского разведотделения. Определенного распорядка дня в Суомуссалмской разведшколе не было, занятия проходили нерегулярно, расписания занятий не придерживались. Полной загрузки учебного дня не было. Первые два месяца курсанты занимались ежедневно по два часа теоретическими вопросами. Кроме того, ежедневно ходили на лыжах. Одновременно курсанты использовались на хозяйственных работах, что явилось одной из причин растянутости срока подготовки.

Единственную разведгруппу численностью 2 человека («Парк Артур» и «Топпинен Тойво») Суомуссалмская разведшкола забросила в тыл РККА в ночь на 16 июля 1942 года. Самолет высадил их в окрестностях г. Беломорска. 28 июля 1942 года разведчиков задержали и позже расстреляли. На этом деятельность разведшколы закончилась. Генерал Р. Хейсканен считает, что «деятельность разведшколы была прекращена из-за отсутствия кандидатов». Однако с этим мнением не согласен карельский исследователь Э. П. Лайдинен, который считает, что в финских лагерях содержались тысячи советских военнопленных, и выбор был более чем достаточный. Основной причиной закрытия разведшколы, по мнению Э. П. Лайдинена, явилась неэффективность ее деятельности.

Разведывательная школа при 2-м отделении финской военной полиции г. Медвежьегорска, или Медвежьегорская разведшкола, размещалась в двухэтажном деревянном здании бывшего же-

лезнодорожного садика на берегу реки. В школе работало 6 человек, все финны. Некоторые из них владели русским языком. Начальник разведшколы – младший лейтенант Кауппинен – одновременно являлся начальником лагеря военнопленных «РЕ» и помощником начальника Медвежьегорской военной полиции. Характерным отличием этой разведшколы от других было то, что все курсанты жили в лагере военнопленных «РЕ» на общих основаниях; под видом направления на работу их под конвоем водили из лагеря в разведшколу на занятия [5].

Как видно из вышеизложенного, основная нагрузка по подготовке и заброске агентуры ложилась на Петрозаводскую и Рованиемские разведшколы. Суомуссалмская и Медвежьегорская разведшколы просуществовали недолго и особой роли не сыграли.

Разведывательные задачи перед забрасываемой агентурой ставил разведывательный отдел Главной Ставки. Они включали: сбор сведений военного характера о состоянии промышленных предприятий, работающих на оборону, а также о железнодорожном, шоссе и водном транспорте; сбор данных о политико-моральном состоянии Красной армии и населения советского тыла; выявление тактических и стратегических планов командования Красной армии и др. Кроме того, финская разведка для сбора разведанных готовила агентуру для внедрения в действующую Красную армию [6]. Агентура направлялась в ближний и глубокий тыл Карельского и Ленинградского фронтов: города Беломорск, Сегежу, Пудож, Мурманск, Кандалакшу, а также населенные пункты Ленинградской, Архангельской, Мурманской и Вологодской областей [7].

Для выполнения задания финская разведка отводила разведчикам 12–14 дней, в отдельных случаях срок выполнения задания увеличивался до месяца. По истечении указанного срока разведчик должен был вернуться обратно, при этом финны настаивали на возвращении агентуры даже в том случае, если задание выполнено на 5% или вовсе не выполнено.

Довольно часто разведка проводилась в интересах осуществления диверсий в тылу Красной армии. В 1941–1944 годах финны вместе с германскими разведслужбами провели ряд операций на Карельском и Ленинградском фронтах: «Кемаль», «Карелия», «Ревматизм» и другие, направленные на уничтожение Мурманской и Обозерской железных дорог (последняя соединяла Мурманскую и Архангельскую железные дороги), а также маяков на советском побережье Ладожского озера и Финского залива, однако все они закончились неудачей. При этом всем операциям предшествовала разведка объектов диверсии.

Начальниками разведшкол были опытные разведчики (Р. Раски, Ю. Палко, П. Мартина, Х. Паатсало и др.), работавшие в финских спецслужбах с 1920-х годов. Преподавателями явля-

лись в основном финны, многие из них владели русским языком, были среди них и выходцы из России. В Петрозаводской разведшколе начиная со второй половины 1942 года преподаватели набирались из числа советских военнопленных – офицеров РККА [8].

Все разведывательные школы финской разведки комплектовались исключительно советскими военнопленными, находившимися в лагерях Финляндии. При этом финская разведка при подборе курсантов в разведшколу в основном использовала крайне тяжелое и зависимое положение советских военнопленных.

Во всех школах финской разведки агентуру готовили по двум направлениям: разведчиков и разведчиков-радивов, однако их обучение обычно проходило совместно. Срок подготовки составлял от 2 до 8 месяцев. На занятиях изучали радио, шифровальное и подрывное дело, топографию, способы ведения разведки, структуру Красной армии и ее вооружение, органы НКВД, осуществляли стрелковую и строевую подготовку. Теоретическую часть проходили в классах, а практические занятия проводились в поле [9].

Агентура перебрасывалась в тыл группами по 2–3 человека с рацией, соответствующими документами и легендами. Способы заброски были разными и зависели от места дислокации разведшколы. Разведчики Петрозаводской разведшколы забрасывались в тыл противника воздушным путем, реже водным или сухопутным. Суомуссалмская школа – только воздушным путем. Рованиемская разведшкола направляла агентуру в тыл Красной армии пешим порядком через линию фронта в сопровождении группы финских солдат-разведчиков. Медвежьегорская разведшкола забрасывала агентуру в советский тыл через линию фронта пешим порядком под видом бежавших из финского лагеря военнопленных.

Финские агенты забрасывались в тыл РККА под видом военнослужащих – бойцов или командиров Красной армии. Поэтому при их экипировке, прежде всего, предусматривалось, чтобы разведчики по своему внешнему виду не отличались от советских военнослужащих. Вся выбрасываемая в советский тыл агентура одевалась в форму, принятую в Красной армии, с соответствующими знаками отличия. Кроме того, агентура снабжалась оружием, положенным по таблице соответствующих воинских категорий, часами советского или иностранного производства, компасами, советскими деньгами и продуктами питания – сухим пайком на период выполнения задания. Продукты питания были, как правило, финского или немецкого производства. Агентура снабжалась крупными суммами советских денег с целью выдачи вознаграждения советским гражданам, которых разведчикам удастся привлечь для шпионской работы в пользу Финляндии, а также на их личные расходы, связанные с приобретением продуктов питания и уплату за место ночлега.

Для осуществления контактов с разведшколами руководители финской разведки определяли агентам два способа связи: личное возвращение агента через линию фронта в расположение финских частей с собранными разведсведениями и радиосвязь. Радиосвязь использовалась довольно широко. Каждой агентурной паре давалась рация, в большинстве случаев советского производства типа «Север», обрабатывались вызывные и время связи.

Основная тяжесть по противодействию агентурной финской и немецкой разведкам на Северо-Западе СССР легла на Управления 3 отделов Народного комиссариата обороны и 3 отделов Военно-морского флота (позже Управления контрразведки «Смерш») Карельского, Ленинградского и Волховского фронтов, Балтийского и Северного флотов, а также контрразведку НКВД (позже НКГБ) КФССР и Управления НКВД (НКГБ) СССР по Ленинградской, Мурманской, Архангельской и Вологодской областям. Благодаря активной деятельности советской контрразведки большинство мероприятий финской и германской разведки на Северо-Западе СССР были сорваны: разведкам противника не удалось осуществить ни одной серьезной диверсии в тылу РККА. Заброшенная в советский тыл агентура ограничивалась сбором информации визуальным путем и «втемную».

С первых дней советская контрразведка предпринимала усилия по внедрению своих людей в финские разведшколы. В марте 1942 года Управление контрразведки «Смерш» Карельского фронта внедрило в Косолмский разведывательный пункт финской разведки своего разведчика – Степана Дмитриевича Гуменюка, который успешно работал в финской разведке до конца 1944 года и только в мае 1945-го вернулся на родину. Благодаря его успешной деятельности советские органы безопасности владели информацией о Петрозаводской разведшколе, ее сотрудниках, курсантах, а также арестовали многих из заброшенных финских агентов [10]. Советские разведчики внедрялись и в другие разведшколы.

Внедрение в Петрозаводскую разведшколу, а также аресты финских агентов позволили карельской контрразведке уже к июлю 1943 года получить информацию о 64 агентах Петрозаводской разведшколы: биографические данные, псевдонимы, даты их заброски, характер заданий. Была также получена информация о руководителях, преподавателях и курсантах других разведшкол противника, о формах и методах работы германской и финской агентурной разведки на северо-западном театре военных действий.

Задачи ликвидации или уничтожения разведывательных школ противника находились в центре внимания советской контрразведки весь период войны на Севере. Впервые вопрос об уничтожении Петрозаводской школы финской разведки официально обсуждался в конце сентября 1942 года. Именно тогда 4-й отдел

НКВД КФССР совместно с ЦК КП (б) КФССР разработал «План проведения специальных мероприятий по "Т" и "Д" на временно оккупированной противником территории на период октября и ноября 1942 года». Вторым пунктом плана был предусмотрен «разгром школы разведчиков в г. Петрозаводске в районе лесного техникума». Для этого 4-й отдел к 15 октября 1942 года планировал подготовить разведывательно-диверсионную группу численностью 25 бойцов для заброски их в тыл противника средствами Онежской флотилии. 27 сентября 1942 года план был согласован с наркомом внутренних дел КФССР майором ГБ М. И. Баскаковым и 2 октября 1942 года утвержден членом Военного совета Карельского фронта бригадным комиссаром Г. Н. Куприяновым.

Однако по каким-то причинам план НКВД КФССР не был претворен в жизнь. Можно предположить, что в дело вмешалась Москва, которая посчитала, что данный вопрос надо решать на более высоком уровне, и сама захотела принять участие в этом. Это подтверждается следующими событиями. 25 октября 1942 года заместитель начальника 4-го Управления НКВД СССР ст. майор госбезопасности Н. И. Эйтингон запросил руководство НКВД КФССР в кратчайший срок выслать все материалы о финской разведывательной школе в г. Петрозаводске: численность и расположение охраны, план занятых школой зданий и план прилегающей местности, внутренний распорядок и режим постоянного и переменного состава.

После изучения полученных из КФССР документов, с целью проведения операции по разгрому Петрозаводской разведшколы в конце 1942 года в составе отдельного мотострелкового батальона особого назначения 4-го Управления НКВД СССР был сформирован спецотряд под названием «Суоми» (командир – капитан П. Б. Борисов). В конце марта 1943 года весь отряд П. Б. Борисова в количестве 42 человек был передан в оперативное подчинение 4-го отдела НКВД КФССР.

Однако формирование отряда затянулось на полгода, что связано с его доукомплектованием бойцами местной специальной школы (47 человек) из числа советских финнов и карел, хорошо владеющих финским языком. С этой целью весной 1943 года оперработники 4-го отдела НКВД КФССР выезжали в г. Челябинск для подбора кадров из молодых финнов, эвакуированных из республики в 1941 году (так называемые трудовые армейцы), которых предполагалось использовать в составе специального отряда отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМ-СБОН) 4-го Управления НКВД СССР.

О действиях отряда «Суоми» в Карелии среди ученых нет единой точки зрения. Карельский исследователь С. С. Авдеев весьма невысоко оценивает результаты деятельности отряда «Суоми». Он пишет: «Целью создания отряда было прове-

дение специальных операций по финским разведорганам. Однако формирование отряда затянулось на полгода, его бойцы вместо боевой подготовки занимались строительством жилого дома НКВД в г. Беломорске и лишь в сентябре 1943 года приняли участие в боевой операции, заминировав 5 км участка железной дороги в районе ст. Илемсельга. В результате непродуманных вариантов отхода (рация не работала), при постоянном преследовании противником, преодолев пешим порядком в течение двух недель 360 км, отряд вышел в Беломорск» [11].

Несколько иную позицию занимает карельский ученый Э. П. Лайдинен. Он отмечает: «После формирования отряд Борисова дважды направлялся в тыл противника для проведения диверсии среди финских войск, и оба раза успешно выполнил задания. Так, в сентябре 1943 года бойцы спецотряда "Суоми" приняли участие в боевой операции, заминировав 5 км участка железной дороги в районе ст. Илемсельга (Кондопожский район)» [12].

Однако подчеркнем, что отряд «Суоми» так и не был использован по своему прямому назначению – уничтожению Петрозаводской разведшколы, и в ноябре 1943 года его отозвали в Москву [13]. Время было упущено. Более того, по мнению финляндских исследователей, к концу 1942 года финская разведка получила данные о намерениях НКВД КФССР уничтожить разведывательную школу, и в марте 1943 года Петрозаводская разведшкола из Петрозаводска была переведена в район озера Шотозера (Пряжинский район Карелии), откуда осенью 1943 года передислоцировалась в Руоколахти (Финляндия) [14].

Для выявления деятельности Петрозаводской разведшколы противника 4-й отдел НКВД (НКГБ) КФССР направлял в тыл финских войск подготовленные разведывательные группы. Так, группа «Виктория» в составе Попова, Поташева и Макушевой 26 октября 1943 года катерами Онежской флотилии была направлена на оккупированную территорию Прионежского района с целью выявления деятельности Петрозаводской разведшколы финской разведки и организации нелегальной резидентуры. Группа не выполнила задание: Попов сдался в плен, позднее были задержаны и другие члены группы [15]. С аналогичным заданием 25 октября 1943 года в Шелтозерский район была заброшена агентурная группа «Соратники», однако и она не справилась с заданием.

В связи с переводом весной 1943 года Петрозаводской разведшколы на территорию оккупированного Пряжинского района, уже 2 ноября 1943 года самолетом на территорию оккупированного Ведлозерского района была заброшена группа «Кама» в составе Манзырева, Вавулова и Сергеевой с целью организации нелегальной резидентуры, выявления практической деятельности и кадров Петрозаводской разведшколы, а также вербовки агентуры из окружения Петро-

заводской разведшколы. Из-за предательства Вавулова группа не выполнила задание. Манзырев и Сергеева были убиты в перестрелке с финнами, а Вавулов после войны был осужден советским судом [16].

С аналогичной задачей 10 марта 1944 года на территорию оккупированного Пряжинского района Карелии была заброшена агентурная группа «Приятель» в составе агентов «Юсси», «Кедровский» и «Ковалев». Как стало известно уже после освобождения Петрозаводска в конце июня 1944 года, группа провалилась, разведчики были арестованы и содержались в петрозаводской тюрьме. С 30 марта по 21 июня 1944 года радист группы «Приятель» «Кедровский» работал под диктовку противника, передавая дезинформацию в НКГБ КФССР о деятельности Петрозаводской школы финской разведки, при этом он не дал никаких условных сигналов [17].

Но не только Петрозаводская школа финской разведки была объектом пристального внимания советских органов безопасности. Советские спецслужбы интересовались и другими разведшколами. Так, 27 августа 1942 года в Финляндию была выброшена группа «Марс» в количестве 19 человек. Перед группой была поставлена задача проникнуть в район Рованиemi на хутор Вессало, разгромить финскую разведывательную школу, захватить одного из главных сотрудников и привести его на советскую сторону. Но уже через несколько дней – 4 сентября – группа вернулась обратно, не дойдя до места назначения и не выполнив задания.

3 апреля 1944 года в район Суомуссалми (Финляндия) самолетом была выброшена агентурная группа «Соседи» с целью выявления деятельности Суомуссалмской разведшколы и сбора данных о деятельности Суомуссалмского пункта финской разведки и его агентуры. Выйдя в очередной раз на связь 19 апреля, радист «Рае» передал условные сигналы о работе под диктовку противника, и началась очередная радиоигра с финской разведкой, которая длилась около 2 месяцев. В ходе расследования было установлено, что 16 апреля группа пошла на хутор к родственникам агента «Корпи». При попытке установления с ними связи последние выдали группу противнику. 4 апреля 1944 года самолетом на территорию Финляндии в район Суомуссалми была заброшена группа «Соседи» в составе Андрея Иевлевича Юнтунена, Эссы Омеевича Кемпайнена и Рейно Ласеевича Пехконена с целью выявления деятельности Суомуссалмской разведшколы и сбора данных о деятельности Суомуссалмского пункта финской разведки и его агентуры. 16 апреля группа была захвачена финнами, которые попытались начать радиоигру с советскими органами безопасности. Однако их планы не осуществились: радист дал сигнал, что работает под диктовку противника [18]. Юнтунен и Кемпайнен были расстреляны, а Пехконен осужден финским судом, но после войны вер-

нулся в СССР. Свою задачу эта агентурная группа не выполнила.

Несмотря на отдельные провалы, органы безопасности Северо-Западного региона, прежде всего НКВД (НКГБ) КФССР, успешно противодействовали разведкам противника. Финские и германские разведывательные школы забрасывали агентуру в тыл РККА в течение всей войны. Благодаря активности советской контрразведки большинство мероприятий финской и германской разведок на Северо-Западе СССР были сорваны: разведкам противника не удалось осуществить ни одной серьезной диверсии в тылу РККА; заброшенная в советский тыл агентура ограничивалась сбором информации визуальным путем и «втемную».

Общие итоги деятельности спецгрупп и отдельных агентов НКВД за годы войны были приведены в Справке «О деятельности разведывательно-диверсионных групп органов госбезопасности КФССР в тылу противника в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». За три военных года диверсионными группами было сделано 89 боевых выходов в тыл финских войск. В результате их деятельности было разгромлено 7 гарнизонов противника, убито 467 солдат, офицеров и чиновников оккупационных властей; уничтожено 28 автомашин, 2 самолета, 10 складов с боеприпасами и продовольствием, взорвано и повреждено 62 моста. Кроме разведывательно-диверсионных групп в тылу финских войск для агентурной работы было использовано 233 человека. Добытые разведчиками данные военного характера оперативно использовались штабом Карельского фронта и штабом партизанского движения.

После освобождения территории республики от финских войск на основании данных зафронтной агентуры было арестовано свыше 150 человек – агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника, активных предателей и пособников финских оккупационных властей [19].

Как показали события, успешно осуществлялись операции по разгрому мелких гарнизонов, штабов противника, по совершению диверсий на его коммуникациях. Активные же действия по финским спецорганам после неудачных попыток в 1941–1942 годах не проводились [20].

За весь период войны органы безопасности понесли следующие потери: вернулось – 45 разведчиков; погибло при переправах – 22 чел.; пропало без вести – 36 чел.; попало в плен – 109 чел. (из них изменников Родины – 14, приговорено финнами к расстрелу – 11 чел.).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года за образцовое выполнение спецзаданий 23 разведчика НКВД–НКГБ КФССР были награждены: орденом Красного Знамени – 3 чел.; орденом Красной Звез-

ды – 8 чел.; орденом Отечественной войны – 8 чел.; медалью «За отвагу» – 4 чел.

Разведывательно-диверсионная деятельность в тылу противника могла быть более результативной, если бы в ее организации удалось избежать ряда недостатков: несогласованности и порой нерационального использования сил и средств НКГБ КФССР, разведштаба Карельского фронта, штаба партизанского движения (выход на одних и тех же лиц, работа в условиях провала у «соседей» и др.). Кроме того, как отмечалось в Докладной записке «Об агентурно-оперативной работе 4-го отдела НКГБ КФССР» в июле 1944 года, стремительное наступление частей Карельского фронта, начавшееся 21 июня 1944 года, заставило финские войска быстро отступать, и по этой причине все находившиеся в тылу противника советские оперативные группы оказались на территории, занятой Красной армией. Они не успели отступить с частями противника в его тыл для продолжения работы [21].

4-му отделу НКВД–НКГБ КФССР в период войны не удалось добиться больших успехов и в уничтожении высших должностных лиц финского оккупационного режима и их пособников. За это НКВД–НКГБ Карелии неоднократно подвергался критике со стороны 4-го Управления НКГБ СССР. Так, на заключительном этапе военных действий, 23 июня 1944 года, П. А. Судоплатов и Б. А. Рыбкин в одном из документов на адрес министра государственной безопасности А. М. Кузнецова резко критикуют работу 4-го отдела НКГБ КФССР, указывая, в частности: «В работе отдела продолжают иметь ранее отмеченные нами недостатки (слабая работа по «Т», не ведется диверсионная работа)» [22].

Справедливости ради отметим, что не всегда эта критика из центра была обоснованна. 4-е Управление НКВД–НКГБ СССР, ставя перед НКВД–НКГБ КФССР сложные задачи по проведению разведывательно-диверсионной деятельности в военный период, часто подходило к оккупированной территории Карелии так же, как и к другим, временно оккупированным советским территориям (Белоруссии, Смоленской, Брянской и др. областям). Однако финский оккупационный режим был даже более строгим, чем немецкий: практически все русское население было заключено в концентрационные или трудовые лагеря, а в деревнях оккупированной Карелии был установлен жесткий контроль за передвижением сельских жителей. Финские оккупационные власти принимали самые суровые меры к лицам, заподозренным в оказании помощи партизанам и разведчикам: их заключали в тюрьмы, судили и часто расстреливали прямо на глазах у односельчан. Все это не могло не сказываться на населении, оказавшемся на оккупированной финнами территории Карелии. Необходимо также учитывать, что на оккупированной финнами территории Карелии в 1941–1944 годах находилось всего около 85 тыс. человек:

в основном женщины, старики и дети, использование которых в оперативных целях было достаточно проблематично.

К осени 1944 года по указанию начальника 4-го Управления НКГБ СССР П. А. Судоплатова 4-м отделом НКГБ КФСР для работы на территории Финляндии было подготовлено 29 аген-

тов, владеющих финским языком и хорошо знакомых с жизнью и бытом соседней страны. Многие из них имели родственников в Финляндии [23]. Однако развернуть эту работу не удалось, так как в сентябре 1944 года страна вышла из войны и было заключено перемирие между СССР и Финляндией.

* *Окончание статьи*, начало в журнале «Ученые записки Петрозаводского государственного университета». Июнь, 2008. №1 (91). С. 31–42.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В е р и г и н С. Г., Л а й д и н е н Э. П. Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. // Подвигу жить в веках: материалы военно-исторической конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во Verso, 2005. С. 84.
2. В е р и г и н С. Г., Л а й д и н е н Э. П. Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. ... С. 85.
3. В е р и г и н С. Г., Л а й д и н е н Э. П. Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. ... С. 85.
4. В е р и г и н С. Г., Л а й д и н е н Э. П. Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. ... С. 86.
5. Архив УФСБ РФ по РК. Ф. Секретариат. Оп. 1. П. 120. С. 29; ФЛД. Д. 21. С. 5, 54.
6. Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 22. С. 35; Д. 25. Т. 1–3 – материалы; Д. 29. Т. 1. С. 200; Д. 32. С. 8; Ч и ж е в с к и й Т. А. На Мурманском направлении // Документы свидетельствуют. Армейская контрразведка в годы войны. С. 121; Х л о б у с т о в О. Финские командос в советском тылу // Новости разведки и контрразведки. № 13–14. 2000. С. 15; H e i s k a n e n R. Saadun tieton mukaan. Helsinki: Otava, 1989. S. 182.
7. НА РК. Ф. 287. Оп. 2. Ед. хр. 10. С. 91, 106, 190, 194; Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 22. С. 32; Д. 25. Т. 2. С. 458; Архив УФСБ РФ по РК. ФДТМ. Д. 8307. С. 26, Д. 8309. С. 65; Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 22. С. 32; Д. 25. Т. 2. С. 319; Д. 25. Т. 3.
8. Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 21, 22, 25. Т. 1–3; Д. 32. С. 5; Х л о б у с т о в О. Спецназ Суоми против Красной Армии // Независимое военное обозрение. 2000. № 31. С. 5; Я м п о л ь с к и й В. Финны – агрессоры или освободители?». Из истории разведывательно-диверсионной деятельности финских спецслужб в годы второй мировой войны // Карелия. № 40, 20–22 июня 1994; Х л о б у с т о в О. Финские командос в советском тылу. С. 15.
9. НА РК. Ф. 287. Оп. 2. Ед. хр. 10. С. 20; Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 4. С. 8–10; Л е о н о в И. Я., С м и р н о в Н. Т. В стане врага // Документы свидетельствуют. Армейская контрразведка в годы войны. С. 180–210.
10. А в д е е в С. С. Деятельность советских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника (1941–1944 гг.) // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.). Петрозаводск, 2001. С. 11; Архив УФСБ РФ по РК. Литер. дело 10. Л. 37, 59, 78.
11. Л а й д и н е н Э. П. Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии в 1939–1944 гг. Рукопись. С. 157.
12. Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 10. С. 37, 59, 78; ФЛД. Д. 10. Т. 1. Ч. 2. С. 5; В е р и г и н С. Г. Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД (НКГБ) Карелии в тылу финских войск (1941–1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2005. С. 128; С у д о п л а т о в П. Разведка и Кремль. М.: Гя, 1996. С. 149.
13. Heiskanen R. Op. cit. S. 182; Rislakki Jukka. Enttäin salainen. Vakoilu Suomessa. Helsinki: Love Kirjat, 1982. S. 250.
14. Heiskanen R. Op. cit. S. 182; Rislakki J. Op. cit. S. 22.
15. Heiskanen R. Op. cit. S. 182; Rislakki J. Op. cit. S. 21.
16. Архив УФСБ. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 95. Л. 111–113.
17. Архив УФСБ РФ по РК. ФСДП. Оп. 1. Д. 302. Л. 23, 24.
18. Архив УФСБ. ФСДП. Оп. 1. Д. 302. Л. 2 и 3.
19. Архив УФСБ. ФСДП. Оп. 1. Д. 302. Ф. 2. Д. 95. Л. 153.
20. Архив УФСБ РФ по РК. Ф.КРО. Оп. 1. П. 96. Л. 113.
21. Архив УФСБ РФ по РК. Ф.КРО. Оп. 1. П. 95. Л. 105.
22. Архив УФСБ РФ по РК. Ф.КРО. Оп. 1. П. 95. Л. 170.

УДК 281.2

МИХАИЛ ИСААКОВИЧ БАЦЕР

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
ПетрГУ, исторический факультет, международный научно-образовательный центр по истории и культуре Европейского Севера ПетрГУ
recenter@psu.karelia.ru

ОЛОНЕЦКАЯ ЕПАРХИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ЖИЗНЬ ДУХОВЕНСТВА *

Когда архимандрит Нафанаил получил назначение на новую работу, руководителем Тамбовской семинарии, коллеги обратились к нему с адресом, который вместе с выступлениями был опубликован в «Олонецких епархиальных ведомостях», а затем издан отдельной книгой. Следует подчеркнуть, что руководство семинарией и другую обширную деятельность Нафанаил совмещал с редакторством в «Олонецких епархиальных ведомостях», которые благодаря ему были популярны в губернии.

В адресе, о котором идет речь, в частности, говорилось:

«Ваше Высокопреподобие,
Глубокоуважаемый отец Ректор!

С чувством глубокой скорби Олонецкая Духовная Семинария встретила неожиданное извещение о перемещении Вашем на должность ректора Тамбовской духовной семинарии. Не долго Вы управляли нашим духовным вертоградом, – немного более четырех лет. Но и за этот краткий, непродолжительный период времени Ваша деятельность в Семинарии была настолько широка, разностороння и плодотворна, что мы не можем не говорить о ней».

Характерно, что наряду со всем тем, о чем уже сказано выше, в заслугу руководителю семинарии ставилось то, что он «неусыпно следил

за умственным развитием каждого воспитанника семинарии; давал ученикам старших классов для прочтения новые богословские книги, вел беседы с ними по поводу прочитанного и, обогащая их пытливые умы разносторонними сведениями из области богословских наук и пастырской практики, приготавливал из них кандидатов священства, вполне способных дать ответ каждому вопрошающему их о вере» [1].

Конечно, в более чем семидесятилетней истории семинарии было много ярких страниц, из ее стен вышли десятки выпускников, среди которых и те, кто впоследствии прославил свое имя и в качестве публицистов, и активной миссионерской деятельностью, а также в качестве преподавателей. Кто и что преподавал в семинарии в 1902 году? Стоит перечислить преподавателей семинарии хотя бы для того, чтобы представить себе направление занятий, структуру организации учебы. Инспектором семинарии был священник Е. А. Мерцалов, пострижением которого в монахи руководил сам ректор архимандрит Нафанаил (Троицкий), священное писание преподавал кандидат академии Н. П. Громов, статский советник Я. С. Елпидинский вел курс библейской и церковной истории, кандидат академии Д. Островский преподавал литургику, гомиетику и практическое руководство для пасты-

рей. Был и такой курс: «Обличительное богословие и история и обличение русского раскола». Этот курс вел кандидат академии В. И. Крылов. Была в программе семинарии и словесность (наряду с историей русской литературы). Ее вел кандидат академии П. К. Мягков. Гражданскую историю преподавал статский советник Д. П. Ягодкин (тот самый, стихи которого цитировались в первой части нашей статьи). Философские науки и дидактику вел надворный советник С. А. Левитский. Стоит сказать и о том, что в программе был такой предмет, как иконопись, специалистом по которой считался иеромонах Лука (Богданов). В штате семинарии были также врач, духовник и эконо. Всеми хозяйственными делами ведал «почетный блюститель по хозяйственной части» петрозаводский 2-й гильдии купец Ф. И. Тихонов.

Рассматриваемый период был достаточно сложным во всех отношениях, если учесть, что он включает в себя Русско-японскую войну, революцию 1905–1907 годов, Первую мировую войну и события 1917 года.

В первой части статьи мы уже упоминали о письме великого князя Сергея Александровича и его ссылке на «годину испытания». Не будет преувеличением сказать, что взоры всей олонецкой православной общины были в этот период прикованы к полям сражений, к Порт-Артуру, к волнам дальневосточных морей. Характерно, что в своих проповедях иереи проклинали японскую сторону конфликта, подчеркивая при этом, что русская армия будто бы ведет бой прежде всего за православную церковь, за идеалы всего христианства.

Прямое отношение к этим событиям имеет слово, произнесенное на Рождество Христово в церкви Олонецкой Духовной Семинарии тогдашним ректором семинарии архимандритом Фаддеем. Это, как говорится, документ эпохи. Архимандрит сказал:

«...Теперь вместо прежних учителей французов, называвшихся еще христианским именем, мы видели учителями своими прямо язычников-японцев. Не для того ли случилось нападение на нас этих язычников, чтобы мы более научились ценить Христа и покаяться в неправдах наших, приближающих жизнь нашу к языческой? Не для того ли узнали мы о величайших несчастьях на войне, о гибели броненосца “Петропавловска” с славным адмиралом Макаровым и теперь о падении Порт-Артура именно в дни величайших праздников Христовых – Воскресения Христова и Рождества, чтобы научились мы не надеяться исключительно на силу свою, но вспомнили, наконец, о Христе, обратились к нему искренно, всем сердцем? Вместо христианства большинство из нас, особенно из образованных людей, стремится к т. н. культуре, под которой весьма часто разумеется покой и довольство плотской жизни, обеспечиваемые знанием человеческого, если же и разумеются иногда сокровища духа, например, искусство, стремление

к правде и т. п., то – составляющие плод плотского ума. Многие ли из современных христиан помышляют о культуре самого духа по заповедям Христовым, о восстановлении в нем образа и подобия Божия, по которому создан человек в начале? От успехов культуры ожидают они спасения от общественных бедствий и зол, на них возлагают все свое упование, а на Господа не взирают и в молитве к Нему не прибегают. Вот за это-то упование на земную культуру, быть может, и попустил нам Господь так тяжело страдать от язычников, усвоивших эту культуру, а Христа не знающих» [2].

В уставе Александро-Свирского Братства также выражается озабоченность отходом верующих от Христа и говорится, что Братство должно «насколько можно заботиться духовными мерами предохранять всех православных от разных суеверий и заблуждений – особенно же молодых людей – и учащихся в заведениях и не учащихся – от искушений и соблазнов со стороны раскольников, разномыслящих и вольнодумцев, от явных и скрытых покушений и оболещений со стороны неверующих, разноверцев и иноверцев, окружающих нас...» [3].

«Олонецкие епархиальные ведомости» из номера в номер публиковали статьи, авторы которых призывали к продолжению войны. Например, священник Д. Фесвитянинов в своей обширной публикации «Мысли по поводу настоящей войны» пишет: «... многие восклицают: “когда же конец всему этому и нельзя ли теперь, как можно скорее, прекратить кровопролитие, хотя бы и с уступками с нашей стороны в пользу японцев? Ведь уступки эти касаются Дальнего Востока, и неужели нам, русским, так понадобилась власть на этом Востоке, чтобы из-за нее жертвовать кровью десятков тысяч наших братьев с миллионными денежными затратами?”» Выражая официальную точку зрения, Д. Фесвитянинов возражает: «Обратите внимание... на тот вред, который принесет нам неудачное окончание войны, и ту пользу, которую принесет успешное окончание ее, – и, если вы на деле истинные сыны Отечества, а не на словах только, то не будете больше рассуждать: нужно ли воевать и не лучше ли уступить врагу без боя то, чего он домогается?» [4]

В этом же номере «Олонецких епархиальных ведомостей» мы встречаем следующую информацию: «16 января – воскресенье. – После литургии в кафедральном соборе Его Преосвященством, Преосвященнейшим Анастасием Епископом Олонецким и Петрозаводским отслужено молебствие по случаю начавшегося наступления русских войск против японцев» [5].

Несмотря на все наступления, Россия проиграла войну. Как известно, граф С. Ю. Витте не одобрял развязывания войны на Востоке и ему же Россия обязана довольно благоприятным для нее Портсмутским мирным договором. Что же касается приведенных выше высказываний оло-

нецких пастырей, то они были лишь сколком того, что писала по этому поводу местная светская и столичная пресса.

Наступали грозные времена. Как известно, начало им положили события 9 января 1905 года. До сих пор в оценке священника Гапона и его акции нет полного единогласия. Если еще недавно Гапон считался чуть ли не провокатором, то ныне это мнение отвергается многими научными авторитетами. Иное дело – те времена, когда происходили события. Оценка действий Гапона русским духовенством, во всяком случае, судя по официальным источникам, не оставляла сомнений в том, что Гапон нарушил Христовы заповеди. Олонецкая епархия придерживалась той же точки зрения. Приведем на этот счет цитату из статьи священника Д. Крылова «Поучение в неделю блудного сына», опубликованной в «Олонецких епархиальных ведомостях» (№ 4, 1906 г.): «И восстал... лжепророк, "недостойный священнослужитель Гапон", прельстил "малых сих" – бедных рабочих, повел их на возмущение, и невинная кровь оросила улицы нашего стольного града. А сколько таких "противляющихся власти" среди других сословий или, вернее, не принадлежащих ни к какому сословию? Страшно сказать, что они делают, чтобы все на русской земле "поставить вверх дном" (Беседы Св. Злат.). Убивают слуг Царевых, напр., финляндского генерал-губернатора и министра внутренних дел, и многих других. 4 февраля 1905 г. в сердце России – Первопрестольной Москве зверски убили "Дядю и друга Царева, коего вся жизнь, все труды и попечения были беспрерывно посвящены на служение Царю и Отечеству" (Высочайший манифест – 6 февраля). Боже! что стало с людьми, именующими себя христианами православными? Да люди ли это? Не звери ли дикие? Как могли прийти люди до такого звероподобного состояния? Как?» [6]

Как видно из текста, к поступку Гапона автор относился явно отрицательно, ибо считал, что последний поднял массы людей против законной власти и таким образом поставил их под пули. Крылов полагал, что не царская власть, а сам Гапон повинен в этих трагических событиях. Поход к Зимнему дворцу автор считал началом насильственных действий со стороны «злодеев» против верхов. Тут уже недалеко до вывода, что и Гапон был «злодеем», во всяком случае, злоумышленником.

К процитированному отрывку привлекают внимание еще два обстоятельства. Одно из них – отношение к революционному террору. Как известно, оно не было однозначным. Но с точки зрения церкви эта мера рассматривалась как совершенно недопустимая, поэтому и вопрошает автор статьи: «Да люди ли это? Не звери ли дикие?» Вторым и, возможно, главным обстоятельством было полное отрицание всякого проявления насилия (а тем более революции!) со стороны угнетаемых масс, добивающихся социальной справедливости.

В дополнение к сказанному выше о терроре стоит привести опубликованную в «Олонецких епархиальных ведомостях» в 1905 году информационную заметку:

«В субботу 5 февраля в 2 ч. пополудни Его Преосвященство, в присутствии г. Олонецкого Губернатора и всех гражданских и военных чинов, совершил в Свято-Духовском соборе панихиду по случаю кончины Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича, убитого 4 сего февраля в Москве рукою злодея. Его Преосвященству сослужили: о. Ректор духовной семинарии архимандрит Фаддей, кафедральный протоиерей А. Надежин, Епархиальный наблюдатель церковных школ священник Н. Чуков, большинство городского духовенства» [7].

В Петрозаводском уезде церковная жизнь вошла в обычную колею. Разве что иногда по дороге от пристани к местной тюрьме звенели кандалами участники недавних событий. Но близились новые испытания, которые вплотную затронули и церковь. Речь идет о потрясшей державу Первой мировой войне. Вот как об этом сказал в своей речи, обращенной 28 июля 1914 года (по старому стилю) к запасным войскам при их отправлении в действующую армию, епископ Олонецкий и Петрозаводский Никанор:

«С нами Бог!

...Подобно буре после затишья в природе, началась теперь, возлюбленные братья, буря среди затишья в мире житейском, на арене международных отношений Европы. Нашей дорогой России внезапно и дерзко объявлена война сильнейшими немецкими державами.

Наступила опасность для нашей родной страны великая, какой не бывало уже много лет, но не устарила эта гроза русский народ.

Как волны необъятного моря, поднялись из неизмеримых глубин могучего духа народа нашего воодушевляющие его патриотичные чувства и зашумели во всю необозримую ширь его. Все без различия направлений, положений, звания, состояний и возрастов слились в одно и, как один человек, по зову своего дорогого Царя-Батюшки, заявили полную свою готовность принести на алтарь отечества в тяжкую годину испытания его и свое достояние, и свои силы, и свою жизнь. И среди этого прекрасного зрелища, как девятые валы, играющие цветами радуги на солнце, как изумруды среди простых, хотя и красивых камней, блещете своим достоинством, своею ценностью, своею силою и славою вы, возлюбленные, дорогие наши братья, победоносные воины!» [8]

Эту же мысль, только в поэтической форме, выразил выдающийся русский поэт Николай Гумилев:

И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих
Ныне, господа, благослови! [9]

Петрозаводские и другие олонецкие священнослужители, монахи и монахини приняли участие в этих событиях, о чем свидетельствует следующая заметка, опубликованная в «Олонецких епархиальных ведомостях» под заголовком «Олонецкое духовенство и война»:

«Военные из олонецких священники: Протоиерей В. В. Нименский и П. В. Разумов пропали без вести после больших боев.

- Иеромонахи Фома (Ошевенский монастырь) и Александр (Яшезерская пустынь) оставлены в Петрограде служить при военных лазаретах.
- Игуменья Агния (из Паданского монастыря) с сотрудницами трудятся в Царскосельской общине сестер милосердия.
- Прочие из Олонецкой епархии, заявившие о своей готовности послужить на помощь больным и раненым воинам, пока не получили требования куда-либо выехать из Олонии» [10].

В годы войны церковные службы, естественно, приняли определенный характер. Священники молились во здравие и за упокой воинов, участвовали выступления семинаристов в воинских частях, всё новые служители церкви уезжали в действующую армию, чтобы непосредственно в боевых условиях нести «слово Божье». Оценивая все это, нельзя не отдать должного усилиям церкви и, в частности, священнослужителям Петрозаводского уезда, выполнявшим свой долг. Естественно, священники и не мыслили возможности поражения собственного правительства в войне, не ожидали иного завершения военных действий, кроме победного, и было бы абсолютно неправильно упрекать их за это.

22 декабря 1916 года прибыл в Петрозаводск его преосвященство преосвященный Иоанникий, епископ Олонецкий и Петрозаводский, и встал во главе епархии, в тот же день приступив к исполнению своих обязанностей. Он и не подозревал, что «в терновом венце революций грянет» если не шестнадцатый, то семнадцатый год. Однако всю сложность ситуации, создавшейся в стране в связи с затянувшейся войной и внутренними трудностями, епископ не мог не видеть.

Вскоре после вступления в должность епископа Иоанникий получил следующую телеграмму от митрополита Владимира:

«Моления следует возносить за Богохранимую державу Российскую и за Благоверное Временное Правительство ея.

Митрополит Владимир» [11].

Итак, впервые за триста лет моления предстояло возносить не за членов царствующей семьи. Тем временем из Петрограда продолжали поступать конкретные пожелания. Вот одно из них, свидетельствующее о том, что церковь

не оставалась в стороне от политических катаклизмов:

«Члены Государственной Думы священники, единогласно принявшие участие в избрании Временного Исполнительного Комитета Государственной Думы, обращаются с братским призывом к православному духовенству всей России немедленно признать власть Исполнительного Комитета и своим горячим пастырским словом разъяснить народу, что смена власти произошла для его блага и что только при этом условии можно вывести Родину на путь счастья, благоденствия и процветания.

Розни между отдельными национальностями и классами населения не должно быть. Пастырский долг наш призывать всех к единению и взаимной братской любви, завещанной нам Спасителем» [12].

Под обращением стояла подпись: «священники члены Государственной Думы». На это обращение, опубликованное в № 8 «Известий» за 1917 год, последовал эмоциональный отклик из Петрозаводска:

«Духовенство г. Петрозаводска, горячо откликнувшись на призыв о.о. депутатов Государственной Думы, радостно приветствовало зарю обновленной жизни Отечества и свободы Русской Православной Церкви от разных тлетворных влияний и деспотического засилия (цезарепапизма).

Пастыри Олонецкой епархии! В настоящее время, когда старые устои рухнули, когда рабские цепи спали с народа-богатыря, когда по всему миру пронеслась потрясающая весть о воскресении России из векового рабства и ярко заблестало солнце свободы, долг наш руководителей народа восторженно и единодушно приветствовать новое Временное Правительство и своим личным примером и воодушевленным словом призвать свою паству к послушанию новой власти, ибо независимо от формы власти нужна всегда и везде; разъяснить народу необходимость подчинения закону до составления новых законов на новых началах свободы, братства и равенства; вдохновить пасомых на успешный труд и, особенно, на труд и жертвы для снабжения армии всем необходимым: хлебом, лошадьми и т. д.

...Итак, отцы и братья, воспрянем духом и волей и будем дружно и бодро делать святое и правое дело в России народной, России мужицкой, России рабочей, грамотной, сознательной, трудовой и свободной России под благодатной сенью свободной Православной Церкви» [13].

Под этими строками стоит подпись: «приходский пастырь», и такая анонимность объяснима, ибо редакция, по-видимому, хотела выразить общую точку зрения петрозаводского и всего олонецкого духовенства. А вот под следующей заметкой стоит подпись протоиерея Н. Суперанского, и хотя по настроению текст

выступления не отличается от предыдущего, при всей своей лаконичности он весьма своеобразен. Н. Суперанский пишет:

«Не так давно приходилось молчать, когда следовало вопиять.

Если обидно было молчать всем и каждому, – то сугубо обидно было молчать духовенству, призвание которого быть устами Божьими, пророками, евангелистами.

...Свобода, братство и равенство, триумфально вошедшие в нашу жизнь, – атрибуты и царствия Христова» [14].

Как видим, это не просто признание значительности происшедшего события, но и решительное заявление о том, что духовенству долгое время приходилось молчать об очевидных для него пробелах в общественной жизни. Для Н. Суперанского в триаде «свобода, равенство, братство» главным является слово «свобода», открывающее реальные возможности для того, чтобы, обращаясь к прихожанам, высказывать самое сокровенное. Первый из пишущих ратует за продолжение войны до победного конца. Как ни странно это звучит в устах духовенства после трех лет кровопролитных сражений, подобная точка зрения была характерна для этого сословия.

17–25 июня 1917 года в Петрозаводске в Братском Назариевском доме состоялся Чрезвычайный съезд духовенства и мирян Олонецкой епархии. В съезде приняли участие, помимо епископа Иоанникия, 1 архимандрит, 7 протоиереев, 43 священника, 1 протодиакон, 26 диаконов, 8 псаломщиков, 2 монахини и 114 мирян. Участие мирян, к тому же в таком количестве, является чем-то чрезвычайно новым, даже небывалым в истории олонецкого православия.

К 10 часам утра 17 июня делегаты съезда собрались в Свято-Духовском кафедральном соборе, где состоялось молебствие, после чего владыка Иоанникий в краткой речи выразил удовлетворение «при виде в первый раз значительного собрания представителей клира и пастырей всей вверенной ему обширной епархии», причем он сказал, что съезду предстоит преодолеть немалые трудности на пути определения новой роли церкви в обществе. Уже в Братском доме со вступительным словом к собравшимся обратился протоиерей Н. Чуков, который в этот период являлся ректором Олонецкой Духовной Семинарии. Мы лишены возможности привести здесь полный текст его выступления, в котором обобщивалась и развивалась мысль владыки. Но фрагмент, который представляется особенно важным, необходимо процитировать:

«Доселе миряне, эта существеннейшая часть церковного тела, были в стороне от церковной жизни. Гнет старой власти подавил прежнюю свободную жизнь церкви, основанную на началах соборности и выборности. Миряне были обращены в молчаливое, бессловесное стадо, лишённое всяких церковных прав и слышавшее только одни наставления об обязанностях. Духо-

венство волей-неволей обратилось в требователей и молчаливых исполнителей велений власти. Дошло до того, что учителя слова могли произносить это слово не иначе, как после надлежащего контроля и разрешения.

И вот, как естественный печальный результат такого порядка вещей, произошёл застой духовно-религиозной и церковной жизни народа.

Церковь – душа народа, хранительница его верований, надежд и упований – вдохновительница его на пути достижения светлых идеалов, высоких стремлений. И если видим теперь упадок духа в народе, – если мы видим теперь, как расшатались духовные, нравственные устои в обществе, в народе, – если вспомним с болью в сердце печальные события последних лет и последних месяцев и дней, – всю ту нравственную разнужданность, отсутствие патриотизма и прочую моральную разруху, то, вдумавшись, мы должны признать, что все это произошло и происходит потому, что дух жизни в церкви – этой душе народа – был подавлен, угасал, тлел, как искра под пеплом, готовая потухнуть.

Если так, а это несомненно так, то спасение народа, устранение всех этих ненормальных явлений, может быть только с оживлением этой души народной – с возрождением церкви. Вера святая православная всегда спасала русский народ на пространстве тысячелетней его истории и из всех бурь и невзгод вынесла его цельным. Эта вера спасет его и теперь.

Да будет же благословенна свобода, вернувшая церковь ее животворный дух.

На вас, церковные деятели и церковные люди, надежда всех верных сынов церкви и всех любящих свою родину граждан. В дружной одушевленной работе, в тесном общем единении здесь – на съезде и там – на местах вдохните дух жизни в застоявшийся организм церковный, всколыхните эту душу народную, и вы дадите торжество и радость святой церкви и спасете нашу страдающую, нашу гибнущую родину» [15].

Таким образом, очевидно, что для всего духовного сословия возрождение страны представлялось возможным только при полном возрождении церкви и ее роли в обществе. Об этом же говорил на съезде выступавший с докладом представитель мирян М. Смирнов, который прямо связал наступление армии на фронте с наступлением церкви в тылу и заявил, что русский народ «от благодатного водительства церкви не откажется». По его мнению, «для православного народа неприемлема та форма взаимоотношения церкви и государства, которая провозглашает религию частным делом каждого, которая объявляет, что храмы и утварь церковная переходят в собственность государства, что государство не оказывает никакой поддержки церкви и духовенству. Для русского православного народа, составляющего основное ядро государства, неприемлемо полное отделение церкви от государства» [16].

Но история распорядилась по-своему.

События октября 1917 года внесли решительные коррективы в эти планы возрождения роли церкви. Стоит процитировать статью протоиерея Н. Чукова из декабрьского номера «Олонецких епархиальных ведомостей» за 1917 год. Выражая свое несогласие с отношением новой власти к Учредительному собранию, автор писал:

«На 28 ноября было назначено открытие Учредительного Собрания. Съехалась группа членов; открыла в виду отсутствия достаточного числа членов – частные совещания; но почему-то правительством большевиков эти совещания прекращены. Теперь, однако, носятся слухи, что то же правительство само хочет созвать это Собрание.

И совершенно понятно. Ведь Учредительное Собрание – по идее – тот голос всей земли, который в настоящее время один только может дать действительно законную власть и содействовать установлению порядка в государстве.

В переживаемый момент полной разрухи внутри страны и тяжелого кризиса во внешних отноше-

ниях Учредительное Собрание является делом сколько чрезвычайной важности, столько же и неотложнейшей необходимости для государства» [17].

Как известно, Учредительное собрание было распущено. Анализ этого явления выходит за пределы наших задач. Но вот что важно. Ставя точку над *i*, тот же Н. Чуков подчеркнул в другой своей статье, подписанной инициалами Н. К. Ч., что «в Совет Народных Комиссаров поступил проект декрета об отделении Церкви от государства, по которому, конечно, не только не может быть речи о каком-либо содержании духовенству из казны, но предполагается конфискация как всех земель церковных и монастырских, так да же и капиталов.

Конечно, "сила не право"...» [18]

В заключение следует отметить, что тема настоящего исследования далеко не исчерпана, тем более, что ее углубленное изучение напрямую связано с теми событиями, которые происходят ныне в истории русского православия.

* *Окончание статьи*, начало в журнале «Ученые записки Петрозаводского государственного университета». Июнь, 2008. №1 (91). С. 43–51.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проводы Ректора Олонецкой Духовной Семинарии, Архимандрита Нафанаила. Петрозаводск, 1902. С. 1–3.
2. Фаддеев, архимандрит. На 25 декабря 1904 года // Олонецкие епархиальные ведомости. 1905. № 1. С. 7–8.
3. Устав православного церковного братства преподобного отца нашего Александра, Свирского чудотворца, святого покровителя Олонецкой епархии. Петрозаводск, 1892. С. 4–5.
4. Феситянинов Д. Мысли по поводу настоящей войны // Олонецкие епархиальные ведомости. 1905. № 3. С. 86.
5. Местная хроника // Олонецкие епархиальные ведомости. 1905. № 3. С. 91.
6. Крылов Д. Поучение в неделю блудного сына // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 4. С. 157.
7. Местная хроника // Олонецкие епархиальные ведомости. 1905. № 4. С. 18.
8. Речь, сказанная 28 июля 1914 г. Преосвященнейшим Никанором... // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 23. С. 541.
9. Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 213.
10. Олонецкое духовенство и война // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 31. С. 706–707.
11. Телеграмма митрополита Владимира на имя Его Преосвященства // Олонецкие епархиальные ведомости. 1917. № 6. С. 123.
12. Приходский пастырь. Братия сотоварищи! // Олонецкие епархиальные ведомости. 1917. № 6. С. 131.
13. Приходский пастырь... С. 131–132.
14. Суперанский Н. Приветствие дням свободы // Олонецкие епархиальные ведомости. 1917. № 6. С. 132–133.
15. Журналы Чрезвычайного Съезда духовенства и мирян Олонецкой епархии 17–25 июня 1917 года. Петрозаводск, 1917. С. 5–7.
16. Журналы Чрезвычайного Съезда духовенства и мирян... С. 33, 39.
17. Чуков Н. Созыв Учредительного Собрания // Олонецкие епархиальные ведомости. 1917. № 26. С. 497.
18. Н. К. Ч. К вопросу о содержании духовенства // Олонецкие епархиальные ведомости. 1917. № 26. С. 429.

JUKKA KORPELA

Professor, Head of the Institute of History at the faculty of Social Sciences and Regional Research of the University of Joensuu (Finland)

*jukka.korpela@joensuu.fi***NORTH-WESTERN «OTHERS»
IN MEDIEVAL RUSSIAN CHRONICLES**

The Novgorod chronicles revealing the facts concerning the population of Eastern Fennoscandia until XV century are analyzed in the article.

Key words: Chronicles, Cjud', Jem, Sum', Korela, Sami, aliens, Rus'

A. INTRODUCTION

In his essay from the year 1816 «Ueber die Wohnsitze der Jemen, ein Beitrag zur Geschichte Neu-Finnlands», Aron Christian Lehrberg put the living areas of Finnic peoples on a map [1]. Jooseppi Julius Mikkola, another St. Petersburg scholar, identified the tribes of the area of modern Finland which are recorded in Novgorodian medieval sources [2]. Heikki Kirkinen has continued on the same path in his article «Finland in Russian Sources up to the Year 1323» [3].

The analyses, as well as many others of their likes, have taken for granted the ancient tribal system of Finnic peoples, which consists of Karelians, Tavastians, Finns, Ižorans, Vepsians, Estonians and Sámi/Lapps. These names are mentioned in medieval sources and archaeological evidence supports the existence of tribal areas to some extent also. The nation building is, however, a very complicated issue. Although we call foreigners according to their national names, the concepts have mostly been created by 19th century national romantics according to languages. The existence of the medieval Finnic tribes is problematic also, because a Finnish word for the

tribe, «heimo», had the original meaning of family. The 19th century historians only introduced it in the meaning of the population of a larger geographical area corresponding to the German concept «Stamm» [4].

In the medieval times other aspects were more important in identity building than languages and groups of people formed their togetherness according to activities, loyalties etc.; they were traders, men of Prince, pirates, crusaders etc. According to modern literature, the early populations of the Eastern Fennoscandia were heterogeneous, concentrated in resource niches and they hardly had supra-local, language based identities. Most probably the people identified themselves as members of families or clans and understood as others those whose economical system was different [5].

My intention is to re-evaluate the Novgorodian written sources concerning the populations in Eastern Fennoscandia until the 15th century state formation. I will try to see how the Novgorodians understood the situation in the territory, regarding what peoples or groups they understood to be living there, how exact their concepts of identities were and finally who Novgorodians considered to be «us» and who they considered to be «aliens».

The ancient authors were not always well informed, they were not intending to say something very specific, many times they were only following cultural patterns and myths and in any case there was no fixed terminology or standards for various phenomena. Generally, the terminology varies much from one source text to another [6].

My main source is the first Novgorodian chronicle which I have studied in detail. Moreover, the material of the first Sofian chronicle, Trinity chronicle, Laurentius chronicle, the fourth Novgorodian chronicle, Simeonov chronicle, Rogoskij chronicle, Voskresenskaja chronicle, Nikon-chronicle and Stepenaja Kniga has been used through indices and NIL-cases [7]. Thereafter I have re-checked the material with help of the collection *Materialy po istorii Karelii XII–XVI vv.*

Finns and Karelians are not a big issue in the texts. Including the unclear concept of *čjud'*, there is in NIL all together some 68 entries which have something to do with our problem from the beginning of the 11th to the middle of the 15th century. Most of the cases are very scanty. The Internal wars, Tartarians and Lithuanians were the issues from the Novgorodian point of view.

The Novgorodian texts have, however, more detailed, correct and better information concerning the proceedings in the north than the other texts. The raid of 1042 to Jem' is recorded in the Laurentinian text, but except for the introduction, there are only three more entries with a Finnic case [8]. Rogoskij chronicle mentions Eastern Fennoscandia for the first time in 1278 in connection with the raid of Prince Dimitrij to Karelia and records a short statement concerning Prince Juris's raid to Viborg in 1322 [9]. The battle at Neva river in 1240, the raid of Aleksandr Nevskij to Jem' in 1256, the raids to Karelia in 1277 and 1322 and the attack of Andrej Aleksandrovič against Venec (= Landskrona on the River Okhta) in 1302 is recorded in Simeonov-chronicle [10]. Trinity chronicle mentions the raid of 1042, but thereafter, the text records only the raid of the year 1256 to Jem', the raid to Karelia in 1277 and the attack against Viborg in 1322 [11].

In relation to other proceedings in Novgorod, the peripheral value of the Finnic cases is clear in the southern sources because the city is as such recorded rather often. The late Muscovite texts (VL, NL, StKn) deal with Finnish and Karelian issues but less so than early Novgorodian texts and totally looking from the 16th century political perspective. VL is a little less loquacious than the others. Among the Novgorodian texts the Sofian chronicle and N4L pay less attention to the Finns than NIL.

B. PHILOLOGICAL POINT

Sources deal with people sometimes as collective groups and sometimes as individuals. There are clear singular collective concepts of *jem'*, *sum'* and *ves'*. *Svei*, *varjaži*, *gosti*, *nemci*, *greki* and *rusi* are

mentioned in the plural form. The concepts *čjud'*, *vod'* and *korela* seem to have both forms, i.e., also *čjud'* – *čjudi* [12], *vod'* – *vožani* [13] and *korela* – *koreli* (*goročane korel'skyi*). The plural forms are used very seldom [14].

Medieval Russian texts use plural forms for the peoples with whom they had regular contacts and who they personally knew, such as Slavic tribes or Hungarians or Poles or Varangians or Pečenegs or inhabitants of various towns [15]. More alien beings seem to have been addressed with collective forms like the Primary Chronicle does in the list of «all pagan peoples» who belonged to the subjects of Japheth after the Deluge [16].

The collective words *čjud'*, *vod'*, *sum'*, *ves'* and *jem'* look like the noun *Rus'*. At first glance, they seem to refer to realms or administrative or cultural units and not just to people living somewhere. On the other hand, using these expressions the Novgorodians implied first of all a group of people because the texts use verbs in plural forms [17]. The same is the case with the noun *Korela* [18], although it is usually referring to the town *Käkisalmi/Kexholm/Priozersk*.

C. ČJUD'

Čjud' is the most common name for Finno-Ugrian peoples. For the first time, *čjud'* are recorded among taxpayers of *Rus'* in the prology of the Primary Chronicle [19]. According to Heikki Kirkinen, the word referred first to Baltic-Finnish tribes including Estonians and Finns but, later on when the Russians got the idea of the tribal system of the Finns, the word was used only for Estonians, while the others were called according to their proper names [20]. Later on Kirkinen advanced his theory claiming that *čjud'* were the pre-Karelian population at Lake Ladoga, which was later divided into Karelians and *Ižorans* [21]. According to some Russian scholars, the expression of *čjud'* meant Baltic Finns in the North-Western *Rus'* or the Novgorodians used it for all the people that had an unknown origin. Later the expression covered all Finno-Ugrians [22]. Other Russian scholars think, however, that *čjud'* have nothing to do with Finns or Karelians, but refers only to Estonians [23]. Earlier studies speak much about the concept of «*zavoloč'skaja čjud'*» which would refer to the Finnic population living between Lake Onega and River Dvina [24], or to the people in the area of River Vaga [25], or even to the mystic *Bjarmians* [26].

The basic weakness of the earlier studies is the idea about «the proper original names of the Finnish tribes». There is no evidence whatsoever about what the Finnic forest dwellers of backwoods called themselves and how they saw who they were. One has to see that Novgorodians only used some names to call peoples without proper ethnic analysis. The *Sámi* concept of *čudde* or *čuðde* means mystic foreign robbers, pursuers, enemies and their troops. This word is the root for the Rus'ian «*čjud'*». Per-

haps the ancient Slavonic speakers had taken the term into use when they saw how Sámi called foreigners demanding furs and wealth [27].

Čjud' is much more common in our material than Jem', Vod', Sum' or Korela. It is a name for human beings living in modern Estonia or in its neighbouring areas in those cases which can be defined. Except once, the čjud' were never living «beyond the sea» from the perspective of Novgorod. According to SIL, prince Aleksandr went «na svejskuju zemlju i na čjud'» when he attacked somewhere to the territory of modern Finland, 1256. The formulation is repeated in Muscovite chronicles after the end of the 15th century. Most probably, however, the chroniclers have mixed together various raids in Ingermanland, to River Narva and to Southern Finland as the story is described by NIL [28].

Čjud' were allied with Nemci but never with Varjaži or Korela. With Svei, Jem' and Sum' they were mentioned together only once, in the text of SIL at River Narva 1256. The same story is recorded in other texts without čjud' [29]. Although Novgorodians considered čjud' as «aliens», they were seldom taken as prisoners, i.e., slaves [30].

«Zavoloč'skaja čjud'» were living among «all heathens» («vsi jazyci») in the area of Noah's son Japheth, according to PVL [31]. The concept is not mentioned elsewhere in old texts. The word «zavoloč'e» is, however, widely used for the northern, peripheral territories. There were living there at least Finno-Ugrian Permians but otherwise modern scholars are not unanimous about the exact meaning of the concept [32].

Karamzin spoke about čjud' that killed Gleb Svjatoslavič in «zavoloč'e» in 1078. He refers to the chronicle of Novgorodian priest Ioann, i.e., the Academic MS of NIL(m) where it is said that Gleb was killed by čjud' «za volokom» [33]. Čjud' living in the remote area encouraged scholars to call them in further studies «zavoloč'skaja čjud'» independently of the fact that such a concept is never mentioned in trustworthy old sources [34].

The expression of PVL is a more poetic than analytic concept in the meaning of real odd unknown people in remote backwoods. The noun «čjud'» describes here the alienness of the people and the adjective «zavoloč'skaja» (= remote) stresses the extreme remoteness of these aliens. Moreover, because PVL lists also Permians in the same entry, it is not identifying the Permians with «zavoloč'skaja čjud'». The short life story of St. Stephen of Perm' neither mentions any «zavoloč'skaja čjud'» [35].

Although some references clearly mean people living in remote areas and beyond the Gulf of Finland, the čjud' of our material can be mainly identified with non-Slavic populations living in Balticum. Because the Novgorodians used the collective conception čjud' as well as the plural form čjudi it looks like the Novgorodians had rather detailed information about čjudi and their society. They handled them as an organized unit but also

knew the individual members of this society, and thus did not consider them as «total aliens». Čjudi were not used as sources of slaves more than Slavs. However, one had to understand that the Novgorodian chroniclers had not used the word as a general concept for people who were speaking a grammatically similar alien language. It would also be strange if the medieval Slavic chroniclers had been able to analyze their surrounding with the linguistic concepts of the 19th century philologists.

D. JEM'

According to the introduction of PVL, Jem' were among the taxpayers of Rus' [36]. Prince Vladimir Jaroslavič attacked them in 1042 [37]. Thereafter, the Novgorodians and the Korela launched raids against Jem' [38] and vice versa [39]. Jem' went also against vod' [40], Finno-Ugrians living at the south-eastern shore of the Gulf of Finland, around the town Kopor'je [41]. The living area of the jem' was situated far away from Novgorod, because the stories stressed the difficulty of the trip unlike in the connection of čjud' [42]. Obviously the Jem' came «from abroad» [43]. From Korela one went to Jem' by boats [44], but from Jem' to Vod' and from Novgorod to Jem' one could go «in the winter time», i.e., by land or on lake ice (not over the Gulf of Finland) [45], although to the «Vd'skoe ozero» one went by boat [46].

The area of Jem' was beyond the sea [47]. According to the Laurentinian chronicle, prince Jaroslav Vsevolodovič went against Jem' and proceeded so far that no Russian prince had ever been so far, in 1226 [48]. VL tells only that the raid went beyond the sea and was very successful [49]. The remoteness of the area of Jem' is also stressed in the story about the raid of Aleksandr Nevskij in 1256 [50]. While the story of the raid of 1226 described in NIL without any exceptional characterization, we might think that the jem' belonged to «the digital others» for Muscovites but were «less other» for Novgorodians. In comparison to čjudi they were, however, «more other» [51].

The «jem'skaja zemlja», is recorded in the sources for the first time in 1292 [52]. The concept of «zemlja» (land) has a special meaning in the Russian terminology of central power, regionalism, other – we. By using this term the sources stress the otherness of jem', because their living area is separated from «Novgorod'skaja zemlja» or «Russkaja zemlja». There were neither towns nor castles in «jem'skaja zemlja» [53]. However, the raid of the year 1311 against Jem' was already launched to «nemeč'kaja zemlja» and nemči were the enemies there. Thus the idea of the land of Jem' was only short lived [54].

The contradictory sources do not allow to place Jem' on a map, although Finnish and Russian scholars have tried to find their place between western Finland and River Dvina. In the 1830s, Sjögren composed even a theory about two separate Jem'.

Traditionally Jem' are identified with the inhabitants of the inland of South-Western Finland, who are called Tavastians/Häme. According to the 19th century Romantic taxonomy, they would be the original Finnish tribe of the area [55].

The Jem' were taken as prisoners, i. e. slaves, by the Novgorodians and were thus regarded as alien heathens [56]. On the other hand, Jem' formed a group of people who threatened the land of Novgorod but who were also rich enough to be targets of robbery raids. According to the Novgorodian chronicles, 400 men of Jem' attacked against Novgorod in 1142 and this story is repeated in the 16th century Muscovite texts, too, but otherwise the sources do not deliver any information concerning the society of the Jem' [57].

According the Vladimir-Suzdal and Moscow chronicles, Prince Alexandr Nevskij attacked Jem' in winter 1256 with the Suzdalians and took prisoners [58]. Although the Suzdalians are recorded also elsewhere in the troops of Novgorod [59], they hardly went to western Finland. The wording implies, however, that Jem' were not simply heathen people beyond the sea but dangerous western enemies against whom Grand Prince must go with large troops and against whom the whole Rus' had a mission. This well suits the late medieval mission of the Muscovite rulers and might be the reason for this historiographic stress.

First, the raids of Jem' were separated from the raids of Swedes (svei, varjaži) [60] and of foreigners (nemci) [61], but later Jem' were already allied with western enemies of Rus' like at River Neva in 1240 and at River Narva in 1256. The change reflects the start of the Swedish state formation in eastern Fennoscandia although the stories may be better hagiographic than historical [62].

The First Sofian chronicle and Muscovite chronicles call the raid of Prince Aleksandr to Southern Finland, 1256, a raid «na svejskuju zemlju i na čjud'». Although the chroniclers have mixed together proceedings in Balticum, Finland and Ingermanland, this is the first time when the probable living area of Jem' (called here čjud') has been described as a part of the land of Swedes [63]. Organized western power has entered the area of western Finnish inland and founded a castle in the middle of the 13th century, but the people of Jem' remained outside of the centre as objects of the Swedish taxation [64]. A little later the «jemskaia zemlja» were mentioned and finally in the early 14th century, Novgorodian texts started to speak about the area as «nemeckaja» and about the representatives of the power as «nemci» [65].

The separation of Swedes from Jem' corresponding to townsmen and rural population reflects the division of power. The Jem' may have paid tribute to Swedes but were not considered as a part of their power structure. The concept of Jem' disappears from the Russian sources soon after the conclusion of the peace of Nöteborg in 1323, showing that Swedes were from now on able to implement

their permanent power in Western Finland (Häme, Savo, western part of the Carelian Isthmus). The only later evidence of using the concept of Jem' is the odd statement of N4L in 1496 that Prince Ivan Vasilevič attacked «gamskoju zemlju». This event is separated from Ivan's raid to Viborg earlier in the same year [66]. What was the reason for the reuse of this concept?

Although many later texts, like Rogoskij chronicle, do not use the concept of Jem' [67], the 16th-century imperial political manifestation Stepennaja Kniga describes how «Jem'» belonged to the subjects of Vladimir Svjatoslavič in the late-10th century, how Jaroslav Vsevolodovič launched a raid against Jem' in 1220s, how Vsevolod Mstislavič was victorious over Jem' in 1142, and how there were also Jem' participating in the battle of Neva in 1240, too. Scribes knew old texts and the concept of Jem' suited well the 16th century Muscovite diplomatic reclaims concerning the provinces which were surrendered in the treaty of Nöteborg to the Swedes [68].

E. SUM'

«Sum'» are mentioned as a tribe in three entries of N1L and S1L. Rogoskij chronicle and Laurentinian chronicle do not use the concept in the same stories. Simeonov-chronicle, Voskresenskaja-chronicle, Nikon-chronicle and Stepennaja Kniga mention the term in connection with the battle of Neva in 1240 [69]. N4L records the tribe «soum'» and Sokraščennyj Novgorodskij letopisec (spisok N. K. Nikol'skago) the tribe «sim» at River Narva in 1256 [70].

The Sum' were allies of Swedes in the stories of Neva and Narva [71]. More important is the story of the year 1318. Novgorodians attacked across the sea to River Polna, occupied the town Ljuderev and returned home. The town belonged to the prince and bishop of Sum' [72]. While S1L calls Ljuderev «gorod sum'skogo mesterja i biskupl'» [73], N4L tells how Novgorodians attacked «za more» to the River Polna and conquered two towns: Ljuderev and Piskupl'. The inhabitants were nemci (not sum') and they were killed during the raid [74].

The hard facts of the story are the names of the towns, Ljuderev and Piskupl', the River Polna and the notion that the people sum'/nemci were living «za more», i. e., beyond the Baltic Sea. The Sum' were living in towns and formed an organized Christian society mastered by a prince/"meister" and bishop. The variation of the ethnic names refers to the proceeding of the Christian state formation. The name of the town Piskupl' of N4L is derived from the Swedish word «biskop» or German «Bischof» (Bishop) and the concept «mester'» from German «Meister» [75].

The south-western part of Finland is called Finland Proper, in Finnish «suomi». The origin of the the concept «suomi» is unclear but looks like similar to «sum'». The traditional centre of the area

of Finland Proper is Turku, a permanent episcopal see since 1270s. Commander of the castle of Turku was Lyder van Kyr(e)n in 1318 and the scholarly tradition has connected the name of the town Ljuderev with his first name [76]. There was also an episcopal castle near Turku in Kuusisto which was built using stone in the beginning of the 14th century by Bishop Rangvald [77].

River Polna has been identified with River Aura which is running through Turku. Lehrberg explained the name as a translation from the Finnish name of the River Aura, which is according to him *avara = polnyj*. Although the philological explanation is unprofessional, the identification with River Aura is possible, because the name has been used also in one late Hanseatic document. On the other hand, «Polna» was in every-day use in old Russia for big rivers, and rivers with this name are known elsewhere, too [78].

The timing of the Novgorodian attack fits well with the sack of Turku by «rutheni» which is recorded in the late medieval «chronicle of Bishops» [79]. «The prince» of the text may have been «the Duke of Finland» Valdemar Magnusson, the younger brother of king Birger Magnusson of Sweden, although he was already murdered with his brother Eric in the early part of 1318 [80].

It is, however, difficult to believe that the Novgorodian sources had not known the right names of the most famous centres of Western Finland. It is also confusing that the sources suddenly speak about the people of Sum', their organized Christian society, the prince and bishop of Sum' which never happens in connection with Häme or Karelia and with the inhabitants of these areas in these years. Novgorodians were also active in Eastern Finland in the beginning of the 14th century and have more than enough problems elsewhere, too. Under these circumstances, it is highly improbable that Novgorod had launched a sudden raid to the totally new western area. The «chronicle of Bishops» is a problematic source, too, because it is actually a text of the 16th century and its so-called fragment of Palm-skiöld only from the late 15th century, and this was already the period of Swedish-Russian controversies. Possibly the author has «re-evaluated» some raids of pirates against Turku especially because the word of «rutheni» used in the chronicle was not an established concept for Novgorodians or Russians in the 14th century.

The River Polna describes the border between Sweden and Muscovy in the map of Anton Wied and Ivan Ljackij made in Vilnius between 1542 and 1555 [81]. The border river Polna is present in the all-European maps after the cosmographia of Sebastian Münster and the *Theatrum Orbis Terrarum* of Abraham Ortelius [82]. According to the early-15th century fictitious testament of King Magnus Ericson, a monastery of Saviour was situated on the shores of River Polna. The monastery has later been identified as the Valaam-monastery of Lake Ladoga. Finally, Kyösti Julku has identified River Polna with

River Näätamö running to Arctic Ocean in Lapland and Heikki Kirkinen with Bömelfjordh near Bergen in Norway [83].

Although the border river Polna of the maps is a typical imagination of early modern cartographers, it has connections to reality, too. The western end of River Vuoksi «Suomenvedenpohja» formed a connection between Lake Saimaa and the Gulf of Viborg. It was navigable still in the 16th century; the Saimaa area forms a chain of lakes and rivers to the Arctic Ocean, and has been used as a communication route from times immemorial [84].

The story of the raid of 1318 can be connected to the area of Viborg in other ways, too. There is toponymic and other evidence concerning the early relations between (Varsinais-)Suomi and Gulf of Viborg, starting from the name of river Suomenvedenpohja which contains the prefix *sum'* [85]. The well recorded military activity in the region of Viborg in these years also fits well with the story of 1318, while there is no other evidence concerning expeditions from western Finland, and the names of the chronicle text are neither impossible in the connection with Viborg since it was also a Swedish royal castle and our real knowledge about the visits and travels of military leaders and bishops are most scarce.

«Suomi/sum'» names are present in Balticum, too. The Estonian island Saarenmaa (Osel/Ösel) is called in the Latvian language *Sāmusala* which is derived from «Suomensalo» (island of Suom/sum) [86]. It is not possible to exclude this region from the story of the raid in 1318 either, because it was «beyond the sea» from Novgorod and *nemci* were living there, archbishop of Riga Albert founded an episcopal see of Saarenmaa (Ösel-Wiek) in Lihula (Leal) in 1228 and German knights had been present with their «meiser» in Ösel since 1234. River Polna is possible to identify with straits, sounds and rivers of the area [87].

F. KORELA

According to PVL Korela belonged to the peoples of Japheth like *jem'* and *čjud'* [88]. The first real historical record of Korela is the story of the year 1143 [89]. Korela were like *Vod'* [90] and *Ižerjany* [91] not a part of the realm of Novgorod, while *ladožany* [92] had closer relations to Novgorod. Soon Korela were, however, allied with Novgorod against *Jem'*, *Nemci* and *Svei* [93]. The status of Korela was still long labile. The Prince of Novgorod planned a raid against Korela in 1269, but at the same time Korela also had internal troubles with Novgorodians, Pskovians, Ladogans, *Ižori* and *Vod'* concerning their mutual relation. Sometimes Korela was included in treaties between Novgorod and Hansa, like in 1262, but at the same Novgorod could not totally guarantee the security of the trade in Carelian Isthmus [94].

The relations of the areas around Lake Ladoga with Novgorod became closer after the 1270s. Prince Dimitrij Aleksandrovič occupied Korela in 1278 and

the area was taken under permanent Novgorodian rule during the early years of the 14th century [95].

Traditional studies have argued about the early independent status of Karelia, while being unable to understand that such an independent status did not exist in the medieval world [96]. It is more essential that Korela becomes a bigger issue in later texts than it was in earlier ones. According to the Nikon-chronicle, Aleksandr Nevskij fought «s korel'e/s koreloju» and even the monastery of Valaam existed in 1240 (in fact it was founded in the early 15th century), and the Laurentinian text, which is actually the most ancient physical manuscript of the chronicles, praises the Baptism of Korela by the prince Jaroslav Vsevolodovič in 1227 [97]. Correspondingly, the concepts Sum' and Jem' underwent a new popularity in the 16th century Muscovite texts.

The territorialization and nation building of Muscovy and Sweden started in the 15th century and were soon visible in the historiography on both sides. The early role of the old realm was emphasized in peripheral territories, and thus, the old texts were reviewed. Such an interpolation is most probably the story of the Karelian Baptism of 1227 and the idea of Stepennaja Kniga that Karelians paid taxes from now onwards to Rus' [98]. An obscure issue is also the expansion of the Novgorodian/Karelian trade and administration to the northern areas before the 15th century, despite the opinion of traditional literature [99].

After the conquest of Novgorod in 1471/1478, Muscovy came into direct contact with Sweden and became a partner in regular peace negotiations from 1482; in the same time the Muscovite diplomacy took up the treaty of the year 1323 as a permanent argument for the defence of the border line against the expansion of Swedish taxation to the east [100]. The increasing interest of the 16th-century Muscovite historiography with the peace treaty of Nöteborg reflects the same fact [101]. The new situation is also clearly visible in the emphasis of the crusade of King Magnus Ericsson to Neva and in the interpolation of the fictitious testament of the King to the chronicles after the late-15th century [102].

The word Korela differs from the other concepts of our study because it was used also by the medieval western sources [103]. In connection with the noun Korela the verb is used in the plural which indicates that the authors spoke about inhabitants [104]. The use of the plural form «Koreli» differs from the concept of Jem' and Sum' and resembles the use of words čjudi and vožani. Probably Koreli were considered as individual people with whom Novgorodians were in regular contact and whom they knew fairly well. Perhaps Koreli were «not very much other».

There was a town (gorodok) and townsmen (gorodčanin) in «Korela» who were «Korela» and «Rusi» [105]. «Korela» were living also in the area of Viborg which was called «korela nemečkaja» like the town Viborg was a town of Nemci after the late

13th century, because it was founded by Svei [106]. This reflects the approach of the foreign power as a superstructure and a starting of foreign state building. The case resembles the description of Vanaja in 1311.

Thus Korela means people, town, as well as a geographic area, where superstructures were Swedish and Novgorodian, but the local population was Finnic [107]. The Korela could be taken as prisoners, i.e., slaves, too. According to some chronicles, prisoners were taken from the eastern part of Korela in 1277/1278 as well, but this is not sure [108].

The geographical location of Korela is rather precise, although exceptions can be found. According to the short life story of St. Stephen of Perm', Korela were living in Perm' [109]. Some western sources place Karelia on the southern coast of the Finnish Gulf, too [110].

Nemci could reach Korela by boat via River Neva and Lake Ladoga [111]. When Svei attacked, they divided the troops, and half of them went to Korela while the rest to Ižora [112]. The shores of the River Neva did not usually belong to korel'skaja zemlja [113], although Nikon chronicle once speaks about «grad Orehov korel'skij» [114]. There was a conceptual difference in the eyes of Novgorodians between the eastern end of the Gulf of Finland and Western Finland, too. Although Vanaja (Häme) belonged to «nemeč'kaja zemlja», the Swedes founded their castle of Viborg in «korel'skaja zemlja» in 1293, according to NIL [115].

«Kobyličkaja korila» as well as «korela semidesjackaja» belonged to the realm of Novgorod [116]. According to Heikki Kirkinen, the previous concept refers to the South-Eastern Carelian isthmus while Svetlana Kočkurkina speaks about the region of Toksova and also the area of Savo (South-Eastern Finland. According to John Lind «korela semidesjackaja» can be placed at the shores of the rivers Okhta and Saja and in the regions of Keltto, Rautu, Kuivas and Korpiselkä [117].

Kirkinen has placed «Korela semidesjackaja» in Northern Ostrobothnia, at the shores of the Botnic Gulf, but the theory has not, however, any direct support in sources. According to Kočkurkina, the concept could have meant also the eastern coast of Lake Saimaa [118].

Indeed, sources use concepts of Jemskaja, Korelskaja, Vodskaja and Cjudskaja zemlja. The lack of sumskaja zemlja might depend on the fact that this name is mentioned only three times. All the expressions belong to later periods. The use of the concepts excludes the people in concern outside of the Novgorodskaja zemlja as some kind of foreigners although Vod' and Koreli clearly belonged to the Novgorodian realm (vlast', volost') and not to the «digital other people». Zemlja is also referring to the fact that Novgorodians considered them as a unit in a certain geographic direction. The Novgorodians used the expressions more in the sense of population than as territorial names, because the predicate verbs are in plural form in the connections of the concepts [119].

G. MISSING SÁMI

The Finnic speaking population of the European arctic and subarctic area are called Lapps or Sámi. The Novgorodians had economical contacts with Kola, Finmarken, Lapland and Norrland in the age of the Vikings [120]. For the first time, according to my knowledge, Russian sources refer to «Lopari» or «Lop'» in the *žitie* of Lazarij of Murom, who was opposed by «lopjane i čud'» in the 14th century Dvina. The text is much younger [121]. The «Lopari» and «Lop'» were recorded regularly in the tax books of the area from the 16th century onwards [122].

The lack of the concept in old chronicles does not mean that the Novgorodians had not faced Sámi speakers. As said, they had economic contacts with them and the Novgorodians used even Sámi based concepts like the word «čjud'». They did not, however, make any difference between Sámi speakers and other Finnic forest dwellers but used for them all the above mentioned concepts. In fact, the same phenomenon is visible in the western sources, too, which, on the contrary, use the concept of Lapp for all forest dwellers including the proper Finns [123]. This state of affairs underlines only two aspects. First, the language was not important for the identification of people. Secondly, the forest dwellers were simply odd, foreign people from the perspective of the Novgorodians.

H. ALIENS

Russian sources record also Svei, Varjaži, Nemci and Gosti in the north-western territories. Gosti were Novgorodian and foreign merchants, who had connections outside of Novgorod, but the concept is not used very often [124].

Nemci were at first foreign merchants [125], but soon the concept refers to foreign knights against whom Novgorodians were fighting, too. Nemci were allied with čjud' and they were the enemies of Rus' in the battle of Lake Peipus [126]. On the other hand, many Nemci come to Riga in 1237 and together with the locals attacked the heathen Lithuania [127], but Nemci were also the soldiers in Vanaja [128]. The concept «zemlja nemečkaja» is used as well [129]. Thus the term Nemci covers German knights, Swedes as well as the Baltic area.

Varjaži is an old term for varangians and Vikings as well as for the Latin Church [130]. In the Novgorodian material it is used for foreign merchants, too. Varjaži is like the word gosti but without any reference to Novgorodian merchants [131]. A clear exception is the use of the concept for Latin crusaders in the story about the sack of Constantinople 1204 [132].

Pirates are called in western sources sometimes curones. Although PVL records Kors', Ljub', Zimegola and Letgola which have been identified with these «Kurians», the Novgorodian and other Russian chronicles do not use the expressions in the

north. Perhaps the Curones were called Nemci or Svei as well, like we know that Vitalian pirates were called Nemci in 1392 [133].

Svei were pirates and other foreign enemies who came beyond the sea and attacked against Novgorod [134]. After the late-13th century a clear difference between Svei and Nemci disappears, as far as it concerns the areas of the Gulf of Finland and Carelia. While Trund and his men who went against Neva and Carelia in 1284 and the inhabitants of the town Vanaja were Nemci, the conquerors of Western Karelia in 1290s were Svei [135]. The castle of Viborg was in 1294 a «gorod sveiskij» but already in 1322 a «gorod nemečkij» for the same chronicle [136].

According to the Novgorodian texts, Svei attacked in the first years of the 14th century against Neva, brought their allies «from Rome, from Pope» and built a town at River Okhta [137]. In southern texts the concept of nemci is used in these proceedings, or like in Voskresenskaja chronicle «priidoša iz zamoria nemci svejskie» [138], and king Magnus Ericsson who made a crusade to Neva in 1348–1350 was also «korol' nemeč'sky», according to the Trinity chronicle [139]. The manner of the Muscovite texts from the late-15th century on to call King Magnus in 1348 as «korol' sveiskii» reflects the new relations between Muscovy and Sweden [140]. The treaty of Nöteborg 1323 was concluded between the prince of Rus', Novgorod and the King of Sweden. Therefore, in the connection of the peace treaty the sources use the concept of Svei [141]. The idea to call the realm of the King of Sweden and his representatives as Svei and the unspecified foreigners as Nemci was established during the 14th century in Novgorodian first Chronicle [142].

Murmane is recorded in some entries as allies of western enemies. Svei attacked with Jem', Sum' and Murmane to River Neva, while at River Narva Murmane were connected to Sum' as well as to «land of didman», 1240 [143]. The word «murman» derives from «norman» [144]. «Murmanskoe more» had the meaning of the Arctic Ocean and «Murmanskij bereg» the shore of the Ocean from the mouth of White Sea to the Norwegian border. The Novgorodians had connections to Finmarken which may explain the use of the expression, but the participation of real Norwegians in the proceedings is, of course, another issue [145].

The texts speak about «aliens» in plural. The explanations may vary, however, and all groups did not form similar unspecified unknown entities. Nemci and Varjaži were heterogeneous and indefinite foreigners while Gosti individual merchants and Svei, Ljahi and Greki well known neighbors.

One cannot make any ethnic differences between Swedes, Danes, Norwegians and Germans like today. All the expressions refer to living forms or activities, relation to sea, to position in power structures and only slightly and unspecified as to geographical direction [146]. National labels of merchants should also be avoided. Hansa was a German

national movement, and Vikings exclusively Scandinavians only in the imagination of the 19th century literature. The clear difference between Vikings and Hansa merchants is a later simplification, too [147].

I. RUS'

Traditionally, Novgorod is a part of Russia, but the concept of Rus' and the relation of Novgorod to Rus' is complicated in medieval sources. «Ėpiskop' i kup'ce i sly novgorod'skyja ne puščahu iz rusi, - - -» [148]. A couple of years later, in 1145: «- - - hodiša vsja russka zemlja na Galic' - - - hodiša že i iz Novgoroda pomoč'e» [149] and in 1146: «Pres-tavisja v rusi Vsevolod'.» [150]

These kinds of expressions are a standard in the Novgorodian sources. It looks like that Novgorodians did not count themselves to be a part of Rus'. Rus' was outside of Novgorod like the area of čjud': in 1149: «Ide arhiepiscope novgorod'skyj Nifont v rus' pozvan' Izjaslavom'» [151], in 1165: «V to že leto hodi igumen Dionisii s ljubov'ju v rus'» [152], in 1179: «Tgda že novgorod'ci poslašasja po brata ego po M'stislava v rus' - - -; a na zimu ide M'stislav s novgorod'ci na čjud' - - -.» [153] and in 1180: «I poslaša novgorod'ci k Svjatoslavu v rus' po syn, - - - Tom že lete - - - ide knjaz' Svjatoslav Vsevolodic' - - - iz rusi na Suždal' - - -.» [154]. In the last sentence the word Rus' refers only to Kiev because also Suzdal' was outside of it. The concept of Rus' is used in this way elsewhere, too, but exclusively in connection with the Grand Prince and Metropolitan [155].

The concept Rus' is not used in this way in chronicles which are from areas other than Novgorod, e.g., the Laurentinian text. Firstly, russkaja zemlja or Rus' is used very seldom. The geographical definitions are made basically with assistance of names of towns. When Rus' is used, it is a general concept in the meaning of we/us without any aspect of alienness. The aliens in Laurentinian text are, of course, different than in Novgorod, mainly «Ugry» (Hungarians) and «Ljahi» (Poles) [156].

The concept of Rus' is a singular collective word, too. As said above, this kind of expressions were used mainly for foreign, unknown groups of people. This fact is very striking, e.g., in the PVL-story about the foundation of the realm of Rurik in 862. All Slavic tribes and townsmen are in plural forms but non-Slavic tribes and the concept Rus' in singular collective forms [157]. One should remark, however, that sometimes a plural expression «rusi» was used or individual one «rusin», too [158].

J. RELIGIOUS OTHER

Modern scholars speak about the Novgorodian activity in the north also as a Christian Mission. The descriptions concerning the 14th century expansion of the Latin Church, the influence of the pope and Rome and the Western threat can be found in the later Muscovite chronicles [159]. Interestingly, the

raids until the early 14th century wars are mostly skipped in these texts with some short sentences. E.g., the famous story of the year 1227 when «Prince Jaroslav Vsevolodovič baptised very many Karelians almost all people» is recorded only in the Laurentinian chronicle [160]. Because Muscovy invested itself in the role of the defender of All-Rus' against the foreign religious threat and built its power on the religious legitimization since the 14th century, the Orthodox mission was increasingly emphasized in the Muscovite historiography after the early 15th century [161].

The Novgorodian texts, of course, noticed the religious matters, e.g., the participation of bishops in raids but religious missions were not an issue in early texts [162]. According to the traditional literature, the reason was the liberal attitude of the Novgorod administration towards local institutions and original religion [163]. This view is supported by the criticism of Henry of Livonia against the laziness of Novgorodians in religious matters [164].

The Novgorod texts do not consider western areas as a Pagan land. The concept for total alien beings «jazyč'nik» is never used for Swedes, Germans or other «Latins». Instead of this the concept «poganyj» («dirty», «pagan») and the word «bezbož'nyj» («godless») is used especially for Lithuanians. The Lithuanian Prince Algirdas was «bezbož'nyj», and the crusade and crusaders against Pskov are called «napadenie bezbož'nyh latin» and «poganaja latyna» [165].

The religious other is hidden in tribal terminology, too. A part of the inhabitants of the town of Korela was not regarded as Christians. The term «Rus'» might be equal to the expression of Christians in this connection and the Pagans referred most probably to the Finnic population called «Korela». This same use of the concept Rus' can be found in the story about St. Stephen of Perm' and his relation to the local Permians. A Novgorodian chronicle text tells about the uprising of 1337: «Townpeople killed Rus' from Novgorod and merchants from Ladoga and other Christians in Korela and escaped to the town of foreigners (Viborg) and killed there Christians, too» [166].

Similarly, the paganism is connected with Mordvians in the late antivita of Patriarch Nikon. St. Sergej was opposed in Valaam by (Pagan) Karelians, and angry (heathen) Lapps and Finns tried to expel St. Lazarij of Murom from his island in Onega. Arsenij Konevskij faced also (heathen) Karelians who venerated a stone on his island of Konev [167].

In some earlier Novgorod stories the same tribal division is visible in a religious distinction, too. Jan Vyšatič went to Beloozero and collected tributes in 1071. According to the text, locals were terrorised during a famine by sorcerers whom Jan finally executed. In the chronicle entry of the same year, there is a story about a sorcerer and uprising in Novgorod, too. People aimed to kill Bishop Feodor who declared that those who believed in the sorcerer

must join with him and those who believed in Holy Cross must join with him. Bishop, Prince and his men were on one side, but the common people on the other side. Finally Prince Gleb Svjatoslavič slaughtered the sorcerer [168].

The third story about the sorcery in PVL describes the situation in the periphery. A Novgorodian visited the land of the *čud'* and met a soothsayer, while he was searching for Shamanistic services. The soothsayer did not succeed, however, because the ghosts were frightened by the Baptismal Cross of the Novgorodian. The division between «us» and «other» follows here the religious border but is described with a tribal concept, too [169].

When Archbishop Makarij sent priest Elijah with warriors to Carelia in 1534, to destroy the heathen «*čud'ian*» cult places, «the elder people did not dare to join the mission because they were frightened that the Devil might kill them. But when Priest Elijah had shown a miracle that after the holy water was spread, the Devil lost his case; the people joined with him with a joy and started to destroy the old sacred places». Again the cultural and political border went along the religious border and the aliens were called with tribal names [170].

K. CONCLUSIONS

The Novgorodian view concerning the political geography in early medieval eastern Fennoscandia differs from the traditional explanations. Swedes were those, who came from west by sea. International foreigners occupied towns and castles. Otherwise, the terminology is varying from one case

and time to another. The Novgorodians had neither dealt with the inhabitants of the area of eastern Fennoscandia like there had been an established tribal system with fixed areas and mutual relations, nor had they called the peoples with standard names. Generally, the level of information was not very high, which may reflect the less important position of the Eastern Fennoscandian area from the perspective of the Novgorod society. The sources use some pseudoethnic names, because they had to call by some way the heterogenic populations which were connected to fur trade, tributes and fights. The core idea was, however, to note the otherness, and there are differences between the levels of the otherness from «total other» to «rather well-known people». A division between the allies of Swedes and Novgorodians started to form during the 14th century, when the territorialization of the royal/princely power had proceeded far enough.

The tribes and their identities became important only during the early modern period when the Swedish Kingdom and Muscovy faced each other in every-day life. The formation of parishes and establishment of permanent taxation resulted in the late 15th century in the need to identify the real territorial border and the inhabitants, who belong to each realm. The task of historians was to create the ancient legitimation roots for this political argumentation and thus was composed also stories about medieval Karelians, Jem's and Finns among all others, and their roles as allies of medieval realms. It is, however, no longer our obligation to believe these legitimization stories created by the nation building processes of the 16th–19th centuries.

SOURCES AND REFERENCES

1. A. C. Lehrberg, *Untersuchungen zu Erläuterungen der älteren Geschichte Russlands*. Herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften durch Ph. Krug, St. Petersburg, 1816, 103–236.
2. J. J. Mikkola, *Venäläisistä kronikoista pohjoismaiden keskiajan historian lähteinä*. Historiallinen Aikakauskirja (= HAik), 1928, 181–189.
3. H. Kirkinen, *Finland in Russian Sources up to the Year 1323*. SJH 1982, 255 - 275. About the same text is published also in: H. Kirkinen, *Suomi ja sen asukkaat venäläisissä lähteissä vuoteen 1323*. Suomen Väestön esihistorialliset juuret. Tvärminnen symposiumi 17.–19.1.1980. Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk. Utgivna av Finska Vetenskaps-Societeten H.131, Helsinki, (= SVEJ) 1984, 265–282.
4. K. Vilkuna, *Heimo, heimokansa, heimokunta*. Kalevalaseuran vuosikirja (= KVS) 53, 1973, 35–42
5. J. Korpela, *The World of Ladoga. Society, Trade, Transformation and State Building in the Eastern Fennoscandian Boreal Forest Zone ca. 1000–1555*, *Nordische Geschichte*, Münster, 2008, passim, L. I. Hansen – B. Olsen, *Samenes historie fram til 1750*, Oslo, 2004, 31–42, L. I. Hansen, *Interaction between Northern European sub-arctic Societies during the Middle Ages: Indigenous peoples, peasants and state builders*. *Two Studies on the Middle Ages*. Edited by Magnus Rindal. The Research Council of Norway: KULTs skriftserie No. 66, Oslo, 1996, 33–34, 38, 41–42, J.-P. Taavitsainen, *Ancient Hillforts of Finland. Problems of Analysis, Chronology and Interpretation with Special Reference to the Hillfort of Kuhmoinen*. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 94, Helsinki 1990, 77, 114–117.
6. T. Pekkanen, *Tuntemattomien kansanimien identifiointimetoista*. Suomen varhaishistoria. Tornion kongressi 14–16.06.1991. Esitelmät. Toimittaja Kyösti Julku. *Studia Historica Septentrionalia* 21, Pohjois-Suomen Historiallinen Yhdistys, Rovaniemi, 1992 (= SVH 1992), 388–391.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода // Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 3. М., 2000 (далее НПЛ), Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 6. Ч. 1. М., 2000 (далее СПЛ), Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950 (далее ТрЛ), Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1962 (далее ЛЛ), Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. М., 2000 (далее НЧЛ), Симеоновская летопись // Русские летописи. Т. 1. Рязань, 1997 (далее СЛ), Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. Пг., 1922 (далее РЛ), Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 7. М., 2001 (далее ВЛ), Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 9–14. М., 1965 (далее НЛ), Книга степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. СПб., 1908–1913 (далее СтКн).
8. ЛЛ. 6734 (1226), 6735 (1227), 6764 (1256). There is one more entry in: *Продолжение Суздальской летописи по академическому списку* // ПСРЛ. Т. 1. Л., 1928, 6736 (1228).
9. РЛ. 6785 (1277), 6830 (1322).

10. СЛ. 6748 (1240), 6764 (1256), 6785 (1277), 6810 (1302), 6832 (1324).
11. ТрЛ. 6550 (1042), 6764 (1256), 6785 (1277), 6832 (1324).
12. НПЛ. 6624 (1116): «Иде Мстислав на чудь», НПЛ. 6638 (1130): «Иде Всеволод с новгородци на чудь», НПЛ. 6750 (1242): «немци же и чудь поидоша по нех», НПЛ. 6684 (1176): «а чуди множества избиша», НПЛ. 6776 (1268): «в ней же ябше много чуди».
13. НПЛ. 6657 (1146): «придоша емь на водь», НПЛ. 6748 (1240): «придоша немци на водь», НПЛ. 6577 (1069): «О, велика бяше сеча вожаном», НПЛ. 6723 (1215): «а вожане помроша», НПЛ. 6749 (1241) «а вожан и чудцю переветники извеша», НПЛ. 6824 (1316): «и соидеся вся волость новгородская: плсковичи, ладожане, рушане, корела, ижора, вожане».
14. НПЛ. 6651 (1143): «ходиша корела не емь», НПЛ. 6822 (1314): «Избиша корела городчан», НПЛ. 6699 (1191): «Ходиша новгородци с корелою на емь», НПЛ. 6749 (1241): «поиде князь Олександр на немци на город Копорью, с новгородци и с ладожаны и с корелою и с ижеряны», НПЛ. 6892 (1384): «Прихаша городчане ореховци и корельскыи с жалобою», ЛЛ. 6735 (1227): «Того же лета князь Ярослав Всеволодич послав крести множество корел, мало не все люди». According to I.P. Shaskol'skii (Ша с к о л ь с к и й И . П . Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 24, прим. 29), there were concepts Rus'-rusin, Čud' - čudin and Jem' - jemin. The first is a collective concept for the people while the second an individual word for a member of that people. The expression rusin is recorded (e.g. Повесть временных лет. 6420 (912)), but the words čudin and jemin are only known as individual names. Semen Jemin was tysjackij (commander of emergency volunteer corps) of Novgorod in 1219 (НПЛ. 6727) and Čudin Mikula a Kievian Boyar in the late-11th century (J. Korpela, Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte des Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomah. Studia Historica Jyväskyläensis, 54, 1995, nr. 98 and 559).
15. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева; Под редакцией В. Н. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 1996 (далее ПВЛ). 6370 (862), 6390 (882)–6393 (885), 6406 (898), 6410, (902), 6415 (907), 6500 (992), 6505 (997), 6526 (1018).
16. ПВЛ. С. 8.
17. НПЛ. 6650 (1142): «Приходиша емь и воеваша область новгородскую», НПЛ. 6653 (1145): «Ходиша вся русская земля на Галич», НПЛ. 6657 (1149): «Придоша емь на водь», НПЛ. 6736 (1228): «Придоша емь воевать во Водьское озеро в лодках», НПЛ. 6722(1214): «Чудь поклонися еми», НПЛ мл. извода. 6725 (1217): «Чудь же начаша слати с поклоном лестию».
18. НПЛ. 6651 (1143): «Ходиша корела на емь», НПЛ. 6822 (1314), НПЛ. 6822 (1314): «Избиша корела городчан, кто тут был руси в Корельском городке, и введоша к собе немец».
19. ПВЛ. Prooem. С. 13.
20. H. Kirkinen, Karjala Idän kulttuuripiirissä. Bysantin ja Venäjän yhteyksiä keskiajan Karjalaan. Historiallisia tutkimuksia 67, Helsinki, 1963, 22–29, E. Kuujo - H. Kirkinen, Baltiassa ja Suomessa asuneiden heimojen osallistuminen Itämeren alueen kysymysten ratkaisuun 1100- ja 1200-luvuilla. Historiallinen Arkisto 69, Forssa, 1975, 34–35.
21. H. Kirkinen, Karjala taistelulentä. Karjala idän ja lännen välissä I. Venäjän Karjala renessanssijalla (1478–1617), Helsinki, 1970, 15–16, E. Kuujo - H. Kirkinen, Historiallinen Arkisto 69, 1975, 39.
22. Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. Прибалтийско-финские племена в составе Древнерусского государства // Финны в Европе в VI–XV веках. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Вып. 2. Русь, финны, саамы, верования. М., 1990 (далее ФвЕ 2, 1990). С. 102 и прим. 2, cf. also С. 112–113. R. Grünthal, Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonymit. Castrenianumin toimitteita 51, Helsinki, 1997. 150–164.
23. История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / Под ред. Г. И. Наана. Таллин, 1952. С. 31–32 and the following map, H. Ligi, Tšuudid ajalookirjanduses. Keel ja kirjandus 23, Tallinn, 1980 (tai 1986?), 610H, Попов А. И. Названия народов СССР. Введение в этнонимы. Л., 1973. С. 68–70, E. Kuujo - H. Kirkinen, Historiallinen Arkisto 69, 1975, 34–35, also about same meaning J. J. Mikkola, HAik 1928, 184–185.
24. H. Kirkinen, 1963, 23–24, 26, Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Чудь заволочская // ФвЕ. Вып. 2. Л., 1990. С. 93–101, Седов В. В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 71, R. Grünthal, 155–156.
25. O. V. Ovsyannikov, First discovered burialfield of «Zavolochye tshud». Fenno-urgi et slavi 1978. Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste n:o 22, Helsinki, 1980. P. Uino, Karjalan tutkimus ja pohjoinen Fennoskandia. SVH 1992, 609.
26. E. Kuujo - H. Kirkinen, Historiallinen Arkisto 69, 1975, 39, Киркинен Х. О связях биармов и Скандинавии в средние века // Скандинавский сборник. Вып. 26, 1981. С. 87–97, H. Kirkinen, Merjasta Mikkeliin. Kadonneen sukulaiskansan jäljillä. Inkerin tiellä. Kalevalaseuran vuosikirja 69/70, Helsinki, 1990, 245, T. N. Jackson, Location of Bjarmaland. SVH 1992, 123.
27. M. Korhonen, Johdatus lapin kielen historiaan. SKS toimituksia 370, Jyväskylä, 1981, 45, T. Itkonen, Lappalaisperäisiä paikannimiä suomenkielen alueella. Virittäjä 1/1920, 2, Hansen, 1996, 82–88, E. Söderholm, Sadat sotaisat tšuudit. Uusi selitys saamen čuddi -sanalle. Vieraan ymmärtäminen. Kirjoituksia kielestä ja kulttuurista Olli Nuutisen (1939–1995) muistoksi. Toimittaneet Sirkka-Liisa Nahmo, Osmo Nikkilä. SKS toimituksia 656, Helsinki, 1996, 105–116, J. Korpela, 2008, 109.
28. СПЛ, Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М., 2004 (далее МЛС), НЛ, НПЛ. 6764 (1256).
29. СПЛ. 6764 (1256).
30. Mainly heathens were taken in slaves. СПЛ and ВЛ 6764 (1256) record how prisoners were taken during a raid against čjud'. The chroniclers seem to have mixed, however, here an information concerning jem' with čjud'. Chroniclers have also added sometimes information concerning prisoners without any reliable facts. E.g., the prisoners of the raid of 1042 appear only in the 16th century ВЛ. 6550 (1042).
31. ПВЛ. Prooem. С. 8, НЧЛ. Prooem. С. 2, ТрЛ. Prooem. С. 52, НЛ. Prooem. С. 2.
32. НПЛ, СПЛ. 6832 (1324), J. Lind, Sjögrens Häme-teori og de russiske krøniker. En opgør med finsk tradition. Historisk Tidskrift för Finland (= HTF) 62, 1977, 287–288, Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997. С. 48–50.
33. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2. СПб., 1892. С. 56. In the note 133 Karamzin correctly refers to the source text «za volokom» and tells that Tatiščev identified these čjud' with jem'. J. Lind. HTF 62, 1977, 287–288, 293.
34. Cf. also J. Lind, HTF 62, 1977, 294–297.

35. НЛ. 6904 (1396), Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI в. М., 1974. С. 12–13. Personally I am sceptic about the story of St. Stephen as a historical source, J. Korpela, Stefan von Perm', Heiliger Täufer im politischen Kontext. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, München (=JfGO), 2002, 481–499, J. Korpela, Stefan Permiläinen, Ortodoksia 49, 2002, 109–148.
36. ПВЛ. Prooem. С. 13.
37. ПВЛ., НПЛ., ЛЛ., ВЛ., НЧЛ. 6550 (1042).
38. НПЛ. 6550 (1042), 6631 (1123), 6651 (1143), 6694 (1186), 6735 (1227), 6800 (1292), 6819 (1311), SIL 6550 (1042), 6631 (1123), 6650 (1142), 6672 (1164), 6735 (1127), 6736 (1128), 6800 (1292), 6819 (1311). НЧЛ. 6550 (1042), 6631 (1123), 6650 (1142), 6735 (1227), 6736 (1228), 6764 (1256).
39. НПЛ. 6650 (1142).
40. НПЛ., СПЛ., НЧЛ. 6657 (1149).
41. Рябинин Е. А. Водь // ФвЕ. Вып. 2. Л., 1990. С. 15–31.
42. НПЛ. 6631 (1123).
43. НПЛ. 6650 (1142): «Приходиша емь» On the same НПЛ. 6550 (1042) «идее на емь» and «идее на греку».
44. НПЛ. 6651 (1143), 6699 (1191), 6748 (1240).
45. НПЛ., СПЛ. 6657 (1149), НЛ. 6764 (1256).
46. НПЛ. 6736 (1228). According to НЛ 6736 (1228) this raid went to Ladoga.
47. НПЛ. 6764 (1256), 6819 (1311), NL 6764 (1256). This is also the main view of Stepennaja Kniga (СтКн (7. ст.) С. 251).
48. ЛЛ. 6734 (1226).
49. ВЛ. 6734 (1226).
50. НПЛ., СПЛ. 6764 (1256).
51. НПЛ. 6735 (1227), S. Aalto, The Digital «Other» in *Heimskringla*. Dialogues with Tradition: Studying the Nordic Saga Heritage. Edited by Kristel Zilmer. Nordistica Tartuensia, no. 14, Tartu, 2005, 96–97, 109–110J.
52. НПЛ мл. извода. 6800 (1292).
53. Like in Karelia, cf. НПЛ мл. извода. 6801 (1293), 6803 (1295), only in 6819 (1311) is mentioned Vanaja but it was the town of nemci.
54. НПЛ. 6819 (1311).
55. A. J. Sjögren, Über die älteren Wohnsitze der Jemen. Ein Beitrag zur Geschichte der Tschudischen Völker in Russland. Mémoires de l'Académie Imperiale des Sciences de St. Péterbourg, 6. Ser.: Sciences politiques, Histoire, et Philologie, T. I, 1832, 263–345, S. Suvanto, Tavaster. Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid (= KHLNM), 18, Viborg, 1982, 144, H. Kirkinen, 1963, 26–27, cf. the critical discussion J. Lind, HTF 62, 1977, 286–293, J. Lind, HTF 62, 1977, 286–323. According to Stepennaja Kniga, Vladimir Svjatoslavič ruled over jem' who were living in Dvina СтКн (1. ст.) p. 63. Cf. J. Lind, HTF 62, 1977, 299–302, H. Kirkinen, SJH 1982, 258–262, P. Uino, Ancient Karelia. Archaeological Studies. Suomne muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 104, Helsinki, 1997, 192–193.
56. НПЛ. 6694 (1186), 6696 (1188), 6735 (1227), ЛЛ., СПЛ., ТрЛ., НЛ, СЛ. 6764 (1256).
57. НПЛ., НЧЛ., СПЛ., НЛ. 6650 (1142), actually the 400 is the number of the killed jem' raiders. ТрЛ and МЛС 6650 (1142) do not record the case.
58. ЛЛ, ТрЛ, НЛ, СЛ 6764 (1256).
59. ТрЛ. 6785 (1277), НЛ. 6786 (1278).
60. НПЛ. 6650 (1142), 6672 (1164), (s) 6709 (1201).
61. НПЛ. 6696 (1188), 6739 (1231), 6745 (1237), 6748 (1240), 6750 (1242).
62. НПЛ. 6748 (1240), 6764 (1256), 6792 (1284), НПЛ. 6819 (1311), J. Lind, Bishop Thomas in Recent Historiography – Views and Sources. SVH 1992, 311–312.
63. СПЛ, МЛС, НЛ 6764 (1256).
64. S. Suvanto, 1985, 43–51, cf. also Шаскольский И. П. 1978, 22–27.
65. НПЛ мл. извода. 6800 (1292), НПЛ, СПЛ, НЧЛ. 6819 (1311).
66. НЧЛ. 7004 (1496).
67. РЛ. 6748 (1240).
68. СтКн (gran. st.) С. 47 (1-я ст.), с. 63 and (1-я ст.), с. 188–189 (7-я ст.), с. 251, (8-я ст.), с. 281. The jem' of Prince Vladimir seem to have been in Dvina, cf. also J. Lind, HTF 62, 1977, 299–300.
69. СЛ. 6748 (1240), СтКн. (8-я ст.), С. 281, ВЛ, НЛ 6749 (1241).
70. НЧЛ. 6748 (1240), НЧЛ. С. 597, year 6764 (1256).
71. НПЛ. 6748 (1240), 6764 (1256), SIL 6749 (1241), 6764 (1256), Cf. the sceptic view of J. Lind, SVH 1992, 311–312, J. Lind Early Russian – Swedish Rivalry. The Battle on the Neva in 1240 and Birger Magnussons' Second Crusade to Tavast. SJH 16, 1991, 276–277.
72. НПЛ. 6826 (1318).
73. СПЛ. 6826 (1318).
74. НЧЛ. 6826 (1318).
75. The concept «meister» is used in younger texts for western power and military leaders, e.g., ВЛ. 6749 (1241).
76. А. С. Lehrberg, 1816, 196–197, H. Kirkinen, SJH 1982, 256, K. Julku, Polna-joen ongelma. Faravid 12, Oulu, 1988, 29.
77. Paulus Juusten, Catalogus et ordinaria successio episcoporum Finlandensium. Edidit Simo Heininen. Societas Historiae Ecclesiasticae Fennica. Suomen kirkkohistoriallisen seuran toimituksia 143, Helsinki, 1988, nr. 10 (p. 55): «Ragvaldi temporibus castrum Cuusto erigitur anno Domini 1317.» Suomen keskiajan piispainkronikan n.s. Palmiskiöldin katkelma. Uudelleen julkaissut Aarno Maliniemi. Xenia Ruuthiana professori emerito Martino Ruuth praesidi promotorique. Suomen kirkkohistoriallisen seuran toimituksia 47, Helsinki, 1945, 388 (r. 34–36): «Ranguald Alandensi hic Kwsto erigi fecit anno mcccviij.»
78. Liv-Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten (=LECUB), 9, Moskau 1889, 79, A. C. Lehrberg, 197, K. Julku, Faravid 12, 1988, 30.
79. Paulus Juusten, nr. 10 (p. 55): «Et sequenti anno (= 1318) combusta fuit civitas Aboensis et ecclesia cathedralis per Ruthenos direpta.» Suomen keskiajan piispainkronikan n.s. Palmiskiöldin katkelma, 388 (r. 34–36): «huijus tempore Birgerus rex tres fratres suos duces interemit (= 1318) Ecclesia Aboensis a Ruthenis spoliatur feria 2:a Penthecostes Anno [].»
80. S. Carlsson - J. Rosén, Svensk historia I, Stockholm, 1969, 111–113, A. C. Lehrberg, 1816, 198.

81. Рыбаков Б. А., 1974, р. 12/13 (nr. 2–3), J. Lind, HTF 70, 1985, 324.
82. К. Julku, Faravid 12, 1988, 34–37.
83. НЧЛ, ВЛ 6860 (1352), Накадзава А. Рукописание Магнуша. Исследования и тексты. СПб., 2003, passim. J. Lind, Magnus Eriksson som birgittinsk konge in lyset af russiske kilder. Birgitta – hendes værk og hendes klostre i Norden. Redigeret af Tore Nyberg, Lund (= Birgitta), 114–117, K. Julku, Faravid 12, 1988, 42–47, H. Kirkinen, 1963, 144–148.
84. К. Julku, Faravid 12, 1988, 41–43.
85. Т. J. Paloposki, Viipurin-Karjalan asema kolmannen ristiretken aikoina. HAik 1966, 100–101, K. Vilku, Onko varsinaissuomalaisilla ollut kaukaisia nautinta-alueita. Varsinais-Suomen maakuntakirja 10, Turku, 1948, 150–152, M. Pöllä, Laatokan länsirannikon asujaimiston etnisen koostumuksen muutokset rautakaudella ja Karjalan synty. SVH 1992, 424, K. Julku, Suomen itärajan synty. Studia Historica Septentrionalia, 10, Rovaniemi, 1987, 73–74.
86. J. J. Mikkola, HAik, 1928, 185–186.
87. Н. v. zur Mühlen, Leal. Lexikon des Mittelalters (=LexMA) V, München, 1991, 1775–1776, Н. v. zur Mühlen, Ösel, Ösel-Wiek, LexMA VI, München, 1993, 1492–1493.
88. PVL. Proem. C. 8.
89. E. g., NIL (s, m) 6651 (1143). According to A. M. Spiridonov (Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джексон Т. Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 5) и М. Пелля (M. Pöllä, SVH 1992, 419) korela is recorded in a birch-bark letter found in the archaeological layers between the years 1065–1085. Янин В. А., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977–1983 гг. М., 1986. N 590 (С. 50–51) date the text between the late-12th and the early-13th centuries. The first records of taxes (the furs from korela and jem') is in the letter of Prince Svjatoslav Ol'govič of Novgorod from 1137 (Памятники истории Великого Новгорода и Пскова / Под ред. Г. Е. Кочина. Л., 1935. N 7. С. 47–48, Шаскольский И. П. 1978, 23, H. Kirkinen, SJH, 1982, 260, J. Korpela, Viipurin linnaläänin synty. Viipurin läänin historia II, Helsinki, 2004, 61, 210.
90. НПЛ. 6657 (1149), 6749 (1241).
91. НПЛ. 6749 (1241), 6800 (1292).
92. НПЛ. 6672 (1164), 6749 (1241).
93. НПЛ. 6699 (1191), cf. also H. Kirkinen, 1963, 24–26.
94. НПЛ, СПЛ. 6777 (1269), this status is reflected also in the archaeological material, cf. Кирпичников А. Н., Рябинин А. Е. Указ. соч. // ФВЕ. Вып. 2. Л., 1990. С. 105, 109, СПЛ, НЧЛ, НПЛ. 6778 (1270). Cf. also НПЛ. 6824 (1316), Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. N. 29, Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джексон Т. Н. Указ. соч. Петрозаводск, 1990. С. 33, M. Pöllä, SVH 1992, 435, O. S. Rydberg, Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. Första delen 822–1335, Stockholm, 1877, 111.
95. НПЛ мл. извода, СПЛ, НЧЛ. 6786 (1278), НПЛ мл. извода, НЧЛ. 6803 (1295), НПЛ. 6818 (1310).
96. Шаскольский И. П. Указ. соч. Л., 1978, С. 17–19, 29–30, H. Kirkinen, 1963, 82–91, H. Kirkinen, SJH 1982, 265–268.
97. ЛЛ. 6735 (1227). There is also a short note of Karelians in the Prodolženie suzdal'skoj letopisi po akademičeskomu spisku, 6736 (1228). About the founding of the monastery of Valaam, cf. J. Lind, The Russian Testament of King Magnus Eriksson – A Hagiographic Text? Medieval Spirituality in Scandinavia and Europe. A Collection of Essays in Honour of Tore Nyberg. Edited by Lars Bisgaard, Carsten Selch Jensen, Kurt Villads Jensen and John Lind, Odense University Press, Odense 2001, 203–205, J. Korpela, 2008, 154–156.
98. ВЛ. 6657 (1149), 6777 (1269), 6778 (1270), 6824 (1316), НПЛ, НЛ. 6734 (1226)–6736 (1228), СтКн., proem. C. 4, СтКн. (7-я ст.), с. 254, J. Korpela, 2008, 24.
99. J. Korpela, 2008, 270–272.
100. O. S. Rydberg, 1877, 434–504. The treaty is in three languages of which the most original copies are: the Latin one from the late-15th century, the Swedish one from year 1537 and the Russian copy from early-17th century. All of them are in the Riksarkivet at Stockholm. Cf. also K. Julku, 1987, 224–259, J. Korpela, Keskiäikaikainen itäraja läpi itäisen Fennoskandian metsävyöhykkeen – mikä se on! HAik 2006, 454–469, J. Korpela, Finland's Eastern Border after the Treaty of Nöteborg: An Ecclesiastical, Political or Cultural Border. Journal of Baltic Studies, 33:4, 2002, 384–397, J. Korpela, Die Schwedische Ostgrenze von Nöteborg bis Kardis 1323–1660: Kirchengrenze, politische Grenze oder Kulturgrenze? Nordosteuropa als Geschichtsregion. Beiträge des III. Internationalen Symposiums zur deutschen Kultur und Geschichte im europäischen Nordosten vom 20–22. September 2001 in Tallinn (Estland). Veröffentlichungen der Aue-Stiftung 17, Lübeck, 2006, 267–286.
101. ВЛ. 6831 (1323), РЛ. 6832 (1324).
102. НЧЛ, ВЛ, НЛ, Летописный свод 1497 г. // ПСРЛ. Т. 28. М., Л., 1963, Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПРСЛ. Т. 28. М., Л., 1963, МЛС., 6860 (1352). The testament was not included in TrL.
103. R. Grünthal, 1997, 79, M. Pöllä, SVH 1992, 417–419, 435.
104. НПЛ. 6651 (1143), 6822 (1314).
105. НПЛ. 6822 (1314), NIL(m) 6845 (1337).
106. НПЛ мл. извода. 6801 (1293), 6846 (1338), 6858 (1350), НПЛ. 6830 (1322), 6845 (1337), НЛ. 6802 (1294).
107. Сакса А. И., Тюленев В. А. // ФВЕ. Вып. 2. Л., 1990. С. 76.
108. НЛ. 6786 (1278), НПЛ мл. извода. 6846 (1338), ВЛ, ТрЛ, Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). 6785 (1277), SL, NL 6786 (1278).
109. НЛ. 6904 (1396).
110. LECUB I. Reihe, III. Band, Dorpat, 1857, 169a (13.4.1241).
111. НПЛ мл. извода. 6792 (1284).
112. НПЛ мл. извода. 6800 (1292).
113. НПЛ. 6808 (1300), 6831 (1323).
114. НЛ. 6892 (1384).
115. НПЛ мл. извода. 6801 (1293), 6819 (1311).
116. НПЛ мл. извода. 6846 (1338), N4L, NL 6883 (1375).
117. H. Kirkinen, 1963, 143, Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джексон Т. Н. Указ. соч. Петрозаводск, 1990, С. 12–13, J. Lind, Omkring de svensk-russiske forhandlingar 1537, 1339-traktaten og Nøteborgsfreden, HTF 1985, 16–17.

118. H. Kirkinen, 1963, 151–153, cf. also J. Lind, HTF 1985, 17, K. Julku, 1987, 131–132, 185, Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Указ. соч. Петрозаводск, 1990. С. 12–13, 15, cf. also J. Lind, Om Nøteborgsfreden og dens grænser. HTF 1985, 334 - 336.
119. НПЛ ст. извода. 6653 (1145), НПЛ. 6684 (1176), НПЛ мл. извода. 6800 (1292), 6801 (1293), 6824 (1316), 6846 (1338), 6684 (1176). Сакса А. И., Тюленев В. А. // ФВЕ. Вып. 2. Л., 1990. С. 75.
120. J. Korpela, 2008, 22, 43.
121. Завещание преподобного Лазаря. С. 120, Литвинова Н. К., Прохоров Г. М. Житие Лазаря Муромского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Т. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 288–290 (далее СККДР), J. Korpela, 2008, 144.
122. J. Korpela, 2008, 146–149.
123. J. Korpela, 2008, 137–144.
124. E.g. НПЛ. 6650 (1142), 6738 (1230). The concept of *gost'* is very unclear. It is actually the Latin *hostis/hospes* which has forms in other languages too: *Gast*, *guest* ect.
125. НПЛ. 1188 (6696), 6739 (1231).
126. НПЛ. 6725 (1217), 6748 (1240), 6749 (1241), 6750 (1240), 6761 (1253), 6776 (1268).
127. НПЛ. 6745 (1237).
128. НПЛ. 6819 (1311).
129. НПЛ. 6776 (1268).
130. Киево-Печерский патерик / Вступительный текст и примечания проф. Д. И. Абрамовича. Киев, 1931. С. 190–192 (Слово о вере крестьянской и о латинской Феодосия Печерского).
131. НПЛ. 1188 (6696), 6709 (1201).
132. НПЛ. 6712 (1204).
133. S. Suvanto, 1985, 31, ПВЛ. С. 8, НПЛ, НЧЛ, НЛ. 6900 (1392).
134. НПЛ. 6659 (1142), 6672 (1164), 6748 (1240), 6764 (1256).
135. НПЛ. 6792 (1284), 6800 (1292), 6801 (1293), 6803 (1295), 6819 (1311), 6821 (1313), 6822 (1314), 6825 (1317), according to John Lind the Novgorodians called already 1188 for the first time Swedes as *nemci* (J. Lind, HTF 1981, 145 - 174, J. Lind, The Martyria of Odense and a Twelfth-Century Russian Prayer: The Question of Bohemian Influence on Russian Religious Literature. The Slavonic and East European Review 68, 1990, 21).
136. НПЛ. 6801 (1293), 6830 (1322), it is not sure whether the chronicler is the same, cf. Клосс Б. М. Летопись Новгородская первая // СККДР. Т. 1. XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 246.
137. НПЛ. 6808 (1300), 6809 (1301).
138. ВЛ. 6808 (1300), СЛ. 6810 (1302).
139. РЛ, ТрЛ. 6856 (1348).
140. Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г., МЛС., ВЛ, РЛ, 6855 (1347), K. Julku, 1987, 224–259.
141. НПЛ. 6831 (1323), 6808 (1300).
142. НПЛ. 6846 (1338), 6847 (1339), 6856 (1348), 6858 (1350).
143. НПЛ. 6748 (1240), 6764 (1256), Didman has understood as a personal name referring to some mighty German vassal in the Baltic area. J. Jaakkola, Suomen varhaiskeskiaika. Kristillisen Suomen synty. Suomen historia III, Porvoo, 1938, 310–311, J. Lind, SJH 16, 1991, 271, 277, Suomen varhaishistorian lähteitä. Historian Aitta XXI, Jyväskylä, 1989, n:o XVIIa–b and XXa.
144. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 94, J. J. Mikkola, HAik, 1928, 182.
145. J. Lind, Om Nøteborgsfreden og dens grænser. HTF 70, 1985, 322, C. Pape, Rethinking the Medieval Russian – Norwegian Border. JGO 52, 2004, 161–187, Подвысоцкий А. Указ. соч. С. 94.
146. I agree with J. Lind, Birgitta, note 12 otherwise but I would stress more the instability of the use of the expressions. According to J. J. Mikkola, HAik, 1928, 182, «svei» was an ethnic- and state concept while «nemci» religious-political concept.
147. Подоляк Н. Г. Юго-восточное направление ганзейской торговли. «Горный путь» в XIV веке // Славяне и их соседи. Средние века – раннее новое время. Вып. 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: Мирные связи и конфликты. М., 1999. С. 105–106, J. Korpela, 2004, 137–142, cf. Th. S. Noonan, Why the Vikings First Came to Russia. In: Th. S. Noonan, The Islamic World, Russia and the Wikings, 750–900. The Numismatic Evidence. Variorum collected studies series, Aldershot–Brookfield: Ashgate, 1998, 345.
148. НПЛ. 6650 (1142).
149. НПЛ. 6653 (1145).
150. НПЛ. 6654 (1146).
151. НПЛ. 6657 (1149).
152. НПЛ. 6673 (1165).
153. НПЛ. 6687 (1179).
154. НПЛ. 6688 (1180); similar kind of formulation we encounter also in НПЛ. 6689 (1181), 6701 (1193), 6709 (1201), 6719 (1211).
155. НПЛ. 6675 (1167).
156. Cf. ЛЛ. 6653 (1145), 6654 (1146), 6657 (1149), 6687 (1179), 6689 (1181), 6709 (1201).
157. ПВЛ. 6370 (862).
158. НПЛ. 6822 (1314), ПВЛ. 6374 (866), 6420 (912).
159. E.g., ВЛ, НЛ. 6808 (1300).
160. ЛЛ. 6735 (1227).
161. J. Korpela, Prince, Saint and Apostle. Prince Vladimir Svjatoslavič of Kiev, his Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. VOMG 67: Harrasowitz, Wiesbaden, 2001, 173–210.
162. НПЛ. 6650 (1142), 6748 (1240).
163. Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 16–18, H. Kirkinen, 1963, 104–105.
164. Heinrici Chronicon Livoniae. Heinrich von Lettland Livländische Chronik. Editionis quam paraverant L. Arbusow et A. Bauer textum denuo imprimendum curavit Albertus Bauer. Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, 24., Würzburg, 1959, c. 28.4: «- - que (= ecclesia Ruthenica) non spe regenerationis in fide Iesu Christi sed spe tributorum et spoliolum terras sibi subiugare conatur.»

165. НПЛ. 6745 (1237), СПЛ. 6779 (1271), НЧЛ. 6885 (1377), СПЛ. 6779 (1271), S. C. Rowell, *Between Lithuania and Rus': Dovmont – Timofej of Pskov, his Life and Cult*. Oxford, 1992.
166. НПЛ, СПЛ. 6822 (1314), 6845 (1337), Слово о житии Стефана. С. 122–160, J. Korpela, *Ortodoksia* 49, 2002, 128.
167. История о искоренителе древнего благочестия патриархе Никоне отступинике старья веры. С. 349 (l. 2Об–3) (according to the editor, the text is only from the 19th century but the basic stories from the 17th century), Сказание о Валаамском монастыре. С. 450–452, Завещание преподобного Лазаря. С. 120, Житие Арсения Коневского. С. 164–166.
168. ПВЛ. 6579 (1071).
169. ПВЛ. 6579 (1071). Here, the relation between the Novgorodian and the čud' resembles much the contemporary Norse relation with the Lapps (finnr), MCKINNELL, 2005, pp. 97, 99–100.
170. НЧЛ (список Дубровского). 7042 (1534).

УДК 9с(47.30)

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ПАШКОВА

аспирант кафедры истории дореволюционной России исторического факультета ПетрГУ
pashkov@psu.karelia.ru

СЕРДОБОЛЬСКОЕ КУПЕЧЕСТВО В 1643–1918 ГОДАХ

Статья, основанная на финской научной литературе и архивных материалах, посвящена роли торговли и купечества в истории крупнейшего города Северного Приладожья – Сортавалы. Автор анализирует торговые связи Сортавалы, объем торговли, численность и состав сортавальского купечества в разные периоды, торговую и благотворительную деятельность ведущих купеческих семей и др.

Ключевые слова: торговля, купечество, Сортавала, Северное Приладожье, Финляндия, Санкт-Петербург

Сортавала была основана в 1643 году по указу шведского короля Густава Адольфа. С момента основания город начинают активно заселять финны. В принудительном порядке, а также по собственному желанию сюда начали переселяться купцы из других погостов Северного Приладожья и из центральной Финляндии. Поэтому с первых же лет своего существования город стал вести обширную торговлю.

Управление городами Финляндии, включая Сортавалу, было организовано по ганзейской модели. Полноправными горожанами являлись только купцы и ремесленники, имеющие бюргерские права. Бюргером считался предприниматель или работодатель, который получил официальное право на занятие каким-либо промыслом. Управление городами находилось полностью в руках бюргеров. Городом правил бургомистр, который поначалу избирался из влиятельных бюргеров, но в связи с превращением этих обязанностей в основную работу на эту должность предпочитали назначать юриста [1]. В помощь бургомистру создавался

совет, в который бюргеры выбирали из своей среды 2–4 торговцев и столько же ремесленников. Управление городом было сосредоточено в магистрате, а судебные дела – в городском суде, который являлся низшей судебной инстанцией.

Обладая властью, бюргеры несли ответственность за положение дел в городе. Они должны были за счет общих средств содержать в порядке улицы и общественные здания, освещение и пожарную охрану [2].

Сортавала с самых первых лет своего основания была торговым местом. Интересы сортавальских купцов распространялись гораздо дальше территории прежнего Сортавальского погоста. На севере сортавальские купцы торговали вплоть до Пиелисьярви, водным пределом северной торговли сортавальских купцов было Оулуярви. На западе торговля простиралась до Хяме и включала в себя область Саво. На юге торговля шла по Неве, охватывала Ниеншанц (Неванлинну) и далее простиралась к Нарве и Стокгольму [3].

В основном купцы торговали продукцией сельского хозяйства и мехами, которые покупались у местных крестьян. В документе от 1656 года говорится о 5 сортавальских купцах, которые ехали в Стокгольм для совершения торговой сделки. Среди товаров, имевшихся у них, перечисляются различные виды сельскохозяйственных продуктов и сырья, а именно: мясо, сало, полотно, сермяжное сукно, беличьи и рысьи шкурки и т. д. Кроме того, известно, что купцы торговали смолой, сливочным маслом, рыбой, невыделанными коровьими кожами [4]. Ввозными товарами были соль, зерно, железные изделия и табак. Купцы имели собственные суда, на которых совершали длительные торговые поездки.

Если говорить о морально-этическом состоянии сортавальского общества, то можно отметить, что в обществе господствовала суровая протестантская мораль. Посещение церкви считалось обязательным, особенно в дни церковных праздников. Об этом говорит существовавший в городе обычай, согласно которому купцы по возвращении домой обязаны были доложить, в каком городе и церкви они отстояли службу в тот или иной церковный праздник.

Значительный заработок городскому населению давала нелегальная продажа спиртного, поэтому пьянство было довольно широко распространено. Даже во время торговых поездок купечество предавалось пьянству, что нередко приводило к возникновению конфликтных ситуаций. Так, находясь в торговой поездке в 1690 году в Ниеншанце, сортавальский купец Антти Раутиайнен напал с ножом на Тахво Клипппо, своего земляка, и тяжело ранил его [5].

Огромные потрясения принесла городу Северная война, в ходе которой город был razoren войсками П. Апраксина в январе 1705 года, после чего потерял городской статус и превратился в небольшую заброшенную деревню, названную русскими Сердоболь. По условиям Ништадтского мирного договора 1721 года Северное Приладожье, включая Сердоболь, перешло во владение России, но фактически город находился под русской властью уже с 1710 года. Мирная жизнь была прервана новой русско-шведской войной, в ходе которой в 1742 году Сердоболь был razoren финско-шведскими партизанами.

Городу потребовалось несколько десятилетий, чтобы оправиться от военных потрясений. В Сердоболе вновь стали появляться купцы с товаром из соседних приходов и из-за границы: из Швеции, а также из Северной Карелии.

В целом в эти годы местные власти, то есть Выборгская губернская канцелярия, не придавали Сердоболу как торговому центру большого значения. Здесь не было установлено русской таможни, как, к примеру, в Кексгольме. Шведским правительством таможенные заставы были утверждены в Китее и Пиелисьярви. Пограничная стража не была поставлена вдоль границы на всем ее протяжении, поэтому жители по обе

стороны границы пересекали ее по своему желанию, просто обходя стражу. Купцы из Приладожья торговали на ярмарках в Китее, Пухосе, Иломанси. Сердобольцы в эти годы крупных торговых операций не вели, поскольку у них не было средств. Так, в 1727 году трое сердобольцев совместно владели маленькой ладьей, на которой возили в Петербург масло, выплачивая пошлину в таможне Кексгольма [6].

Сердобольцы вели контрабандную, нелегальную торговлю с Северной Карелией. В 1730-е годы в Сердоболь из Северной Карелии вывозили масло, мясо, рыбу, воск, рожь, ячмень. А из Сердоболя, тайно пересекая границу, вывозили табак и соль в Северную Карелию.

К 1780-м годам произошло улучшение экономического положения города. Больше всего город нуждался в привозной муке и железных изделиях. В 1784 году жителям Выборгской губернии разрешили привозить сельскохозяйственные товары из шведской Финляндии беспшлинно [7].

В городе регулярно проводились ярмарки. Летняя ярмарка выросла за счет того, что ее перенесли из Валаама в Сердоболь. Для упорядочения приграничной торговли в Сердоболе учредили таможенную канцелярию.

Сразу возрос торговый оборот города. В 1784 году Сердоболь был признан крупнейшим центром внутренней торговли в губернии. Торговый оборот составлял до 200 000 рублей. Жители всех приходов Северного Приладожья приезжали за товаром в Сердоболь и везли с собой на продажу масло, мясо, воск, птицу, рыбу, зерно, семена, пушнину и т. д. На ярмарки приезжали даже из дальних приходов – Рантасалми, Инсалми, Оулу, чтобы здесь продать пушнину и шкуры лесных зверей [8].

Экономическому развитию Сердоболя способствовало и то, что в его окрестностях были открыты Рускеальские мраморные разработки.

К началу 1780-х годов значение Сердоболя как торгового центра возрастает, отсюда отправляется в Петербург по Ладоге на галиотах строительный камень. Все эти обстоятельства, а также очередные административные преобразования в стране привели к тому, что в 1783 году Екатерина II даровала Сердоболу статус уездного города Выборгской губернии.

Конец XVIII века стал расцветом для сердобольского купечества. К этому времени город оправился от военных потрясений первой половины столетия, а его жители вновь получили возможность активно заниматься торговой деятельностью.

В середине XVIII века в Сердоболе проживали 14 купеческих родов, торговавших маслом, дегтем, солью, мукой, сахаром, чаем, табаком, железом, скотом, галантереей, привезенной из России. Уже тогда выделились купеческие династии Берг, Ниссинен, Болин, Саукко, Баас и Бем (Беум).

Купечество в Сердоболе являлось своеобразной элитной социальной группой, которая поставляла кадры для аппарата городского самоуправления. Так, в 1787 году в Сердоболе проходил «отбор из купечества и мещанства судей и заседателей, как то: городским головою купца Емельяна Оккерблома, в городской магистрат бургомистрами прежнего бургомистра Фридриха Бенельмана... купца Парамона Маркова, ратманами бывших ратманов Карла Филипеуса, купца Дмитрия Остафьева и купца Валентина Бема, в суд городским старшиною Лаврентия Сихтойна, к сочинению городской обывательской книги Мартына Берга» [9].

О размерах денежных операций сердобольских купцов также свидетельствуют те кредиты и займы, которые они брали в различных городах. К примеру, после смерти богатого сортавальского купца Ильи Карповича Оккерблома выяснилось, что вышеуказанный купец оказался должен огромную по тем временам сумму – 3171 рубль. Масштабы его займов были грандиозны. К примеру, Оккерблом брал займы в Выборге у 23 человек, в Санкт-Петербурге – у 7 человек, в своем родном городе Сердоболе – у 24 человек, небольшие займы он получил также в Кексгольме, Керимьяки, Олонце и Петрозаводске. По всей видимости, материальное состояние купца было благополучным, поскольку он владел торговым судном «Святой Николай», купленным им вместе с другим купцом, имя которого осталось неизвестным. Судно, судя по сохранившимся, довольно кратким описаниям, было достаточно крупным – оно имело 4 паруса и 3 якоря [10]. Купец занимался и торговлей пивом, поскольку на берегу озера у него имелась небольшая пивоварня [11].

По всей видимости, важная статья доходов купечества состояла в винном откупе. Винный откуп являлся важнейшей и часто единственной статьей городского бюджета. Так, в «Сводной ведомости регистраций денежных сборов» за 1804 год было отмечено: «Городских доходов кроме винного откупа не имеется» [12]. За право быть откупщиком купец мог выложить солидную сумму, и это место никогда не было свободным. Например, в 1787 году, как только сердобольскому купцу Оккерблому было отказано в праве продавать вино на Рускеальских мраморных ломках, это право тут же выкупил купец Паншин [13].

Государственная власть пыталась контролировать подпольную торговлю спиртным. Так, в сердобольскую ратушу приходили постановления вышестоящих властей, которые гласили, что, поскольку «питейная продажа производится в пользу казны», наместническому правлению «предлагается иметь неослабное наблюдение, дабы в погребах виноградным вином и розпивочной продажи во вред казенным вином не происходило» [14].

Часто имущество купцов подвергалось кражам, в которых обвиняли как местных куп-

цов-конкурентов, так и русских солдат, стоявших в городе. В НА РК хранятся жалобы купцов с просьбой отыскать преступников и прилагаются показания самих купцов по делу о кражах. Так, в марте 1790 года была совершена кража из торговой лавки купца Коргоста. Он описывает случившееся с ним несчастье: «Случилась сего марта 15 дня ночным временем покража. Ночь была месячная, притом стоял против самой моей лавки Белозерского пехотного полка часовой, на что не может быть, чтобы оной часовой не мог знать, каким образом верх моей лавки – кровля разломана и доски подняты» [15].

Интересно проследить и быт купеческого сословия на рубеже XVIII–XIX веков. Сердоболь всегда был центром торговли. Поэтому численность купцов в городе всегда была довольно высокой, но купеческое сословие не было однородным. Среди купцов встречались и богачи, чей быт был схож с бытом богатых чиновников, и купцы со скромным достатком, которые по уровню благосостояния были близки к мещанам. Одним из показателей зажиточности купца было его жилище. Дом зажиточного купца Машарова, например, был оценен в 250 тысяч рублей. (Это довольно крупная сумма, поскольку, к примеру, хорошая лошадь в то время стоила около 40–50 рублей.) У него имелись золотые украшения, в том числе 4 золотых кольца, несколько серебряных украшений, дорогая посуда – вызолоченная суповая ложка, чайный фарфоровый набор, несколько серебряных ложек. Внутреннее же убранство дома было довольно неприхотливо. Всю мебель составляли скамейки, стол, кровати и сундуки, сделанные из дерева. Одежда семьи Машаровых шилась из дорогих тканей, таких как парча, бархат, сатин, фата, голландское сукно. В холодное время года использовали меха (из них шились душегрейки, шубы). Также с наступлением холодов использовали одежду из теплой байковой ткани [16].

Если купец Машаров был довольно зажиточным купцом, то купец Марков был небогатым человеком. Несмотря на принадлежность к купеческому сословию, его быт был скуден. Он проживал в так называемой «курной избе», которая топилась по-черному. Все жилище состояло из одной комнаты, к которой была пристроена каморка. Дом купца оценен всего в 40 рублей – это ничтожная сумма для дома, поскольку он оценен не дороже 1 лошади, что, в свою очередь, говорит о его ветхости и крайне небольших размерах. Убранство дома Маркова, как и, по всей видимости, жилищ большинства сердобольцев, было очень скромным. В момент создания описи имущества у купца Маркова в доме нашли 1 ассигнацию в 5 рублей и медных денег на 4,5 рубля. Вся его мебель была сделана из дерева. Тем не менее в доме имелись позолоченные украшения – вызолоченные алые серьги, вызолоченные синие серьги с камешками, вызолоченные серебряные запонки с камешками, вызолоченная цепочка с крестом. По всей видимости, купец

занимался и рыбной ловлей – в доме обнаружены несколько видов сетей – сети плотвовые, салакушковые и т. д. Во дворе дома имелся небольшой курятник для 1 петуха и 2 куриц [17].

Первая половина XIX века стала временем расцвета сердобольской торговли. Поскольку Сердоболь располагался на северном побережье Ладожского озера, он был удобным складочным местом для всей финской Карелии. Финский исследователь Ф. фон Кнорринг писал: «Город этот – нечто вроде большого склада для всех карелов. 25 января здесь открывается большая ярмарка, постоянно ведется широкая торговля с Санкт-Петербургом» [18].

Городская ратуша заботилась о том, чтобы в дни ярмарки в городе царил порядок. Так, городским правлением издавались специальные постановления по регламентации городской жизни. Одно из таких постановлений, изданное в 1831 году перед началом зимней ярмарки, гласило: «На основании высочайшего постановления открывается здесь, в городе, с объявления сего ярмонка, которая имеет продолжаться 2 дня – 27 и 28 числа сего месяца, причем напоминаем всякому, чтобы соблюдала была тишина и благопристойность и умел каждый пользоваться правами, званием его предоставленными» [19].

В 1811 году в городе проживало 36 купеческих семей. Всего купеческое сословие насчитывало 106 человек, причем необходимо уточнить, что в ревизской переписи участвовали только мужчины, независимо от возраста. Всего же в городе проживало 466 человек мужского пола.

В XIX веке торговля находилась в руках 4 семейств – Бем, Сиитойн, Молдаковы, Саукко. В Сердоболе не было по-настоящему богатых купцов: в городе отсутствовали купцы 1-й гильдии, ко 2-й же гильдии на 1811 год относился только род Бемов (4 человека), во главе которого стоял Валентин Валентинов Бем. Остальные купцы относились к 3-й гильдии, то есть их состояние составляло от 2000 до 8000 рублей. Вероятно, низкие обороты торговли и, как следствие, низкие прибыли купечества были связаны с невысокой покупательной способностью населения. Примечательно, что еще в конце XVIII века, в 1796 году, в городе из 26 купеческих семей был 1 купец 1-й гильдии, а купцов 2-й гильдии проживало 3 семьи [20].

Принадлежность к купеческому сословию все же давала крупные преимущества. Так, купцы не несли рекрутской повинности, имели шанс повысить свой жизненный уровень, если их торговля была удачной. Таким образом, жизнь купца была интересна и полна возможностей.

Тем не менее многие купцы разорялись и покидали сословие. На купцов, как на наиболее состоятельных горожан, ложилась большая часть налогов. Как сообщает «Сводная ведомость регистрации денежных сборов и повинностей с города Сердоболя за 1804 год» [21], купцы должны были отдавать городским властям льви-

ную долю средств для обеспечения нужд, связанных с размещением войск, содержанием ратуши и полиции, починкой моста и т. д. Если цеховой ремесленник выплачивал по 2,8 рубля разовых сборов на эти нужды, мещанин – по 1,55 рубля, то купеческий взнос составлял 9,7 рубля.

Мобильность внутри купеческого сословия была самой большой по сравнению с другими сословиями, причем убывание несколько опережало увеличение. Так, за 16 лет (1795–1811 гг.) купеческое сословие пополнилось 3 семьями, прибывшими из мещан (13 человек), и 1 семьей, вышедшей из крестьянской среды (6 человек). Таким образом, купцами стали 4 семьи общей численностью 19 человек.

Выбывали из купеческого сословия как целыми семьями, так и поодиночке. За те же 16 лет сословие потеряло 26 мужчин. Преобладающее большинство – 23 человека – стали мещанами, и только 3 выбыли по причине полной смены рода деятельности. Купцы были более состоятельной и прогрессивной частью городского общества, чем мещане и тем более цеховые. Так, некоторые купцы предоставляли своим сыновьям возможность получить лучшее образование и переехать в большой город, навсегда оставив Сердоболь. К примеру, так поступил Матвей Иванов Уймойн, отправив своего сына Александра на обучение в Дерптский университет. Многие дети купцов покидали свое сословие и навсегда порывали с торговой деятельностью. Так поступили трое из четырех детей Петра Якова Гранбоума. В 1811 году его старший сын Адольф служил священником в первом финляндском батальоне, Якоб с 1806 года числился пастором, а Петр находился в императорской Военно-хирургической академии воспитанником первого класса. Однако случаи эти были чрезвычайно редки ввиду недостатка средств. Большинство купеческих сыновей все-таки становились купцами. Так, состоятельный купец Валентин Валентинов Бем (единственный на 1811 год купец, относящийся ко 2-й гильдии), несмотря на значительное состояние, не стал посылать своего единственного сына Томаса Бема на учебу за рубеж или в Санкт-Петербург, а предпочел сделать его своим преемником в торговом деле. В итоге Томас Бем достиг огромных успехов, специализируясь на продаже в Россию меха и вывозе оттуда продуктов сельского хозяйства [22].

Среди сердобольских купцов, по данным ревизии 1811 года, отмечена семья Мартына Федора Сиитойна. На примере этой семьи можно продемонстрировать все возможности, которые имело население Северного Приладожья для социального и финансового роста. До начала XIX века Сиитойны были крестьянской семьей, жившей на севере Кексгольмского уезда. В 1800 году Сиитойны в составе 6 человек мужского пола прибыли в Сердоболь и были записаны в купцы. В итоге этот карельский род стал вторым после рода Бемов по состоятельности среди

купцов Сердоболя. Так же как и Бемы, Сиитойны вели активную торговлю с Россией [23]. Купец Иван Федоров Сиитойн занимался и менснатской деятельностью. На его средства была основана национальная школа в Кюмеля, которая впоследствии стала основой для учительской семинарии.

Изучая архивные документы, можно обнаружить и сведения о семье купца Дмитрия Остафьева. Сам Дмитрий, по всей видимости, являлся потомственным купцом. Специализировался он на ввозе из Санкт-Петербурга в Сердоболь так называемых «заморских» товаров – табака, перца, имбиря, чернослива, миндаля, оливкового масла, «шпанского», чая двух сортов – черного и зеленого, кофе, сандала, изюма и т. д. Так, его имя отмечено как имя владельца в списке товаров, привезенных из Санкт-Петербурга в 1789 году [24].

За 1795–1811 годы в Сердоболе купеческое сословие пополнилось на 19 человек, в то время как вышли из сословия 26 человек. Таким образом, имело место сокращение численности купцов в тот период.

В Сердоболе всегда большим спросом пользовалась мука. Сердобольские купцы имели свои парусные суда, которые доставляли муку как из Петербурга, так и «с пристани Сермаксы, лежащей в устье Свири» [25]. Так, в торговых документах купца Василия Агафонова Молдакова указывается, что он в 1859 году купил у петербургской фирмы «Братья Полежаевы» и привез в Сердоболь «крупчатки и первуча из Петербурга, из Сермаксы крупы гречневой, муки высшей пробы» [26].

Сердоболь первой половиной XIX века был значительным зерновым портом не только в Северном Приладожье, но и в Финляндии. Известно, что в 1834 году в Сердоболь было привезено 390 тонн ржи, тогда как все порты Финляндии вместе взятые ввезли 4500 тонн [27].

Кроме того, в Сортавалу ввозили мебель, посуду, ткани, ковры и, как ни странно, валенки, из продуктов питания ввозились в основном фрукты, овощи [28]. Большим спросом у населения пользовались привезенные из России соль, табак, зерно [29].

К XIX веку все более значимой для населения становится покупка различных галантерейных товаров. Так, в 1870 году был заключен договор между известным сердобольским купцом Э. Бемом и петербургской купчихой Е. Г. Богдановой, торговавшей «под фирмой "Григорий Петров"». Согласно договору, в Сердоболь поступала «бумага суровая, пуговицы фарфоровые, угольные, стеклянные, кошельки замшевые, булавки бронзовые, карандаш черный, красный, синий, помада Ралле, кошельки с перьями, саквояжи, перчатки бумажные, кольца сердоликовые, брошь бронзовая и т. д.» [30].

Популярностью у населения пользовались и привезенные из Петербурга сладости. Спектр их был обширен. Так, купец Бем поставлял в город купленные у купца Ивана Филипова «медовые ба-

тоны, печенье бисквитное, коврижки голландские, драже, конфеты, пастилу сухую мелкую, орехов полуфундуков, орехов сырых» [31].

Основными товарами сбыта являлись масло, рыба, дичь, заячьи и беличьи шкурки, меха медведей, лисиц, куниц и т. д. В документах НА РК можно найти многочисленные подтверждения широких масштабов этой торговли. Так, в 1822 году было выдано «свидетельство на имя купца Ивана Сиитойна, по которому отправил он в Санкт-Петербург масла коровьего 35 пудов и разной дичи 285 пар». Свидетельство, выданное на имя купца Артемия Молдакова, сообщает, что сей купец отправил в Санкт-Петербург «370 лисиц красных, 200 кошек, 300 дичины разной, 300 заячьих шкур». По всей видимости, некоторые купцы вывозили в Россию и красную икру. Так, в свидетельстве, выданном на имя купца Егора Молушкова, упоминается кадка красной икры, вывезенная в Россию. Спектр продаваемых мехов также был очень широк. Среди товаров, вывозимых в Россию, можно встретить меха чернубурки, рыси и выдры [32].

В последней трети XIX века список вывозимых в Россию продуктов остался практически тем же. Так, судя по перечню вывозимых в Россию товаров купца Молдакова, из города вывозились «ряпушка, окуни, фасованное мясо, извесь, коровьи ноги, лук, кожи» [33].

Особой статьёй торговли был вывоз гранита, мрамора и кварца. Мрамор из Рускеальских ломок поставлялся в Петербург, где использовался при постройке Исаакиевского собора и Эрмитажа, штuffного пола в Казанском соборе, а также при отделке Мраморного дворца. Из сердобольского гранита сооружены колонны у Конногвардейского бульвара, каменные устои Николаевского (ныне Дворцового) моста и большое количество надгробных памятников на петербургских кладбищах. В окрестностях Сердоболя добывали также фельдшпат, шифер и агаты [34]. Кроме Петербурга, товары из Сердоболя вывозили в Выборг.

Водными путями по Ладожскому озеру Сердоболь был связан с Санкт-Петербургом, Кексгольмом, Валаамом, Коневцем и другими прибрежными населенными пунктами и пристанями. Развитию экономических отношений способствовало проведение грунтовых дорог. В Выборгской губернии они находились в отличном состоянии. В городах дороги содержались мешанами, а в деревнях – крестьянами [35]. К середине XIX века город был связан с другими городами и населенными пунктами России и Финляндии следующими почтовыми дорогами: Сердоболь – Кексгольм – Санкт-Петербург; Сердоболь – Кексгольм – Куопио; Сердоболь – Олонец – Вологда; Сердоболь – Вильманstrand (совр. Лаппеенранта).

Кроме того, проселочная дорога вела от Сердоболя через приход Суйстамо до Корписельки [36].

Закупая русские товары, сердобольские купцы распространяли их и в северной и восточной частях Финляндии [37]. Поставки производились в основном из Санкт-Петербурга, изредка из Москвы. Так, купец Э. Бем имел торговые связи с представителем торгового дома Вознесенского посада купцом 1-й гильдии Лопатыным, от которого получил ткани нескольких видов – сукна и различные платки [38].

Богатейшие городские купцы, такие как Григорий Сиитойн, Александр Ниссин, Ларс Хоган, Кристиан Бем имели собственные корабли, тогда как Иван Сиитойн, Агафон Молдаков, Василий Лебедев владели торговыми судами лишь совместно с другими купцами, на паях. С 1850 года в Сортавале стали появляться первые паровые суда. Пароход «Петр Великий» впервые стал ходить между Санкт-Петербургом и Сортавалой уже в 1850 году. В конце 1850-х годов под руководством Эдварда Бема и Александра Ниссина было создано пароходное акционерное общество, пароход которого «Валаам» стал использоваться для транспортировки товаров. Уже в 1866 году из Северного Приладожья было начато пароходное движение в Салми, а в 1873 году сердобольцы К. Г. Берг, Х. Халлонبلاد и Х. А. Халльстрем взяли эту линию в свои руки. В конце 1870-х годов сортавальские чиновники участвовали в организации пароходного движения со Швецией [39].

Появление первых пароходов вовсе не означало, что парусные суда и переезды на лошадях навсегда исчезнут из городской жизни. Важным новшеством стало лишь то, что парусные суда, вынужденные соревноваться с пароходным сообщением, значительно модернизировались и стали гораздо быстрее.

Переезды на лошадях немного сократились из-за того, что появление пароходов и модернизация парусников делали более привлекательными поездки по воде. Однако люди по традиции продолжали пользоваться старыми дорогами при условии их хорошей проходимости. Так, издавна старые дороги вели из Сортавалы в Выборг и другие города восточного побережья Финского залива. Удобная дорожная трасса вела к Тохмаярви, оттуда в Йоэнсуу, а оттуда уже в Пиелисьярви и Куопио. На юге пешеходные дороги вели через Куркиеки в Лаппеенранту и оттуда в города южного побережья Финляндии. Самая плохая дорога вела в Питкяранту и Салми, поэтому с появлением пароходов движение по этому направлению сразу же уменьшилось. По дорогам в то время обычно передвигались на лошадях. В 1842 году жители Сортавалы владели 116 лошадьми, тогда как у жителей Какисалми в пользовании находилось всего 48 лошадей, а у жителей Лаппеенранты – 40 лошадей [30]. Конные поездки были основным способом передвижения по суше вплоть до 1890-х годов, когда в этом районе стали появляться железные дороги [31].

Вторая половина XIX века явилась переломным моментом в жизни города. Открытие 7 сентября 1856 года Сайменского канала негативно сказалось на экономическом состоянии Сортавалы, поскольку основной поток товаров из Санкт-Петербурга в Финляндию и обратно пошел через Выборг и далее по Сайменскому каналу до города Йоэнсуу. Таким образом, Сортавала оказалась в стороне, и местная торговля сбавила обороты, хотя Ладожское озеро оставалось основной торговой артерией на востоке Выборгской губернии [32].

Новые веяния сразу же сказались на состоятельности сердобольских купцов. Произошла череда банкротств крупнейших купцов – Эдварда Бема и Василия Молдакова. Вот как писал об этом в личном письме один из бывших партнеров Бема: «Извещаю о кончине многоуважаемого купца Евграфа Фомича Бема и о прекращении вашей общей торговли с ним. После смерти Бема наследники не могут уплатить сами состоящего на нем долга и объявили конкурс, который его разделит и предоставит платить каждому свою половину» [33].

Огромное значение для развития города имело основание семинарии. После смерти богатого купца Сиитойна все его состояние за неимением сыновей перешло к единственной дочери Елизавете, которая впоследствии вышла замуж за Германа Халлонبلاد. Чета Халлонبلاد решила основать в городе национальную школу. Решение было осуществлено, и в 1864 году в Сортавале открылась национальная школа Кюмелы [34].

Известно, что российский Священный синод замышлял еще в 1860-х годах основание русскоговорящей учительской семинарии на территории Финляндии, однако тогда данной идее не суждено было осуществиться [35]. Первой отправной точкой учительской семинарии стал 1864 год, когда в городе начала работать национальная школа Кюмелы. Ее владелец Г. Халлонبلاد объявил о том, что он жертвует как здание школы, так и тысячу гектаров земли финскому государству при условии, что в Сортавале откроется семинария [36]. Сенат одобрил запрос, и город стал готовиться к преобразованию школы в учительскую семинарию. Летом 1880 года был составлен план продолжения строительства, поскольку здания школы явно не хватало для размещения целой семинарии. Семинария начала работу 20 октября 1880 года.

Для финского национального самосознания основание финноязычной семинарии было показателем роста национального самосознания. Одной из главных задач семинарии было объединение карельского и финского народов, представители которых получали возможность обучаться в одном учебном заведении и тесно общаться друг с другом. Основание семинарии, в свою очередь, стимулировало и городское строительство в Сортавале, поскольку приезжающие в город ученики нуждались в съемном жилье [37].

С началом первого учебного года в Сортавальской учительской семинарии осенью 1880 года к учебе приступили студенты из Импилахти, Куркиеки, Рускеала, Тохмаярви, Уукуниemi и Вяртсиля. С первых лет существования семинарии наметилась генеральная линия – подготовка национальных учительских кадров. Для утверждения национального духа Финляндии очень важен закон от 5 марта 1883 года, по которому учителями в учебных заведениях Финляндии могли быть только уроженцы Финляндии. Таким образом, только финны могли быть преподавателями в семинарии. В то же время доступ в семинарию был открыт и православным учащимся. С 1896 года в семинарию наряду с лютеранами стали принимать и православных (обучение было одинаковым по всем предметам, кроме основ вероучения).

Таким образом, купеческие капиталы влияли на внутреннюю городскую жизнь и способствовали превращению Сортавалы из маленького провинциального финского города в крупнейший образовательный центр не только Северного Приладожья, но и всей Финляндии и даже Олонецкой губернии.

Численность сердобольского купечества, его конфессиональная и этническая принадлежность в разные периоды была различной. Так, в 1784 году в Сердоболе, судя по налоговому отчету, проживало 198 мужчин, в том числе 41 купец (17 купеческих семей), 58 мещан и 99 «рабочего люда». Из них 11 купеческих семей были лютеранами и, вероятно, финнами, а 6 семей были православными, «российскими» [38]. При этом из 58 мещан православными были только 5 человек. Поэтому в процентном отношении среди купцов православных было значительно больше, чем среди мещан.

К 1796 году население Сердоболя составило 569 человек, из них 89 купцов (26 глав семейств и 63 купеческих жен и детей). Из них к 1-й гильдии относился 1 купец, ко 2-й гильдии – 3 купца, остальные купцы относились к 3-й гильдии [39].

Таблица 1

Конфессиональная принадлежность сортавальского купечества в 1830 году

Группы купечества	Лютеране	Православные	Всего	%
Крупные купцы	0	21	21	5,1
Мелкие купцы	18	0	18	4,4

Источник: Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. *Sortavalan kaupungin historia*. Jyväskylä, 1970. S. 120.

К 1805 году население города насчитывало 285 жителей. Купцы составляли самое значительное по численности сословие – 84 человека (54 мужчины и 30 женщин) [40]. По данным ревизии 1811 года, из 466 проживавших в Сортавале мужчин купцами было 106 человек [41].

По данным церковных книг, в Сердоболе на 1830 год проживало 454 человека [42]. Из них к купеческому сословию принадлежало 39 человек [43]. Судя по этим данным, можно сказать, что все крупные купцы были православными и, вероятно, карелами, и только мелкие купцы были финнами и лютеранами.

В 1850 году население Сортавалы составило 778 человек. Из них в торговле было занято 143 человека (18,4 %), тогда как в целом по городам Финляндии численность занятых в торговле была около 10 % [44]. Эти данные свидетельствуют о ярко выраженном торговом характере Сортавалы в середине XIX века.

Середина XIX века была периодом наибольшей численности православного населения Сортавалы. Православными были не только проживавшие в городе русские чиновники и военные, но и православные приладожские карелы. Особенно впечатляет увеличение численности православных купцов. Судя по документу «Списки и сведения о купцах города Сердоболя» за 1847–1861 годы [45], из 79 отмеченных там купцов 59 являлись православными.

В 1880 году из 1102 жителей Сортавалы купцов было 127 человек (11,5 % населения) [46]. Но к 1910 году их доля сократилась до 10,1 % [47].

На рубеже XIX–XX веков сортавальские купцы принимали активное участие в управлении городом. За 1885–1915 годы 20 купцов участвовали в городском самоуправлении. Купцы в гораздо меньшей степени были задействованы в этом виде деятельности, чем, например, представители чиновничества и лица свободных профессий (адвокаты, врачи, учителя), которых за указанный период в органах самоуправления насчитывалось 47 человек. В то же время купцов в органах местного самоуправления было больше, чем ремесленников (11 человек) [48].

Таким образом, пограничное положение Сортавалы на границе между Россией и Швецией (с 1809 года – Великим княжеством Финляндским) в XVIII – начале XX века делало торговлю одним из наиболее выгодных занятий для местного населения. Проявлением торговой активности сортавальцев стало возникновение в городе устойчивой социальной группы купцов. Многие из них занимались торговлей поколениями. На протяжении всего этого времени среди сортавальского купечества можно выявить две этно-конфессиональные группы – финны-лютеране и православные приладожские карелы. Торговая деятельность сортавальских купцов способствовала не только экономическому, но и культурному развитию Сортавалы, что проявилось в благотворительной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Расила В. История Финляндии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1996. С. 47.
2. Расила В. История Финляндии... С. 48.
3. Karttunen Y. Sortavalan kaupungin historia. Sortavala, 1932. S. 35.
4. Ibid. S. 26.
5. Ibid. S. 54.
6. Ibid. S. 63.
7. Ibid. S. 102.
8. Ibid. S. 92.
9. НА РК, ф. 882, оп. 1, д. 10.
10. НА РК, ф. 813, оп. 2, д. 47.
11. НА РК, ф. 182, оп. 2, д. 23.
12. НА РК, ф. 813, оп. 2, д. 95.
13. НА РК, ф. 813, оп. 2, д. 95.
14. НА РК, ф. 813, оп. 2, д. 95.
15. НА РК, ф. 813, оп. 2, д. 95.
16. НА РК, ф. 813, оп. 2, д. 95.
17. НА РК, ф. 813, оп. 2, д. 95.
18. НА РК, ф. 882, оп. 1, д. 10.
19. НА РК, ф. 882, оп. 1, д. 23.
20. НА РК, ф. 882, оп. 1, д. 23.
21. НА РК, ф. 813, оп. 2, д. 95.
22. НА РК, ф. 813, оп. 2, д. 182.
23. Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Sortavalan kaupungin historia. Jyväskylä, 1970. S. 139.
24. НА РК, ф. 840, оп. 1, д. 14.
25. Новоселова З. А. Сердоболь – уездный город Выборгской губернии XIX – начала XX века // Соргавальский исторический сборник. Вып. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 82.
26. НА РК, ф. 884, оп. 1, д. 114.
27. Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Op. cit. S. 138.
28. Björn I. Suomalaisen Sortavala. Laatokan valkoinen kaupunki // Sortavala – rajakaupunki. Joensuu, 2001. S. 23.
29. Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Op. cit. S. 138.
30. НА РК, ф. 884, оп. 1, д. 112.
31. НА РК, ф. 884, оп. 1, д. 112.
32. НА РК, ф. 820, оп. 1, д. 3, л. 20.
33. НА РК, ф. 884, оп. 1, д. 114.
34. Новоселова З. А. Сердоболь – уездный город Выборгской губернии XIX – начала XX века... С. 82.
35. Новоселова З. А. Сердоболь – уездный город Выборгской губернии XIX – начала XX века... С. 82.
36. Новоселова З. А. Сердоболь – уездный город Выборгской губернии XIX – начала XX века... С. 83.
37. Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Op. cit. S. 138.
38. НА РК, ф. 884, оп. 1, д. 112.
39. Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Op. cit. S. 145.
40. Ibid. S. 146.
41. Ibid.
42. Новоселова З. А. Сердоболь – уездный город Выборгской губернии XIX – начала XX века... С. 83.
43. НА РК, ф. 884, оп. 1, д. 112.
44. Karttunen Y. Sortavalan kaupungin historia... S. 330.
45. Laine A. Sortavalan seminaari-Joensuun yliopisto-suomalaisesta kasvatuksesta suomalais-venäläiseen tieteelliseen yhteistyöhön // Sortavala – rajakaupunki. Joensuu, 2001. S. 24.
46. Karttunen Y. Op. cit. S. 330.
47. Jaatinen M. Sortavalan rakentaminen. Espoo, 1997. S. 69.
48. НА РК, ф. 813, оп. 1, д. 1.
49. НА РК, ф. 840, оп. 1, д. 26.
50. НА РК, ф. 813, оп. 2, д. 108.
51. НА РК, ф. 813, оп. 2, д. 182.
52. Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Op. cit. S. 119.
53. Ibid. S. 118.
54. Ibid. S. 121.
55. НА РК, ф. 820, оп. 1, д. 43.
56. Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Op. cit. S. 174.
57. Ibid. S. 174.
58. Ibid. S. 178.

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета ПетрГУ
kafrus@psu.karelia.ru

КОНСТРУКЦИИ С СЕГМЕНТАЦИЕЙ В СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Статья посвящена типологии и функционированию сегментированных конструкций в стихотворных жанрах эпохи Карамзина и Пушкина. Материал публикации демонстрирует активизацию конструкций «представления» в художественной литературе «нового слога».

Ключевые слова: сегментированные конструкции, именительный «представления», инфинитив «темы», поэтическая речь

История бытования сегментированных конструкций в русском литературном языке не получила пока сколько-нибудь подробного освещения, однако не вызывает сомнения тот факт, что предложения с синтаксически независимой позицией «темы» заметно активизируются сравнительно поздно, лишь в XVIII столетии – в произведениях писателей-сентименталистов, а в XIX веке конструкции представления становятся одной из стилистических фигур русской поэтической речи. В течение второй половины XIX столетия степень употребительности сегментированных высказываний снижается, а с конца 50-х годов XX века именительный представления становится характерной приметой газетно-публицистического и художественного стилей языка [1–4].

Конструкции представления, которые не столь синтаксичны, сколь психологичны по своей природе, вероятно, всегда составляли потенциальную принадлежность языковой системы и в этом смысле, по мнению З. К. Тарланова, отличаются «от номинативного предложения своим безразличием к истории. Конструкции представления всегда присутствуют в языке. Если они не зафиксированы

в тот или иной период истории языка, то это значит только то, что соответствующие тексты не нуждались в подобном эмоционально-психологическом наполнении, в реальной мобилизации этих конструкций» [5]. Активизация сегментированных фраз совпадает с формированием литературы «нового слога», которая стремилась отразить внутренний мир личности, «диалектику чувств», а также сблизить книжно-письменный язык в отношении структуры и интонации предложения с естественной, устной разговорной речью, для которой конструкции с двойным подлежащим – разговорный субстрат именительного темы – очень характерны.

Начало разработке теории сегментации было положено в трудах Ш. Балли, который предложил называть структуры, состоящие из двух частей – «темы» (предмет речи) и «повода» (то, что говорится о предмете речи), – сегментированными [6]. В русской грамматической традиции первым, кто обратил внимание на подобного рода построения, стал А. М. Пешковский, назвавший сегмент, вводящий тему дальнейших размышлений, «именительным представления» [7].

Однако вплоть до 1960-х годов, когда активизируется интерес лингвистов к синтаксису разговорной речи и экспрессивным ресурсам грамматики, сегментированные конструкции не попадали в центр языковедческих поисков.

Конструкции с сегментацией интонационно и синтаксически членятся на два отрезка: «тема», открывающая предложение, и следующая за ней часть, содержащая анафорическое, коррелирующее с именем – сегментом, местоимение. Это построение с так называемой «репризой» оказывается зеркальным отражением структуры с «антиципацией» («местоимение + раскрывающее его значение обособленное приложение»). Сегменты могут отделяться от последующей части высказывания с помощью запятой, тире, тире с запятой, а также более эмоциональных восклицательного знака и многоточия:

Покойся, мой народ,
не дремлет твой хранитель,
Так, мой народ!
Творец, он весь в душе моей... (Ж., 209)
Мои ж надежды – что оне? (Я., 262)
Твои враги... они чужбине
Отцами проданы с пелен... (Я., 401)
И не зови твоих товарищей-друзей
Пображничать с тобой до утренних лучей:
Друзья, они придут
и шумно запируют... (Я., 358)
Предрассудок! он обломок
Давней правды. (Б., 197)

Именно с помощью более «сильных» и эмоциональных знаков чаще всего обособляется именительный представления, при этом в качестве сегмента выступают обычно отвлеченные имена, реже – нереферентно употребляемые конкретные нарицательные и собственные существительные.

Личное или указательное местоимение может замещать целый ряд имен из сегмента – «темы»:

И роскошь, и слава, и Вакх, и Эрот –
Лишь сердце они изнурили... (Ж., 211)
И щит его, и метки стрелы –
Они спасут от алчной Гелы. (Бат., 176)
Гробницы, урны, пирамиды –
Не знаки ль суетности то? (Ж., 5)
Известность, слава, что они?.. (Л., 1, 190)

В отдельных случаях сегмент соотносится с повторяющим его в основной части именем:

Любовь – но что любовь? Она
Без Вакха слишком холодна. (Я., 97)

Иной тип построений – конструкция с именительным темы без коррелирующего с ним местоимения в основной части высказывания:

Желанья!.. что пользы напрасно
и вечно желать? (Л., II, 41)
Рим! всемогущее, таинственное слово! (Б., 242)

Здесь именительный представления уже не выступает в качестве осложняющего содержащее его предложение сегмента. По степени грамматической самостоятельности такие синтагмы с функцией «темы», открывающие предложение и не соотносённые с последующим анафорическим элементом, сближаются с однофункциональными синтаксически автономными высказываниями:

А человек! Святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева... (Б., 142)

Предикативный вес и условия употребления инфинитива темы также могут быть различными, ср.:

Довольным быть, неприхотливым,
Сие то есть, что быть счастливым... (Дер., 194)
Любить... но кого же?... (Л., II, 41)

Самостоятельность и объем осложняющего сегмента увеличиваются благодаря распространению его придаточными частями, обособленными оборотами, вставками, так что расчленяется уже сама синтагма «темы»:

Пиндар, каких и не бывало,
Который мог бы мало-мало
Еще не том, ни три, ни пять,
А десять томов написать, –
Зачем так рано он скончался? (Ж., 240)
Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый... (Ж., 157)
Тильзит!.. (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс) –
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал... (П., 252)

В поэтических текстах конца XVIII – первой половины XIX века нередко встречаются аналитические конструкции с сегментом, формально не уподобленным последующему местоимению, – структуры, напоминающие предложения с абсолютными обособленными оборотами:

Сократ ли, истины учитель,
Или правдивый Аристид, –
Мне все их имена почтенны
И истуканы их свящённы. (Дер., 144)
Молитвы!.. нет тому в них нужды,
Кто мудрыми боготворим... (Дм., 382)
Эмма, то, что миновало,
Как тому любовью быть! (Ж., 322)
...О кудри мягки, их дыханье
Благоуханней пышных роз... (Д., 156)

По всей вероятности, сегменты, не согласованные с анафорическими местоимениями, распространились под влиянием французской поэзии. В русской разговорной речи такое вынесение на первое место именительного темы, соотносимого с косвенно-падежной формой местоимения, иногда встречается [8 и др.], но в целом подобное «асинтаксическое» характеризующее... нетипично для русского языка» [9].

Часто сегмент открывается союзом (*а, но, и, однако*), присоединяющим содержащее его предложение к предшествующему в структуре текста:

Читает она –
Поэта Светланы,
Вольтера, Парни...
А Скотта романы –
Ей праздник они. (*Я.*, 138)
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет –
Кто устоит противу них? (*Л.*, 1, 147)
Однако ж этот бич, который всех страшит,
Готов до самого Денниса в том сослаться,
Что, право, он не столь ужасен,
может стать... (*Дм.*, 111)

Активно используемый поэтами первой половины XIX века прием – повтор личного местоимения: местоимение в сопровождении присоединительного союза в абсолютном начале предложения интонационно обособляется от последующей части высказывания с повторяющимся дейктическим компонентом. Такие конструкции в функциональном и ритмо-мелодическом отношении сближаются с сегментированными. В качестве «сегмента» выступает здесь не слово с номинативной семантикой, а личное местоимение 1-го или 2-го лица, которое в условиях поэтического текста фактически утрачивает конституативную обусловленность, оказываясь единственным средством номинации лирических субъекта и адресата (причем референтная сфера стихотворного дейксиса способна расширяться во времени и пространстве, если иметь в виду потенциальность «наадресата» (термин М. Бахтина) стихотворения – то есть читателя, которому окажутся близкими выраженные в нем мысли и чувства):

А вы... вы в персть преобщенны... (*Дм.*, 316)
А я – напрасно я Киприду
Моей богиней называл... (*Я.*, 161)
А ты, ты ябедник, шпион,
торгаш и сводник. (*Б.*, 208)
Но мы... смотря, как наше счастье тленно,
Мы жизнь свою
дерзнем ли презирать? (*Ж.*, 319)
А ты – верна ли ты? (*Я.*, 111)

С другой стороны, оформляемые с помощью союза начальные синтагмы с местоимением или именем, оказываются в интонационном плане подобными также риторическим вопросам в диалоге лирического героя с воображаемым собеседником или самим собой.

Еще один тип построений, смежных с сегментированными, – предложения с постпозитивным по отношению к однородному ряду обобщающим словом (местоимением *все, все, никто, ничто*):

Египет, Фец, Марок, Стамбул, страны Востока –
Все завоевано крестившимся вождем... (*Ж.*, 329)
Поэт, политик, победитель –
Все от него успеха ждут... (*В.*, 89)
...Бывало, ни Борей
Суровый, ни Феб, огнем своих лучей
Мертвящий всякий злик, ни град.
.....
Ни снег и дождь – ничто неймет его... (*Я.*, 396)

Подобно анафорическому местоимению в конструкции с «репризой», обобщающее слово замещает собой названные ранее предметы, между ним и сочиненным рядом складываются особые отношения – конкретизации обобщения. Правда, интонация в этом случае оказывается иной: не «ожидающей» (если пользоваться определением И. П. Распопова), как в конструкциях с именительным темы, а «подытоживающей», более нейтральной. К тому же, если позиция сегмента в предложениях с «репризой» может быть только начальной, то однородный ряд относительно свободен в своей локализации.

Поэзии сердца,
все чувства – все подвластно. (*К.*, 60)
...В любви ж всегда мы ею
И сами счастливы, и счастье даем,
Словами, взорами, слезой,
улыбкой – всем. (*К.*, 249)
Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,
Все б в новый блеск оделось!.. (*Л.*, 1, 206)

В случае препозиции обобщающего слова между ним и однородным рядом складываются отношения пояснения:

...все в движении: *флер, шляпки и корсеты,*
Картоны, ящички, мужья и сундуки... (*Дм.*, 125)

Интонационное обособление сочиненной группы, а также особенности координации форм обобщающего местоимения и сказуемого позволили А. Г. Рудневу [10] прийти к выводу о том, что однородный ряд оказывается на самом деле не однофункциональным местоимению, выполняющая функцию приложения и обладающая имплицитной предикативностью. Поэтому разграничение сегментации и обособления – задача не всегда легкая, и особенно в условиях поэтического контекста, где идентифицирующее и характеризующее значения часто переплетаются в лексической и грамматической семантике словоформы. Вот один из примеров подобного взаимопроникновения, синкретизма:

...*поэт,*
Призраками богатый,
Беспечностью дитя, –
Он мог бы жить шутя... (*Ж.*, 125)

Необычным оказывается употребление обобщающего местоимения не при сочиненном ряде,

а для замещения одного имени, которое в этом случае имеет либо значение совокупного целого, либо форму множественного числа:

И этот подлый, гнусный цех,
Союзник беглого портного,
Все прочь и прочь! Долой их всех! (Я., 403)
Сердца сладостные муки –
Все прости... его уж нет! (Ж., 97)

Функции однородности, обособления и сегментации тесно переплетаются и в случае интонационного выделения сочиненной группы личных местоимений при постпозитивном обобщающем, «объединяющем» мы:

Вот и я, мы служим
двум фортунам... (В., 186)
Ты, проповедник и герой
Академической свободы,
И я – давно мы жребий свой
Переменили на иной... (Я., 332)

К пограничным конструкциям можно отнести также переходные от обращения к сегментации структуры с вынесенным в начало высказывания личным местоимением 2-го лица, за которым следует придаточная часть или обособленный оборот, характеризующий адресата, завершающиеся более продолжительной паузой, произносимые, скорее, не со звательной, а с «ожидательной» интонацией воспоминания, что оформляется с помощью тире. Такие синкретичные по функции конструкции возможны в условиях поэтического контекста, наделенного свойствами «превращенной», фиктивной коммуникации:

Ты, коего искусство
Языку нашему вложило мысль и чувство,
Под тенью здешних древ –
твой деятельный ум
Готовил в тишине созданье
зрелых дум! (В., 165)
Ты, мной воспетая давно,
Еще в те дни, как пел я радость
И жизни праздничную сладость,
Искрокипучее вино, –
Тебе привет мой издалеча... (Я., 309)

В силу особых коммуникативных условий риторические обращения в лирическом тексте вообще тяготеют к превращению в конструкции представления.

Итак, ядро конструкций с осложняющим формальную структуру предложения сегментом составляют структуры с так называемой «репризой» («именительный или инфинитив темы + анафорическое местоимение в функции подлежащего»). Периферийными, смежными оказываются конструкции с повтором личного местоимения, а также с препозитивным сочиненным рядом при обобщающем дейктическом слове. В целом, состав сегментированных структур оказывается в описываемую эпоху не столь разнообразным по сравнению с последующим периодом.

По словам Г. Н. Акимовой, «экспрессивная и эстетическая функции именительного представления отражают прагматическую сторону высказывания, ее воздействующее начало. Стилистическое выделение сегмента на нейтральном фоне является намеренным» [11]. Действительно, сегментация играет немаловажную роль в формировании авторизирующего начала, указывающего на личность автора как источник художественной информации, «на субъект... восприятия, констатации или оценки явлений действительности» [12]. Сегментация, как и другие средства авторизации, направлена на установление контакта между автором и читателем с целью обеспечения успешной дешифровки текста, актуализации заложенных в нем смысловых и эмоциональных центров. Автор, стремящийся спрогнозировать процесс восприятия текста и выступить регулятором его понимания, использует имеющиеся в распоряжении средства для того, чтобы сфокусировать внимание получателя информации на особенно важных, с точки зрения отправителя, элементах дискурса.

Интонационно выразительные, обычно эмоциональные сегментированные конструкции часто заключают в себе ключевые мотивы, образы стихотворения:

Любовь... но я в любви нашел одну мечту,
Безумца тяжкий сон,
тоску без разделенья... (Ж., 77)
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, все стало тенью... (П., 308)
А слава... луч ее случайный
Неуловим. (П., 360)

Сведения, размещенные в сегменте, акцентируют внимание на внешних и внутренних характеристиках героя, его физическом и психическом состоянии (как правило, отнесенных к плану прошлого или ирреального):

Ласково-детские речи,
улыбка сих уст пурпуровых,
Негой пылающих, – все
как весенней водой уплыло! (Д., 268)

И стан, завидный для харит,
И ясность райского лица,
Чело, достойное венца,
И грудь, белейшая лилей,
И кольца ангельских кудрей,
И голос – лепет ручейка,
И ножка – право, в полвершка,
И, словом, все пленяло в ней... (Я., 118–119)
Твоя прелестная стыдливость,
Твой простодушный разговор,
И чувств младенческая живость,
И гибкий стан, и светлый взор –
Они прельстят питомца света... (Я., 126)
Монах храпит и чудный видит сон.
Казалось ему, что средь долины,

.....
 Вокруг него сатиров, фавнов сонм.
 Иной смеясь льет в кубок пенны вина,
 Зеленый плющ на черных волосах,
 И виноград, на голове висающий,
 И легкий фирз, у ног его лежащий, –
 Все говорит, что вечно юный Вакх,
 Веселья бог, сатира покровитель. (П., 12)
 Ты мертвецу святыней слова
 Обручена.
 Увы, твой страх, твой моленья –
 К чему оне? (Л., II, 69)

Номинативные ряды, образующие сегмент, могут создавать впечатление фрагментарности, калейдоскопичности восприятия окружающего мира, передавать детали пейзажа (воображаемого, вспоминаемого, реального):

Север бледный, север плоский,
 Степь, родные облака –
 Все сливалось в отголоски... (В., 219)
 Река, надводный темный лес,
 Высокий берег – все дремало... (Ж., 349)
 Леса угрюмые, громады мшистых гор,
 Пришельца нового пугающие взор,
 Свинцовых моря вод безбрежная равнина,
 Напев томительный протяжных песен финна –
 Не долго, помню я, в печальной стороне
 Печаль холодную вливали в душу мне.
 (Б., 103)

Оставленная пустошь предо мной

 Зеленый мох, растущий над окном,
 Заржавленные ставни – и кругом
 Высокая полынь – все, все без слов
 Нам говорит о таинствах гробов. (Л., I, 120)
 Когда за городом, задумчив, я брожу
 И на публичное кладбище захожу,
 Решетки, столбики, нарядные гробницы,
 Под коими живут все мертвецы столицы,
 В болоте кое-как стесненные рядком,
 Как гости жадные за нищенским столом,
 Купцов, чиновников усопших мавзолей,
 Дешевого резца нелепые затеи,
 Над ними надписи и в прозе и в стихах
 О добродетелях, о службе и чинах;
 По старом рогаче вдовицы плач амурный;
 Ворами со столбов отвинченные урны,
 Могила склизкие, которым также тут,
 Зеваючи, жильцов к себе на утро ждуд, –
 Такие смутные мне мысли все наводит,
 Что злое на меня уныние находит. (П., 585)
 Зима идет, и тощая земля
 В широких лосинах бессилья,
 И радостно блиставшие поля
 Златыми класами обилья,
 Со смертью жизнь, богатство
 с нищетой –
 Все образы години бывшей
 Сравняются под снежной
 пеленой... (Б., 189)

Вообще, контексты, в которых используется сегментация, обычно связаны с лирическим переживанием прошлого, с фиксацией момента воспоминания:

Все, что прежде кипятило
 Чувства свежие твои,
 Ты забыл. *А юность наша,*
 Хороша была она... (Я., 347)
 Ах, *молодость моя*, зачем она прошла!

 ...она, *прибежище и сила*
 И первых нежных чувств
 и первых смелых дум,
 Томивших сердце мне и волновавших ум,
 Она – ее уж нет,
 любви моей прекрасной! (Я., 414)
И этот образ, он за мною
 В могилу силится бежать... (Л., 1, 129)
Сей взор невыносимый, он
 Бежит за мною, как призрак... (Л., 1, 146)

Сегмент, таким образом, участвует в создании категории ретроспекции. Благодаря сегментации совершается дополнительная манифестация субъектно-адресатной перспективы лирического текста и иных дейктических сфер:

А я, я, с памятью живых твоих речей,
 Увидел роскоши Италии твоей! (Б., 204)
А мне, мне предоставь
 таить огонь бесплодный,
 Рожденный иногда воззреньем
 красоты... (Б., 132)
А я – студенческому миру
 Сказав задумчиво: прощай,
 Я перенес разгульну лиру
 На Русь, в отечественный край... (Я., 333)
А я... какая мне дорога
 В гурьбе поэтов-удальцов? (Я., 243)
Она – в сем слове милом
 Вселенная твоя... (Ж., 133)
А я – я вновь взмогился на Парнас (П., 15)
А вы, вы модный господин... (Л., 292)
Но я, дотле твой поклонник безотрадный,
 В обитель скорбную
 сойду я за тобой... (П., 300–301)

В стихотворениях, представляющих собой воображаемый диалог или автодиалог – само-рефлексию, акцентуация личных местоимений информативно и прагматически значима. Сегментированные конструкции включаются в поэтический текст при передаче чужой речи, внутреннего диалогизированного монолога, воспроизводя интонации, перебивы естественного речевого потока:

– «И мне такая ж участь, Шмель! –
 Сказал ему я, вздыхая. –
 Я, лучшим следуя певцам,
 Пишу, пишу, тружусь, потею
 И *рифмы*, точно их кладу... (Дм., 374–375)
 – А мир стихов? Но мир стихов,

Как все земное коловратный,
Наскучил мне и нездоров!...

.....

Стихи – куда их мне девать?

.....

– В «Московский вестник»? – Трудно, брат...
(*Я.*, 258)

Читатель

И я скажу – нужна отвага,
Чтобы открыть хоть ваш журнал
<...>

Во-первых, *серая бумага*,
Она, быть может, и чиста,
Да как-то страшно без перчаток... (*Л.*, II, 44)

Сегмент нередко участвует в создании фигур речи – обычно повтора (1) или антитезы (2), которая может «сняться» контекстом:

(1) И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды –
Все мило мне... (*Я.*, 258)

(2) Богач и нищ, рабы с царями,
Все равно оставляют свет. (*Дер.*, 38)
Они шутили, улыбались,
Моею страстью забавлялись;
А я – я слезы лил рекой! (*К.*, 163)
И царь, и раб его, безумец и мудрец,
Невинная душа, преступник, изверг злобы –
Исчезнут все как тень – и всем один конец...
(*К.*, 201)

На что мне памятники горды?
И скиптр, и посох – все равно... (*Ж.*, 7)
Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он – пронзенный в грудь –
безмолвно он лежит... (*Л.*, I, 278)

Еще одна важная функция сегментированных построений – текстообразующая, поскольку сегмент и последующая часть высказывания анафорически «соединены цепной местоименной связью» [13]. Конструкция предствления, нередко оказываясь зачином стихотворения, «сосредоточивает на себе максимум внимания», а выделяемый ею предмет «становится объектом наблюдения, анализа, раздумий» [14], к которым автор как бы приглашает читателя. Так, например, в философско-поэтическом сборнике «Сумерки» именной темы неоднократно используется Е. Баратынским в качестве текстоформирующей доминанты, имитирующей сам внутрениий мыслительный процесс:

Все мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец ее! Тебе забвенья нет...
Резец, орган, кисть! счастлив кто влеком
К ним чувственным,
за грань их не ступая! (*Б.*, 195)

Предрассудок! он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал. (*Б.*, 197)

Бедный старец! Слышу чувство
В сильной песне... Но искусство...
Старцев старее оно;
Эти радости, печали –
Музыкальные скрыжали
Выражают их давно! (*Б.*, 198)

Именной темы в зачине с точки зрения актуального членения выступает в качестве ремы.

Большая часть сегментов оказывается размещенной в «сильных» позициях строфы – начало или (редко) конец стиха, целая строка (или несколько стихов). Употребление местоимения после именной темы в позиции енжамбемента усиливает связь анафорического слова с предшествующим существительным, что выявляет «потенциальную артиклевость местоимения» [15]:

России слава, царств спасенье,
Наук, торговли оживленье,
Союз властей – покой, досуг,
Уму и сердцу вожделенный, –
О! Сколько, сколько счастья вдруг! (*К.*, 308)
Другой... старик... сколько был он изумлен
Тогда, как смерть, ошибкою ужасной,
Не над его одряхшей головой,
Над юностью

обрушилась прекрасной! (*Ж.*, 180)

Приют любви, он вечно полн
Прохлады сумрачной и влажной... (*Л.*, 309)
И этот звон люблю я! <...>

...Всегда один,
Высокой башни мрачный властелин,
Он возвещает миру все, но сам –
Сам чужд всему –
земле и небесам... (*Л.*, I, 222)

Как показали наши наблюдения, интонационно и эмоционально выразительные конструкции с сегментацией становятся достоянием поэтического языка в последние десятилетия XVIII века – в эпоху Державина, Карамзина и Дмитриева, которые первыми в лирическом роде выразили стремление подчинить художественный слог требованию разговорной легкости и гибкости. Эта реформаторская тенденция была активно поддержана поэтами «школы гармонической точности» – Жуковским, Батюшковым и их младшими современниками. Частотность сегментов, осложняющих структуру содержащего их предложения, достигает максимальных показателей в поэзии Крылова, Жуковского и Языкова.

Таким образом, сегментированные структуры более свойственны жанрам с ярко выраженным медитативным, «философическим» началом (прежде всего элегиям), а также текстам, богатым интонациями естественной, непринужденной речи. Используя сегментированное построение, автор словно бы приглашает читателя к диалогу, совместному поиску истины, размышлению, переживанию, выдвигая предмет, тему воображаемого разговора в «сильную», ритмо-мелодически выделенную позицию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Б.* – Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1989. 462 с.
2. *Бат.* – Батюшков К. Н. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 380 с.
3. *В.* – Вяземский П. А. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1982. 462 с.
4. *Д.* – Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. 369 с.
5. *Дер.* – Державин Г. Р. Сочинения. М.: Правда, 1985. 575 с.
6. *Дм.* – Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. 480 с.
7. *Ж.* – Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.; Л.: Худ. лит., 1959. 424 с.
8. *К.* – Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 502 с.
9. *Л., I* – Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л.: Сов. писатель, 1989. 687 с.
10. *Л., II* – Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стихотворений. Т. 2. 686 с.
11. *П.* – Пушкин А. С. Соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1985. 735 с.
12. *Я.* – Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 706 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарланов З. К. Конструкции представления // Тарланов З. К. Язык. Этнос. Время. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1993. 223 с.
2. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высш. шк., 1990. С. 113.
3. Попов А. С. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М.: Наука, 1964. С. 256–274.
4. Попов А. С. Сегментация высказывания // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. С. 302–321.
5. Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 159.
6. Балли Ш. Французская стилистика: Пер. с франц. М.: Иностран. лит., 1961. С. 358–359.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. С. 407.
8. Русская разговорная речь / Под ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1973. С. 243.
9. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 206.
10. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. М.: Высш. шк., 1968. С. 172.
11. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка... С. 111.
12. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. С. 263.
13. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика: (сложное синтаксическое целое): Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1991. С. 141.
14. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика... С. 141.
15. Зубова Л. В. Реставрация древних грамматических свойств и отношений в поэзии постмодернизма // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 315.

УДК 83.3(0)

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА АФАНАСЬЕВА

преподаватель кафедры скандинавских языков филологического факультета ПетрГУ

*aldona2@rambler.ru***НОВЫЕ ОБРАЗЫ БОГОВ КАК СПОСОБ ПРОЯВЛЕНИЯ
АВТОРСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В СЛАВЯНСКОЙ ФЭНТЕЗИ**

В статье рассматривается один из способов проявления авторской индивидуальности в славянской фэнтези – создание образов богов, которые не были частью древнего пантеона. Для анализа взяты фигура Велы, созданная Е. Дворецкой в циклах «Весна неизвестная» и «Утренний всадник» путем переработки писательницей фольклорного материала, а также образ богов Близнецов из цикла М. Семеновой о Волкодаве, представляющих собой вариант мифа о божественной Троице.

Ключевые слова: Велес, вода, Троица, авторская индивидуальность

Анализ современной славянской фэнтези демонстрирует особое, бережное отношение писателей к культуре наших предков: они не только пытаются донести до читателя в первоизданном виде сохранившиеся традиции, описания обрядов и ритуалов, но и как бы «дописывают» утраченные элементы. Тем не менее всегда нужно учитывать тот факт, что перед нами совершенно оригинальные произведения, строящиеся исключительно по принципу творческой фантазии. Одним из способов проявления авторской индивидуальности в славянской фэнтези является создание новых образов богов, которые не были частью древнего пантеона.

М. Семенова начинала творческий путь с исторических романов, но именно цикл о Волкодаве (первый роман «Волкодав» – М., 1999) сделал ее известной читателям фэнтези. «Волкодав» – первая отечественная фэнтези, которая была экранизирована (фильм вышел в прокат 1 января 2007 года). Е. Дворецкая работает не только со славянской, но и со скандинавской фэнтези. Пи-

сательница менее популярна среди массового читателя, однако ценность ее произведений для поклонников славянской традиции является неоспоримой: ее романы «оживляют» славянских богов, превращая их в живых героев мифов.

Анализируются образы, один из которых разработан Е. Дворецкой в циклах «Весна неизвестная» (роман «Зимний зверь» – СПб., 2008) и «Утренний всадник» (роман «Янтарные глаза леса» – СПб., 2007), другой – в цикле М. Семеновой о Волкодаве (романы «Право на поединок» – СПб., 1999; «Знание пути» – СПб., 2003, «Самоцветные горы» – СПб., 2003). Выбор авторов обусловлен их, пожалуй, ведущей ролью в данном жанре. Объем статьи не позволяет говорить обо всех «авторских» божествах, поэтому мы обратимся к двум, наиболее ярким, на наш взгляд, образам.

Один из ведущих персонажей циклов «Весна неизвестная» и «Утренний всадник» Е. Дворецкой – богиня Вела, которая, согласно творческому замыслу писательницы, является супругой Велеса.

По свидетельству Б. А. Успенского, неотъемлемым элементом культа Велеса была вода, так как Велес считался покровителем земных вод. Данная функция проистекает из «основного мифа» о борьбе Перуна с Волосом в образе Змея, когда после победы Громовержца начинается дождь, а змей «скрывается в земных водах» [1]. Теория «основного мифа» позволяет Б. А. Успенскому предположить, что Волос обитает в земных водах, тогда как Перун – покровитель вод небесных; «однако Волос провоцирует дождь, исходящий с неба, и, таким образом, оказывается с ним связанным» [2].

В творчестве Е. Дворецкой функция покровительства земным водам переносится на женскую ипостась Велеса – «темную Велу, Хозяйку Подземной Воды», «Мать Засух», получившую такое имя за то, что она «валуном заваливает подземный источник, отчего все реки на земле мелеют, а ручьи пересыхают» [3]. Можно предположить, что уничтожающая воду Вела – обратная сторона Велеса, держателя земных вод. Вела, в отличие от Велеса, персонифицирована, «ближе к земному миру» [4], однако внешность ее то схожа с человеческой, то не имеет конкретных черт: «У старухи не было лица. Была темная, туманная дыра в никуда, и сама старуха утратила черты человеческого существа и стала темной бездной» [5] и «высокая, тощая, высохшая, как щепка, старая женщина <...> Ее длинные, сухие, спутанные волосы цвета увядшей травы спускались ниже колен, так что из их чаши только и было видно что пожелтевшее лицо с мелкими, острыми, недобрыми чертами, покрытое множеством морщин, длинные худые руки с цепкими пальцами и подол грязно-серой рубахи <...> мелкие, тесно сидящие желтые зубы» [6]. Вела непосредственно связана с миром мертвых: «Непримиримая вражда живого к мертвому толкала его броситься на старуху и вцепиться клыками в ее высохшее горло» [7]. Предположительно можно говорить о семантическом сходстве созданного писательницей божества Велы с Мораной, чье имя связано со смертью и с морем одновременно.

Несмотря на отрицательный характер созданного писательницей божества, в романе «Зимний зверь» именно она пытается восстановить утраченное миром равновесие: в результате похищения княжичем Светловым богини Лели разбилась чаша Годового Круга, и на земле воцарилась вечная зима. Вела призывает к себе Лелю в ее новой, земной ипостаси, с помощью сына Велеса усыпляет ее, и им остается только ждать появления земного воплощения Перуна, который сражится с Велесом и разбудит богиню весны.

Можно предположить, что источником этого образа является не только Велес, но и низшее божество вила, о чем прежде всего свидетельствует сходство имен. А. Н. Афанасьев высказывает предположение о том, что вила и *vilva* сближаются со сканд. *vala*, *valva*, *völva*, то есть *веду*-

нья, *чародейка* [8]. Ученый полагает, что славянское слово *вила* происходит от глагола *вить*, *вью** – плести, скручивать и означает «мифическую деву, которая прядет облачные кудели и тянет из них золотые нити молний» [9].

Согласно мифологическим воззрениям болгар, вилы владели колодцами и озерами и обладали способностью «запирать» воду. По словам Н. И. Толстого, в одной западно-болгарской песне Вила самовила является самостоятельным именем персонажем – хозяйкой волшебного озера, воды которого она «собрала» на вершину высокой горы [10]. Сербы же были убеждены, что вилы могут насыпать бури, град, болезни топить лодки [11].

Итак, образ Велы, созданный Е. Дворецкой, носит явный полисемантический характер: Вела не только берет на себя все функции низшего божества вилы, но и становится хозяйкой всех подземных источников. Писательница создает пару Велес – Вела, не характерную для славянской мифологии, однако Вела не является в полной мере авторским изобретением. Е. Дворецкая использует уже имеющийся фольклорный материал и лишь перерабатывает его.

На страницах романов о Волкодаве М. Семенова создает образ языческой Троицы: два бога Сына и бог Отец, которые являются объектом поклонения в секте близнецов. Изображенные в романе жрецы богов Близнецов почитают триаду богов-мужчин, а какое бы то ни было участие богини-женщины отрицается: «В самом деле, поклонение, завещанное от праотцов, вовсе не подразумевало особого почитания смертной женщины, выносившей во чреве своем сыновей Бога. Кто она такая была, чтобы ее чтить?» [12] Для последователей культа Близнецов величайшая миссия, возложенная на женщину, не имеет никакого значения – она воспринимается лишь как инструмент Бога, как бездушная утроба для вынашивания божественных детей.

Близнецы стали объектом поклонения после естественной смерти, а при жизни они были обычными людьми. Один из них, Старший, отстаивает справедливость с помощью оружия: «...я сразу решил избрать для себя путь жреца-воина. Я хотел следовать Старшему, сиречь выслеживать Зло и казнить его проявления повсюду...» [13].

У М. Семеновой Старший Брат являет собой агрессивное начало – он страстный поклонник охоты, поэтому его жрецы также должны были увлекаться этим искусством, о чем свидетельствует следующая цитата: «Хономер не питал особой страсти к охоте (что, кстати, являлось едва ли не упреком для него, последователя Старшего)» [14]. Младший, напротив, идет по пути добра через созидание. В мифах, сочиненных писательницей, он предстает как лекарь, причем врачует он совершенно бескорыстно: «...пытаюсь служить Младшему: лечу пьяниц <...> мелких ворешек» [15].

Как для архаичного мышления следование путем почитаемых богов – необходимое предписание, так и для жрецов Близицево возможен только один путь – лечить больных, не взяв никакой платы.

Младший из Богов принимает мученическую смерть, в страданиях оканчивая свое земное существование: «При этом Венн вспоминал Близицево, вырубленного из ледяных недр, и невольно дивился: им ли, смертным, чураться конца, освященного участием Бога? Не род смерти отвращал его, а та безропотность, с которой пришлось бы ее принимать. Кроткий Целитель не потому, небось, оставался во льду, что для борьбы мужества не хватало» [16].

Троица – мифологема, распространенная не только среди славян, как язычников, так и православных; она встречается и в других культурах. Так, по словам К. Г. Юнга, в аркадской Монахии почитался трехглавый Гермес [17], а тройственность вообще всегда была свойственна божествам преисподней: это и трехтелый Тифон, и трехтелая и трехликая Геката, и три змеевидных сына Зевса [18].

К Троице М. Семеновой обращаются следующим образом: «Святы Близицево, прославленные в трех мирах, и Отец их, Предвечный и Нерожденный...» [19]. Характеристика Бога Отца – «Предвечный и Нерожденный» – говорит об абстрактном характере данной фигуры, тогда как его дети – Боги Сыновья – «канонизированы» персонажами романов только после смерти, то есть изначально они были людьми и к небесной святости никакого отношения не имели. Старший Брат пропал без вести во время охоты, Младший – замерз во льдах, и ни о каком Великом Воскрешении не было и речи.

Итак, дети Бога воплощались в реальных людей, то есть, по мнению героев М. Семеновой, были рождены не только в Потустороннем мире, но и в Мире-по-эту-сторону. Отец же их никогда не был рожден. Такую парадоксальную, на первый взгляд, ситуацию можно разрешить, опираясь на концепцию «Отдыхающего Бога» М. Элиаде, мифы о котором распространены во многих племенах на стадии охоты и собиратель-

ства. Отдыхающий Бог создал Мир и человека, но вскоре отошел от дел и ушел на Небо [20]. Иллюстрации к такого рода представлениям ученый находит в поговорках племени банту: «Сотворив человека, Бог перестал им заниматься» и в поговорках племени негрилос: «Бог отдалился от нас!» [21] Эти мифы позволяют исследователю прийти к выводу, что бог теряет свою «религиозную актуальность», становясь «первым примером "гибели Богов", неистово провозглашенной Ницше. О Боге-творце, культ которого утрачен, постепенно забывают» [22]. Сходную ситуацию мы можем обнаружить в романах М. Семеновой: о Боге Творце помнят лишь служители культа Близицево; постепенно его место занимает отвергнутый ранее образ Богини Матери, что подтверждается и иконами, где изображаются Мать и Сыновья, а Отец предстает лишь в виде тени на заднем плане.

Контурное изображение Бога Отца можно трактовать, опираясь на слова последователя К. Г. Юнга Э. Нойманна о том, что «первобытные люди еще не понимали связи между рождением детей и сексом, женское начало оплодотворялось надличностным мужским принципом, который являлся как дух или божество, как предок или ветер, но никогда как конкретный личностный мужчина. В этом смысле, женщина была "автономной", т. е. девственницей <...> Она являлась мистическим творцом жизни, отцом и матерью в одном лице» [23].

Из всего вышесказанного следует, что персонажи, созданные М. Семеновой, не имеют прямых славянских корней, так как фигура Троицы в отечественном культурном сознании заняла достойное место лишь с приходом христианства.

Краткий обзор божественных персонажей, созданных фантазией писателей славянской фэнтези, позволяет нам говорить о том, что создание абсолютно оригинальных, на первый взгляд, фигур, обусловлено не только авторским замыслом, но и опирается на глубокую мифологическую традицию, как отечественную, так и общеевропейскую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цит. по: Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 80.
2. Цит. по: Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей... С. 80.
3. Дворецкая Е. Янтарные глаза леса. СПб.: Изд-во «Крылов», 2007. С. 342, 396.
4. Дворецкая Е. Зимний зверь. СПб.: Изд-во «Крылов», 2008. С. 356.
5. Дворецкая Е. Зимний зверь... С. 111.
6. Дворецкая Е. Зимний зверь... С. 395.
7. Дворецкая Е. Зимний зверь... С. 396.
8. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян: В 3 т. Т. 3. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra fantastica, 2002. С. 149.
9. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян... С. 149.
10. Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. С. 450.
11. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян... С. 151, 159.
12. Семенова М. Волкодав. Знамение пути. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 153.
13. Семенова М. Волкодав. Право на поединок. М.: Олма-Пресс; СПб.: Нева, 1999. С. 294.
14. Семенова М. Волкодав. Самоцветные горы. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 84.
15. Семенова М. Волкодав. Знамение пути... С. 294.
16. Семенова М. Волкодав. Самоцветные горы... С. 72.
17. Юнг К. Г. Дух Меркурий. М.: Канон, 1996. С. 168.

18. Юнг К. Г. Дух Меркурий... С. 168.
19. Семенова М. Волкодав. Самоцветные горы... С. 96.
20. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Academia, 1996. С. 99.
21. Элиаде М. Аспекты мифа... С. 101.
22. Элиаде М. Аспекты мифа... С. 101.
23. Нойманн Э. Леонардо да Винчи и архетип матери // Юнг К. Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. М.: Рефл-бук, 1996. С. 100.

УДК 882.09

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ВЕЛИКАНОВА

аспирант кафедры русской литературы филологического
факультета ПетрГУ*dodek@inbox.ru***МОТИВ СКАЗОЧНОЙ «ПУТИ-ДОРОГИ»
В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПОВЕСТЯХ ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА**

В статье анализируются фольклорные истоки научно-фантастических произведений В. П. Крапивина, важнейшее значение среди которых имеет волшебство-сказочный мотив «пути-дороги».

Ключевые слова: Крапивин, научная фантастика, дорога, сказка

Мотив дороги играет исключительно важную роль и в фольклоре, и в литературе. «Редкое произведение обходится без каких-либо вариаций мотива дороги», – подчеркивает М. М. Бахтин [1]. Ю. М. Лотман отмечает, что для любого сюжетного текста, художественного или мифологического, возможно выделение двух групп персонажей – «подвижных» и «неподвижных». «Неподвижные» персонажи не способны преодолеть запрет на пересечение установленной мифологическим сознанием границы между «своим» миром, миром живых, и «чужим», миром мертвых. «Нельзя, оставшись живым, перейти к мертвым, или, будучи мертвецом, посетить живых» – пишет Ю. М. Лотман [2]. Но при этом один персонаж или их группа освобождаются от этого запрета: «...подвижный персонаж – лицо, имеющее право на пересечение границы» [3], именно ему открывается дорога, он совершает путь. Ю. М. Лотман так определяет различие между путем и дорогой: «"Дорога" – некоторый тип художественного пространства, "путь" – движение героя в этом пространстве. "Путь" есть реализация (полная или неполная) или не-реализация "дороги"» [4].

В волшебной сказке, наследующей мифологическое представление о мире, значение мотива дороги особенно велико – дорога в иное, тридесятое царство и возвращение героя обратно лежат в основе сказочного сюжета. Генетическая связь с волшебной сказкой определяет особенности поэтики современных фантастических жанров, таких как научная фантастика и фэнтези. Мотив дороги, путешествия на другую планету или в чужую страну остается определяющим для этих жанров, хотя и подвергается литературной переработке и авторскому переосмыслению. Для примера обратимся к фантастическим повестям В. П. Крапивина, входящим в цикл «В глубине Великого Кристалла» (1988–1992).

Л. В. Овчинникова, акцентируя внимание на связи произведений писателя с фольклорной волшебной сказкой, для определения жанра повестей о Великом Кристалле предлагает термин «философско-приключенческая сказка» [5]. Сам В. П. Крапивин называет их просто «фантастические повести», для нас же очевидно, что царящий в произведениях цикла «дух науки» (термин Е. М. Неелова) позволяет отнести их к жанру научной фантастики. Исследователь

М. И. Мещерякова считает фантастический цикл В. П. Крапивина «мифологическим романом-эпопеей» [6] и придает ему статус «романа-мифа» или «неомифа». На наш взгляд, с такими определениями невозможно согласиться – тем более, сама М. И. Мещерякова признает «принципиальную нерешенность» [7] вопроса о направлениях и разновидностях «неомифологической» прозы. Достаточных оснований для выделения нового жанра в публикациях исследовательницы мы не находим. Еще в 1986 году Е. М. Неелов писал: «...жанр научной фантастики не имеет какого-либо особого отношения к конкретно-историческим формам мифологии, более того... он противостоит им. При этом, однако, возможна переключка научной фантастики и различных переносных истолкований мифа, но тогда термин "миф" лишь затемняет суть, ибо он сразу влечет за собой массу побочных конкретно-исторических ассоциаций» [8].

М. И. Мещерякова, используя принятую ею терминологию, о роли мотива дороги в цикле «В глубине Великого Кристалла» замечает: «Одна из центральных мифологем у Крапивина – понятие Дороги... На нее выходит каждый, кто ищет отгадку тайнам Бытия, и те, кто оказывается лицом к лицу с этими тайнами в силу определенных обстоятельств...» [9] Исследовательница подчеркивает, что «описание Дороги построено в традициях мифопоэтической образности... Бесконечная во времени и пространстве, Дорога объединяет Кристалл, вбирает в себя все в нем происходящее и питает все Великое Кольцо Мироздания» [10].

Стремление «мифологизировать» художественные миры, придать им характер «верований» – специфическая черта восприятия литературы современным читателем-подростком. Участи выступать для самых горячих поклонников в роли «гуру» не избежал и В. П. Крапивин. Писатель с иронией рассказывает об этом в одном из интервью: «Однажды ко мне приехала группа ребят и потребовала посвятить их в технологию прямого перехода (то есть перемещения в сопредельное фантастическое пространство, которым владеют герои книг В. П. Крапивина. – Е. В.). Разумеется, я все равно не смог этого сделать. Я только сказал, что если бы точно знал, как, давно бы сбежал...» [11]

Художественная целостность фантастической Вселенной В. П. Крапивина подталкивает исследователей искать в литературном тексте истоки молодежных «вероучений», хотя «апелляция к мифу в процессе изучения научной фантастики в методологическом отношении оказывается в большинстве случаев бесперспективной» [12]. Разумеется, это «не значит, что древние мифологические мотивы и образы можно оставить без внимания... древний миф для нас важен постольку, поскольку помогает понять волшебную сказку, которая, в свою очередь, помогает понять научную фантастику» [13].

Для того чтобы понять фантастику В. П. Крапивина и по-новому интерпретировать интересующий нас мотив дороги, необходимо обращение к волшебной сказке.

Волшебная сказка не знает различения «дороги» и «пути» – их взаимопроникновение отражено в традиционном образе фольклорной пути-дороги. «"Дорога" в сказке равна "пути", – пишет Е. М. Неелов, – более того, "дорога" создается "путем". Это особенно наглядно видно в случаях, когда героя ведет волшебный клубочек, шарик или другие чудесные предметы. Где катится клубочек, там и дорога сказочному герою. Вне пути нет дороги, поэтому дорога в сказке может быть проложена везде, где человеку – путь» [14]. Таким образом, как доказывает Е. М. Неелов, «в сущности, герою оказывается безразлично, куда идти... Дело в том, что путь-дорога наугад, куда глаза глядят, всегда приводит героя прямо к цели» [15].

В образе Дороги, соединяющей разные миры Вселенной фантастических повестей В. П. Крапивина, фольклорное начало легко может быть выявлено.

Дорога двенадцатилетнего Матвея Радомира по прозвищу Ежики, героя повести «Застава на Якорном поле» (1989), замкнута: «На Большом Кольце поезда с перрона А идут по часовой стрелке, с перрона Б – наоборот. И никогда не меняют направлений – кольцо есть кольцо» (482) [16]. Транспортное Кольцо – это символ безысходности, замкнутый круг, который держит в плену героя. Снова и снова на Кольце Ежики приводит голос мамы, которую мальчик считает погибшей. Запись маминого голоса объявляет станцию, а однажды произносит новое, несуществующее на Кольце название: «Якорное поле».

Образ кольца, круга лежит в основе выстроенной В. П. Крапивинным Вселенной. Круги, кольца и шары сопровождают героев каждой повести о Кристалле – так или иначе, они всегда имеют отношение к Дороге. Предметы, указывающие путь Ежики, – монетка, на ребре которой надпись: «На Дороге не останавливайся! Через Границу шагай смело!» (557), вишневый стеклянный шар, который Ежики нашел, выходя на таинственную станцию. Игра «в шары» с ребятами на Якорном поле, а при новом возвращении – шар, который оказался в кармане забытой на Поле «капитанки». Оплетенный сеткой полый шар, шар Луны и пушистые шары одуванчиков встречаются Ежики на Поле, на пути к маме.

В «КРАТОКРАФАНЕ» (шутливом «Кратком толкователе крапивинской фантастики») писатель поясняет: «Шар – наиболее совершенная геометрическая форма, созданная природой в трехмерном мире. Видимо, поэтому шары разных размеров часто становятся талисманами, амулетами и носителями волшебных энергий... Дома у автора есть небольшая коллекция шаров и шариков – некоторые из них послужили прообразами тех, что описаны в повестях и рома-

нах» [17]. Говоря о романе-сказке Ю. Олеси «Три толстяка», Е. И. Маркова отмечает: «...игра круглыми и шарообразными предметами... отражает борьбу Космоса и Хаоса... в мифологической картине мира шар есть Вселенная» [18].

Фантастическая Вселенная В. П. Крапивина «завязана в кольцо». Путь сказочного героя подразумевает проникновение «туда», в «чужой» мир, и возвращение домой, «обратно». Это тоже кольцо. В повести «Застава на Якорном поле» герою некуда и не к кому возвращаться: «А там, сзади, что? Лицей, прежняя жизнь» (557). Поэтому Ежики выбирает прямой путь – только вперед, как научил Яшка, но сам путь ребенка к маме – это уже возвращение домой.

В сказке «героя ведет волшебный клубочек, чудесный шарик, ему указывают путь различные добрые помощники. А если их нет, то сама путь-дорога приходит на помощь», – пишет Е. М. Неелов [19]. В повести В. П. Крапивина оказывается, что «Кольцо – тоже Дорога. Думаете, замкнутая, без выхода? Но вот же – вывела на Якорное поле...» (540). Направления пути Ежики не выбирал – «просто ехал, шел, бежал, вот и все...» (580). Дорога сама приходит на помощь герою: она снова и снова «выводит» его на Якорное поле. После двух неудачных попыток найти маму Ежики рассказал все Яшке, космическому кристаллу с душой ребенка, своему «чудесному помощнику». Яшка сказал: «Иди опять. Пробивайся. Две попытки уже было, третий раз, может, повезет... "Как в сказке", – с ознобом подумал Ежики. – Как в сказке, – серьезно отозвался Яшка...» (580) Троекратное повторение действия повторяет сказочное, «при котором, – как замечает Д. Н. Медриш, – последний (в данном случае – третий) этап качественно противоположен всем предыдущим» [20].

Нетрудно сравнить Ежики со сказочным Иванушкой-дурачком: его поступки кажутся бессмысленными, и даже понимая это, герой не останавливается. Надежда найти умершую маму нелепа с точки зрения здравого смысла. Поиски Якорного поля бесполезны, потому что главный диспетчер сказал ему правду: «Послушай, малыш... такой станции нет» (507). Последняя попытка Ежики «прорваться», бросившись под поезд, – совершенно чудовищна с обыденной точки зрения. «А ведь для сказочного героя, для всего строя волшебной сказки как раз и характерно "недоверие к расчетам здравого смысла"», – замечает Е. М. Неелов [21]. Детский и вместе с тем сказочный взгляд помогает Ежики преодолеть слепоту здравого смысла – он упорно добивается своей цели и побеждает.

Сказочному герою, как пишет Е. М. Неелов, «не надо выбирать путь, ибо он предопределен его качествами: злой едет по ложному пути, добрый – по правильному... Поэтому в сказке всегда доброму герою – добрая судьба, злому – злая доля» [22]. Единственное, чем руководствуются положительные герои В. П. Крапивина, замечает

М. Борисов, – «это живое и сугубо эмоциональное чувство правильности избранного пути, сделанного выбора... Они ошибаются, но только не в момент настоящего выбора» [23]. Способность к волевому выбору – это уже психологический, литературный «антураж» образа героя. Тем не менее в повестях В. П. Крапивина, как и в волшебной сказке, «правильно поступает только тот, кто изначально не знает, что делать, кто пребывает в растерянности» [24]. Отправляясь в Дорогу, Ежики просто верит, что «не бесконечен же путь! Куда-нибудь приведет!» (557). И путь героя успешен, потому что для героев В. П. Крапивина, согласимся с М. Борисовым, «главная сила – изначально, сокрытое в человеке Добро, а оно не нуждается в научении» [25].

По словам Д. С. Лихачева, для сказки характерно «отсутствие сопротивления среды, постоянное преодоление законов природы» [26] – это чудо, для объяснения которого привлекается «все "техническое вооружение" сказки: волшебные предметы, помощные звери, волшебные свойства деревьев, колдовство» [27]. В научной фантастике возможность преодолеть законы физического мира объясняется «научными» открытиями и изобретениями. В повестях В. П. Крапивина герои-ученые разрабатывают теорию кристаллического строения Вселенной, в которой наряду с «генеральным меридианом», «темпоральным кольцом», «гипотетическими гранями» важное место занимает Дорога, соединяющая миры и времена.

Как она появилась? «Сама собой, – отвечает писатель в одном из интервью. – Появился Кристалл, появилась Дорога. Юкки появился... Потом они с сестренкой куда-то отправились – появилось ощущение Дороги. Бесконечной Дороги» [28]. На вопрос, что же это такое, ищут ответ герои. «Что такое Дорога? Я не знаю, – говорит В. П. Крапивин, – так же как не знают ученые, живущие в моих книгах. Я знаю только, что Дорога лежит за пределами Кристалла. Она выше и абстрактнее, чем Вселенная, имеющая форму кристалла. То есть, если представить себе Вселенную в виде кристалла, который в конце концов смыкается в кольцо, то Дорога идет вне кристалла по спирали. Спираль обвивает кристалл, но смыкается ли она, или концы уходят куда-то в запределье, я не знаю до сих пор. Функция Дороги абсолютна и милосердна, это последний шанс всякой живой души найти того, кого потерял, что-то исправить, что не сделал – доделать».

Анализируя созданный В. П. Крапивиним образ вселенской Дороги, трудно удержаться от проведения не только фольклорных, но и литературных параллелей – вспомним «лунную дорогу», на которой встретились бродячий философ Иешуа и прокуратор Иудеи Понтийский Пилат в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Однако способ «выйти на Дорогу» герои В. П. Крапивина используют фольклорный. Третьеклассник Филя Кукушкин из повести

«Крик петуха» (1989) осуществляет свой первый полет в сопредельные миры с помощью рыжего петуха, перья которого «отливали всеми оттенками меди, латуни и даже червонного золота» [29]. Как указывает В. Я. Пропп, в сказке золотая окраска существа или предмета «всегда есть признак его принадлежности к иному царству» [30]. Петух, действительно, вылупился из яйца на другой грани Кристалла – в научной обсерватории «Сфера», а в поселок Луговой к Филиппу был занесен в результате неудачного эксперимента. Однажды петух издал «орлиный клич» и взлетел. Как в сказке, где герой путешествует на орле, Филя вцепился в лапы петуха и улетел вместе с ним «через пространственный барьер». По словам Е. М. Неелова, «научное в фантастическом жанре оборачивается сказочным, сказочное – научным, и в этом непосредственно проявляется синтезирующая художественная диалектика научно-фантастической литературы» [31].

На бесконечном множестве дорог Вселенной встречаются герои фантастических повестей В. П. Крапивина. Они знают, что у каждого – «Своя Дорога», своя судьба. «Конец пути-судьбы – это финал сказки» [32], когда никаких дальнейших перемен в жизни героя не предпо-

лагается, «действие всегда и навсегда завершается, персонажи застывают в неподвижности» [33]. В повести В. П. Крапивина «Застава на Якорном поле» ребенок возвращается к матери, и, действительно, добившись счастья, герои «застревают». В повести «Крик петуха» о Ежики вспоминает Витька Мохов: «...хороший, конечно, парнишка. Главное, что счастливый... он не поверил, что мама погибла, пробился к ней, нашел. И вернулись они в свой дом (Хочется добавить: «...и жили они долго и счастливо». – Е. В.), а враги их получили сполна...» [34]

Подводя итоги, скажем, что связь творчества В. П. Крапивина с волшебной сказкой несколько не противоречит научно-фантастическому определению жанра повестей цикла «В глубине Великого Кристалла». Интерпретация научно-фантастических образов и мотивов в сказочном ключе, как показывает обращение к одному из важнейших мотивов – мотиву дороги, оказывается возможной и плодотворной. Нет сомнений в том, что кроме проявлений ярчайшей творческой индивидуальности, таланта педагога и психолога, долгую жизнь произведения В. П. Крапивина дарит и поэтика волшебной сказки, чутко воспринятая художником и получившая новую жизнь в его книгах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 248.
2. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 287.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста... С. 287.
4. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. О русской литературе: статьи и исследования. СПб: Искусство — СПб, 2005. С. 656.
5. Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика. М.: Флинта, 2003. С. 238.
6. Мещерякова М. И. Русская детская, подростковая и юношеская проза 2 половины XX века: проблемы поэтики. М.: Мегатрон, 1997. С. 308.
7. Мещерякова М. И. Русская детская, подростковая и юношеская проза 2 половины XX века: проблемы поэтики... С. 301.
8. Неелов Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 25.
9. Мещерякова М. И. Русская детская, подростковая и юношеская проза 2 половины XX века: проблемы поэтики... С. 316.
10. Мещерякова М. И. Русская детская, подростковая и юношеская проза 2 половины XX века: проблемы поэтики... С. 316–317.
11. Крапивин В. П. Кто сказал, что я пишу для детей? [Электронный ресурс]. Электрон. ст. Режим доступа к ст.: <http://www.rusf.ru/vk/interv/970700.htm>
12. Неелов Е. М. Волшебнo-сказочные корни... С. 25
13. Неелов Е. М. Волшебнo-сказочные корни... С. 23.
14. Неелов Е. М. Волшебнo-сказочные корни... С. 97.
15. Неелов Е. М. Волшебнo-сказочные корни... С. 97–98.
16. Крапивин В. П. Застава на Якорном поле // В ночь большого прилива: Повести. М.: Эксмо, 2006. Здесь и далее ссылки на это изд. в тексте после цитаты. В скобках указана страница.
17. Крапивин В. П. КРАТОКРАФАН. Краткий справочник крапивинской фантастики // Фрегат «Звонящий»: Роман. М.: Эксмо, 2007. С. 659.
18. Маркова Е. И. «Три толстяка» Юрия Олеши как зрелище // Проблемы детской литературы и фольклор. Петрозаводск, 2004. С. 19–20.
19. Неелов Е. М. Волшебнo-сказочные корни... С. 102.
20. Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. С. 22.
21. Неелов Е. М. Натурфилософия русской волшебной сказки: Учеб. пособие по спецкурсу. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1989. С. 56.
22. Неелов Е. М. Натурфилософия русской волшебной сказки... С. 49.
23. Борисов М. Тревожные сказки: [Электронный ресурс]. Электрон. ст. Режим доступа к ст.: http://www.rusf.ru/vk/recen/1998/m_borisov_02.htm
24. Борисов М. Тревожные сказки: [Электронный ресурс] ...
25. Борисов М. Тревожные сказки: [Электронный ресурс] ...

26. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. С. 338.
27. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы... С. 339.
28. Крапивин В. П.: «Кто сказал, что я пишу для детей?» (Интервью взято в августе 1997 года): [Электронный ресурс] Электрон. ст. Режим доступа к ст.: <http://www.rusf.ru/vk/interv/970700.htm>
29. Крапивин В. П. Крик петуха. Повесть // Сказки о рыбаках и рыбках: Повести. М.: Эксмо, 2006. С. 10.
30. Пропп В. Я. (Собрание трудов) Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки: Собрание трудов В. Я. Проппа. М.: Лабиринт, 1998. С. 404–405.
31. Неелов Е. М. Волшебно-сказочные корни... С. 81.
32. Неелов Е. М. Волшебно-сказочные корни... С. 103.
33. Неелов Е. М. Волшебно-сказочные корни... С. 103.
34. Крапивин В. П. Крик петуха... С. 58–59.

УДК 34:1

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ МИХЕЕВ

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
ПетрГУ
mihaniv@gmail.com

МЕТАФИЗИКА БЕСПРАВИЯ

В статье рассматривается проблема бесправия, не получившая должного осмысления в правоведческой и философской литературе. В основном содержании статьи анализируются понятия бесправия, права, правонарушения, беззакония, свободы.

Ключевые слова: философия, право, свобода, бесправие, правонарушение

Бесправие в обычном его восприятии и оценке противопоставляется не только праву, но и свободе. Для такого противопоставления есть социально-исторические, психологические и реально-жизненные основания. В социальном пространстве и в историческом времени отношения между индивидами и группами индивидов, консолидирующимися в силу общности культурно-исторических и социальных предпосылок их жизнедеятельности, в той или иной мере нагружены оппозициями «свобода – право» и «несвобода – бесправие». При этом психологический стандарт восприятия и отношения к данным оппозициям наделяет одну из них, а именно «свобода – право», положительными характеристиками, а другую – «несвобода – бесправие» – отрицательными. Следует подчеркнуть историческую и культурно-региональную обусловленность подобной психологической традиции восприятия и отношения к свободе и несвободе, к праву и бесправию. Ее истоки – в Европе.

История европейских народов и европейской философской мысли, начиная с эпохи Возрождения, неотделима от усилий, направленных на теоретическое, рациональное обоснование и на

практическое подтверждение антропологической значимости и жизненной ценности свободы и права. Из исторической практики борьбы за утверждение свободы и права в социальной и политической жизни европейских народов, стимулируемой и вдохновляемой философскими идеями, проистекает аккредитация свободы и права в сознании и жизни народов, населяющих другие континенты. Наиболее интенсивно и в то же время драматически и подчас трагически процесс признания и утверждения идей свободы и права, их практическая реализация западноевропейскими народами имеет место во второй половине XX века.

Двадцатый век оставил для наступившего нового столетия значительные достижения в международном признании авторитета права и свободы. Философские категории «свобода» и «право» стали мерой достоинства человека, качества его жизни и оценки функциональной роли институтов общества. Прослеживается тенденция к полному отождествлению свободы с правом. Праву отводится роль универсального, единственно реального и действительно значимого регулятора жизнедеятельности человека и общественных отно-

шений современности. В праве видится гарантия свободы человека. Свобода определяется правами человека. При этом подразумевается, что права человека в полной мере исчерпывают свободу самореализации личности и объемлют собою все возможные ее проявления.

Насколько безупречен в теоретическом и в практическом отношении взгляд на свободу человека исключительно с юридической точки зрения? Исчерпывается ли свобода правом?

Что касается теоретической обоснованности обозначенного видения свободы, то здесь можно ограничиться лишь упоминанием позиции И. Канта [1]. Мыслитель, оправданно назвавший себя Коперником в философии, отрицал наличие у человека каких-либо прав, данных ему от рождения и неотчуждаемых от него, кроме свободы. Это можно понимать так, что не права определяют свободу человека, напротив, от его свободы зависит реальная осуществимость его прав и реальный характер правоотношений в обществе. Не от века данные человеку права и не действующее положительное право являются источниками свободы. Они представляют следствия ее утверждения в мире. Свобода предшествует правам. Ее можно и должно мыслить саму по себе, как некое онтологическое призвание человека, как само себя осуществляющее присутствие личности, ее «Я» в мире.

Пути к осмыслению свободы человека могут быть разными. В частности, открываются определенные возможности для выявления характеристик свободы человека как «владельца» свободы, которая растрачивается или приобретается им в пространстве его жизни между правом и бесправием. Задаче такого выявления и посвящена данная статья.

Право существует в двух сферах. Одну из них составляют тексты разного характера, содержания, функционального предназначения и смысла. К таким текстам относятся политические декларации, работы по философии права и теоретические исследования в тех или иных разделах юридического знания.

Другая область, в которой право свидетельствует о себе, охватывает все то, что относится к фактической и действительной жизни человека в обществе. Право призвано быть регулятивным инструментом практических взаимодействий граждан. С правом должны соотноситься и соответствовать ему поступки, поведение, действия каждого отдельно взятого человека. Отношения между людьми не могут полностью отменять или исключать их правовые предпосылки и условия. Попытки этой отмены оборачиваются трагедиями для жизни и судеб не только одного или немногих, но и целых народов. Реально-практическая область существования права, как и все практически значимое, имеет осязаемые преимущества перед текстами. Однако такое преимущество практического и инструментального значения права было бы невозмож-

но без сформулированного права в текстуальном варианте его воплощения.

Важнейшее место в системе текстуального наличия права занимает вся совокупность принятых юридических законов, статей различных видов права: конституционного, уголовного, гражданского, семейного, административного и других. Содержание, язык текстуально воплощенного права не отличаются однородностью. Неоднородность содержания и языка текстов определяется целями и задачами, решению которых они обязаны своим существованием. Книги и статьи по философии права близки по проблематике работам по общей теории права. В них решается одна и та же задача выяснения природы и сущности права. Способы и пути ее решения, однако, в работах по философии и теории права не совпадают. Из этого вытекают расхождения между ними в понимании сущности и природы права, присущие им языковые особенности. Но различия между ними менее существенны, если их содержание и язык сравнить с содержанием и языком статей уголовного или гражданского права. В то же время статьи Уголовного и Гражданского кодексов также свидетельствуют о наличии права разного содержания и назначения. Существование разноплановых и несовпадающих содержательных характеристик права в различных текстах свидетельствует о многомерности права. Разнотенности права, имеющие место в его текстуальном пространстве, не отменяют его единства.

Реальность текстуально оформленного права не носит характера фактического осуществления в мире. Она не свидетельствует и не может свидетельствовать о себе непосредственным образом «вот в этом месте» и «вот в этом дне или часе» своего пребывания и действия. Право в текстах сохраняется в состоянии «готовности и ожидания» вывода его из рамок языка текстов. Оно предполагает иной язык – язык поступков и действий. Оно было бы бессмысленным, если бы оставалось замкнутым в границах текстуального пространства. Право необходимо для жизни человека. Текстуальное пространство занимает место в физическом порядке мироздания. Сущность же его не является физической. В юридических текстах фиксируются свойства не физических объектов, а мысленных предметов. Мысленные предметы не нагружены свойствами и не наделены энергиями физических тел. Им свойственно аккумулировать в себе знания, ценности, смыслы, правила, ориентирующие жизнедеятельность человека. Данные предметы занимают место, определенное мыслью и языком. Они не определяются пространственным местоположением и временем. Их существование, конечно, определенным образом соотносится с историческими условиями. Но не условия сами по себе дают им текстуальную определенность. Их источником, их «родительницей» является мысль. Поэтому мысленные предметы, объективирован-

ные в языке текстов, обращены к сознанию и разуму человека. Человеку даны способности понять, оценить и принять смысл и значение права. Через реализации данных способностей в социальных отношениях и деятельности человека право приобретает жизненную силу. Смысл и значение права «в силу этой силы» перестают быть скрытыми в языке текстов. Они становятся достоянием и достоинством жизненного мира человека. Право текстуальное, введенное в жизненный мир в соответствии со своим собственным смыслом и значением, продуктивно. Оно содействует удержанию жизненной стихии в границах свободы, определенной правом.

Право по существу своему есть «внешняя свобода, определенная законом» [2]. Оно может пониматься также как «внешняя свобода, предоставленная и ограниченная нормой» [3]. Свобода личности составляет «основу права» [4]. Однако свобода личности не исчерпывает всей сущности права. Право по своему назначению должно обеспечивать в исторически изменяющихся условиях общественной жизни «равновесие двух интересов: интереса личной свободы и интереса общего блага» [5].

Внешняя свобода, соответствующая праву, это всегда свобода определенных действий, поступков и поведения. Вместе с тем свобода по праву не допускает других, тоже определенных действий, поступков, поведения. Защита свободы, данной индивидам правом, есть одновременно защита общего блага. Внешняя свобода личности должна отвечать интересам общего блага защиты жизни каждого человека. «Юридический закон поддерживается принудительной властью. Если бы юридический закон не был бы принудительным, то внешняя свобода была бы лишена защиты – была бы жертвой случайных произволов сильнейших» [6].

Практическая жизнь и социальные взаимодействия индивидов тяготеют не только к внешней свободе, определенной в положительном праве, но и к независимости от этой свободы. Стремления индивидов быть в своих действиях нестесненными ограничениями, содержащимися в законах и нормах права, есть проявление метафизического смысла свободы человека. Действия, осуществляемые в абсолютной независимости от свободы, определенной в положительном праве, способны привести к утверждению абсолютного торжества зла на земле. Задача права и определенных им границ индивидуальной свободы состоит в том, чтобы лежащий во зле мир «до времени не превратился в ад» [7].

Бесправие в реальной жизни принадлежит не последняя роль. Оно может приобретать в ней значительное влияние. В определенных исторических условиях масштабы вторжения бесправия в жизнь приобретают всеобъемлющий характер. Торжество бесправия в таких масштабах означает полное устранение из социального пространства жизни свободы, основанной на

правовых нормах. Вытеснение из жизни свободы, гарантированной юридическими законами и нормами, отменяет границу между тем, что дозволено и не дозволено. Юридические запреты на определенные действия лишаются практического влияния на индивидуальную психологию и массовое сознание. Могущество и силу приобретает власть омертвляющих жизнь идеологических догм фанатической ненависти и насилия. Социальный контекст личностного существования превращается в арену произволов, соответствующих данным идеологическим догмам. Личностное инициирование коммуникативных взаимодействий отменяется. Поступки индивидов допускаются лишь в порядке их соответствия социальному контексту политического единства, не допускающего индивидуальных различий. Любые индивидуальные инициативы, не согласующиеся и вступающие в противоречие с социальным единством, подлежат осуждению, порицанию и пресечению. Социальный контекст функционирует как реализация монолитного единства индивидуальных волей, поведения, ценностей.

Всеобъемлющая принуждающая власть жизни за границами ее правовой регламентации являла себя в истории неоднократно. Наиболее близкое к современности ее восшествие в мир социального бытия относится к двадцатому веку. Подобная власть засвидетельствовала себя в тоталитарных государствах прошлого столетия. Одной из главных их особенностей было изгнание права из жизни и дискредитация ее правовых основ, которые в тоталитарных государствах сохранялись лишь на бумаге. Конституция, принятая и опубликованная в СССР, была адекватной двум основным идеям права – идеям свободы и справедливости. В действительности же она не обеспечивала защищенность индивидуальной жизни человека. Под ее прикрытием подвергались унижению, издевательствам и насильственной смерти представители всех слоев населения. Индивидуальная жизнь приобрела гарантированность встречи с насильственным ее пресечением. Известное изречение «Нет человека и нет проблемы» символизирует торжество незащищенности и негарантированности человеческой жизни правом.

Реальная действительность, в которой отсутствуют механизмы обеспечения права человека на жизнь, есть воплощенное торжество бесправия. Торжество бесправия ничего общего не имеет ни с идеей свободы, ни с идеей справедливости. Бесправие словно насмехается над этими идеями. Оно утверждает себя как господство над правом, над его законами. Право находится в состоянии узника, на которое его обрекает бесправие. Оно сохраняет свое существование исключительно в пространстве текста. Ему отчасти отводится место в сознании тех, кто способен воспринимать тотальное бесправие как реальное воплощение социального абсурда. Торжество чумы бесправия в прошлом веке все же (или

еще) не носило вселенского характера. Всеобъемлющее бесправие оставалось тогда замкнутым в границах государственно-территориальных образований. В социальных системах, не пораженных таким бесправием, право сохраняло свою жизненную силу и власть. Однако всеобъемлющее бесправие тяготеет к масштабам вселенского господства.

В тоталитарных государствах полностью отсутствовали реальные возможности для правоприменительной практики. Господствующие в них политические режимы являли собой царства тотального бесправия. Такого рода бесправие соответствует всепроникающее принудительное регулирование жизни человека и всех общественных институтов.

Для принудительного и всеобъемлющего способа государственного вмешательства в частную жизнь граждан любая самодеятельность личности становится опасной и вредной. Личная свобода воспринимается как преступление, требующее наказания. Индивиды в тоталитарном государстве являются гражданами по названию, но не по существу. Гражданин – это лицо, которому право предписывает определенные обязанности. Право вместе с тем не превращает его исключительно в субъекта обязанностей. Гражданин – это лицо, обладающее определенным кругом правомочий. В тоталитарном государстве «гражданин» становится исключительно субъектом обязанностей и объектом распоряжений. «Это не государство, в котором есть граждане, законы и правосудие, это **социально-гипнотическая машина**» [8]. Общество и люди, управляемые такой машиной, вынуждены жить в состоянии перманентного страха. Источником его является не только и не столько бесконтрольная власть государства, сколько монополия политической партии, насаждающей свою идеологию. В обществе царит безжалостная диктатура идеологических и организационных партийных структур. Средствами осуществления тотального господства партийной идеологической машины становятся вездесущий сыск и слежка, доносительство и насилие. При этом физическое насилие становится необходимым следствием отрицания права индивидов на внутреннюю свободу. Достоинства человека определяют партийная, классовая или национальная принадлежность, демонстрация идеологической лояльности и готовность подтвердить ее любыми способами и средствами. *Тотальное бесправие есть не знающая пределов независимость государственно-политических институтов и жизни человека от права и гарантированной им свободы.*

По логике вещей, тотальное бесправие, приобретая независимость от права, утверждая полнейшую несвободу в социальном пространстве жизни, само по себе становится автономным. Позволю себе в данном месте воспользоваться таящимся в русском слове «бесправие» сокровенным его смыслом. Данное слово без особых

насилий над его языковой тканью позволяет преобразовать его одновременно в глагол и существительное. В таком случае бесправие есть там, где «бес правит». Если же выйти за рамки филологии и обратиться к традициям русской религиозно-православной культуры, то в ней признается, что бесы действительно могут управлять поведением и сознанием людей.

Обращает на себя внимание, что тексты, в которых тема бесправия обсуждается специально, являются исключительной или даже абсолютной редкостью. Встречаются отдельные экскурсы в проблематику бесправия. Они обозначены в текстах по философии политики. Особенно они свойственны авторам, работы которых как раз посвящены рассмотрению природы и генезиса тоталитарных режимов двадцатого века. Подобного рода экскурсы имеют место в работах «Истоки тоталитаризма» Х. Арндт [9], «Демократия и тоталитаризм» Р. Арона [10], «Открытое общество и его враги» К. Поппера [11], «Дорога к рабству» Ф. А. Хайека [12]. Бесправие как феномен, противостоящий правовым началам жизни, в исследованиях по философии права и по общей теории права не находит должного внимания. Работы по правоведению и философским вопросам права, в которых тема бесправия была бы самостоятельным предметом, в библиотечных каталогах не выделены в самостоятельную рубрику, вероятно, потому, что их нет.

Косвенным признанием существования проблемы бесправия в юридических текстах являются нормы различных видов положительного права. В кодексах указывается ответственность и наказание за правонарушения. Все, что определяется в правовых нормах как противоправное деяние, следует отнести к тому, что заслуживает быть сведенным к термину «бесправие».

Между феноменом бесправия и правонарушениями нет тождества. Правонарушения любого рода, характера и свойства остаются именно тем, что заслуживает обозначения соответствующим им термином. Нельзя назвать бесправием какой-либо единичный, частный акт нарушения права. Нельзя потому, что этого не позволяет русский язык. Правонарушения – это то, что относится к достоверной фактичности. Они всегда свидетельствуют о себе в неповторимой ситуации отрицания жизненной власти и силы права. Правонарушения не отрицают и не могут отрицать жизненного значения права. Главное жизненное значение права, присущая ему жизнеутверждающая миссия состоит в том, чтобы «организовать мирное и справедливое сожительство людей на земле» [13].

Единичное правонарушение подлежит юридической санкции. Ни одна норма или закон положительного права не предусматривает ответственности за бесправие. *Бесправие несет в себе отрицание значения права.* Санкций за отрицание значения права нет потому, что оно несводимо к наличным формам правоприменительной

практики. В ней, по ее основному призванию и назначению, должна защищаться власть и сила юридического закона. Но если в правоприменительной практике не реализуется ее назначение, то, несмотря на это, значение права не отменяется и не упраздняется. Нельзя устранить из жизни право людей на мирное и справедливое существование и взаимодействие. Именно в этом отношении право сохраняет свое значение независимо от его практической эффективности в реальной правоприменительной практике.

Бесправно почти не отводится места в юридических текстах потому, что оно «растворяется» в подвижных и разнообразных правонарушениях. В их изменчивой и многообразной фактичности исчезает метафизическая смысловая энергия бесправия, его соблазны, призывы и повеления. Не физическая, не природная, а метафизически-смысловая энергия бесправия протекает из свободы человека. Бесправие вторгается в жизненный мир людей, придает его событиям катастрофический или трагический характер. В свободе дана человеку возможность следовать правовым ограничениям свободы и выходить за ее пределы, служить бесправно и испытывать его власть над собой.

Юридические нормативные и законодательные документы направлены именно на то, чтобы четко обозначить «болевы точки» социального бытия. Они нацеливают правоприменительную практику на работу в фиксированных точках случаев правонарушений. Однако бесправие не только воплощается в правонарушениях, свидетельствующих о нем.

Бесправие предшествует правонарушениям. Не оно вытекает из них, напротив, правонарушения есть следствия бесправия. Им задаются и санкционируются противоправные деяния. Они ведут к тому и свидетельствуют о том, что скрывается за ними. Бесправие направляет человека своими путями к правонарушениям. Оно укореняется в практической жизни через правонарушения и противоправные акты. Для того чтобы данные акты получили свое воплощение, уже должно существовать то, что их предполагает и из себя вводит в мир повседневности.

Бесправие не может быть полностью выражено единичными фактами противоправных деяний и не исчерпывается ими. Действительность социального мира открыта перспективам бесчисленных и неповторимых вариаций правонарушений. Бесправие представляет собой некий обобщенный или собирательный их образ, понятийно и терминологически выраженную в них сущность.

Правонарушения случаются. Бесправие не относится к разряду единичного, случающегося явления. Оно может, правда, случиться, но не как отдельно взятое явление. Ведь отдельно взятое явление, в котором присутствует бесправие, имеет неотторгаемое от него имя. Оно не обозначается термином «бесправие». В качестве

отдельно взятого явления бесправие случается в особом порядке, когда оно снисходит в жизнь с высоты свойственной ему метафизической природы. Бесправие тогда объемлет собою всю принадлежащую и неисчерпаемую многообразность фактов той или иной социальной системы. Как некий всеобъемлющий мир социальной действительности оно продуцирует возможности и сопровождает реализацию самых жестоких форм поведения и действий людей. В случившейся фактичности бесправия достигается временная тождественность внешней дробности правонарушений с их нефактичным основанием. В этой временной тождественности бесправия себе самому вся наличность событий социальной системы пропитана бесправием. Если оно явило себя в виде наличной фактичности, то бесправие обязательно становится тотальным.

Тотальное бесправие способно показать и засвидетельствовать себя только в полнейшей чистоте свойственного ему разрушительного могущества. Оно устраняет из жизни право, а вместе с ним и противоправные деяния. Его фактичность исчерпывающе достаточна и потому не дает оснований для определения противоправности каких-либо действий. Тотальное бесправие вытесняет из жизни правонарушения. Это обуславливается тем, что единичным поведенческим актам людей оно предписывает необходимость соответствовать своей собственной действительности. Все действия и поступки индивидов, соответствующие бесправно, утвердившемуся в виде фактичности, не могут без насилия над языком называться противоправными. Они могут быть названы, в соответствии с формальным законом тождества, бесправными, но никак не противоправными.

Противоправные действия соотносятся не вообще с правом, а с нарушениями определенных правовых норм или законов. Они могут мыслиться и как противодействия в целом праву или идее права. Но в этом случае необходимо абстрагироваться от конкретных, единичных противоправных действий. Адекватным выражением подобного рода абстракции будет термин «беззаконие». Беззаконие заключается в том, что юридические нормы и законы «не работают». Они оказываются бессильными и неспособными защитить себя и утвердить свою власть над внешними действиями и социальным поведением индивидов или их консолидированных объединений и групп. Беззаконие и его распространение являются свидетельством отсутствия воли государственной власти к защите законов и норм положительного права. Беззаконие также указывает на неблагополучие всей правоохранительной системы, на наличии в ней не отвечающих ее сущности и назначению признаков. За всем этим скрывается и проявляет свою власть бесправие. Не беззаконие порождает бесправие. Оно является следствием бесправия.

Возникает вопрос о пристанище и «обителях» бесправия. Ответ надо искать в душе, в психоло-

гии и в сознании человека. Бесправие не порождает некая внешняя для человека сфера: общество, политическая власть, социальные институты и тому подобное. *Бесправие укоренено в человеке, в его свободе.* Бесправие есть феномен особого рода свободы человека, свободы к злу или свободы во зле. Бесправие следует мыслить в отрицательном моменте проявления свободы. Оно есть свобода «от» или *независимость «от»* свободы, вменяемой индивидам правом. Отрицательная свобода бесправия, укорененная в человеке, «выходит в свет», приобретает достоверность наличной фактичности, преобразуясь в противоправные действия, в бессилие законов и норм положительного права. Она есть утверждение свободы человека, освобождающего себя от свободы, данной в нормах права и ограничивающей его «свободные» притязания. Бесправие поэтому следует понимать именно как отрицание или независимость от свободы, соответствующей идее права и ее практическому нормированию положительным правом.

Тема и проблема свободы человека занимает одно из центральных мест в философии Нового времени, в классической немецкой философии. Она является одним из основных предметов размышлений философов, олицетворяющих наиболее влиятельные направления западноевропейской мысли двадцатого века.

В экзистенциальной философии понимание свободы на первый взгляд трудно согласуемо со свободой, заданной и определенной правом. Отметим самое общее видение смысла свободы в экзистенциализме Ж.-П. Сартра [14]. Свобода есть персональный выбор поступка и поведения, независимый от предпосланной ему какой-либо природы или сущности личности. Свобода воплощается в соответствующем ей выборе, то есть в таком, который лишен предворяющих его причин и условий. Поэтому свобода мыслится как отсутствие оснований, с которыми бы согласовывались решения личности. Для того чтобы личности быть свободной, ей необходимо понять и осознать, что выбор поступка и сам поступок зависят только от нее. Ответственность за них она не может и не должна перекладывать на какие-либо внешние условия, обстоятельства и причины. Свобода есть независимость личности от соображений выгоды и пользы, от соответствия традициям и общепринятым, массовым образцам поведения. Свобода – это риск, это шаг в пустоту, который позволяет личности заполнить эту пустоту *своим* присутствием, *своим* выбором *своего* поступка.

Свобода мыслится при этом только в личном ее самоутверждении и самоосуществлении. Социальный контекст, мир социального пространства жизни ставятся в зависимость от поступка личности, определенного ее личностным разумом. Смысл личностного бытия видится в независимом, свободном от общества определении смыслового горизонта своей судьбы как

свидетельства неповторимого личностного присутствия в мире.

Экзистенциальное видение свободы в личном способе определения смыслового горизонта индивидуальной судьбы в каждом отдельно взятом поступке личности обладает неоспоримыми достоинствами. Такой подход к пониманию свободы вместе с тем встречается с вопросами о возможности личности быть абсолютно автономной в выборе своего поступка и вытекающей из него индивидуальной судьбы.

Строго и последовательно рассуждая, мы должны признать, что социальный контекст изначально присутствует в мире разума и индивидуальном самоопределении личности. Этим неотделимым от личности контекстом является язык. Жизненный мир человека, все существующие в нем различия и структурная упорядоченность изначально укоренены в языке. Язык сопровождает человека во всех его отношениях, намерениях и действиях. Именно через посредничество языка они приобретают определенность и для самого лица, их осуществляющего, и для других лиц. На мир, на себя и на других людей человек смотрит не столько физиологическим органом зрения, сколько языковой определенностью того, что он видит [15]. Каждый предмет, изменяющиеся ситуации событий и действий, которые привлекают его внимание, озвучены, выделены, определены и обозначены терминами естественного языка.

Определенности восприятия мира через «языковые очки» предписаны человеку «по вedomству его жизни в обществе». Изначально человек, думающий и сознающий, «благодаря уже бытовому языку, СОЗНАЕТ НЕ ОСОЗНАВАЯ» [16]. Иными словами, во всех предметах, с которыми человек взаимодействует, содержится то, что принадлежит ему как сознательному существу.

Язык может не осознаваться человеком в качестве особой реальности. Независимо от этого, язык существенно влияет на его жизненный мир и на его сознание. Собственно и любой, самый свободный личностный выбор осуществляется в сопровождении его языкового оформления. В этом смысле абсолютно независимые выбор и поступок имеют в себе социального соучастника. Социальный контекст в той или иной степени сопутствует или противостоит личностному присутствию в мире. Однако и в первом, и во втором случае отношения к личностному присутствию в мире социальный контекст не может быть абсолютной «пустотой» для личностного самоопределяющегося выбора своего поступка или поведения.

Составным элементом социального контекста является правоприменительная практика с ее специфическим языком юридических норм и законов. Личностный выбор, совершенный в своей свободе, не обязательно вписывается в наиболее совершенную правоохранительную систему и практическое ее применение. Кроме того,

такой выбор, осознанно осуществляемый с пониманием вытекающей из него юридической ответственности, может быть направлен против права. Это означает, что личностная свобода отрицает гарантированность свободы всех и каждого, предоставленную и обеспеченную положительным правом. Свободный выбор и свободный поступок не исключают возможности быть проявлением свободы зла. Нельзя не согласиться с В. В. Зеньковским в том, что «свобода – великий, но и страшный дар, без него не цветет, не раскрывается личность, но в свободе же источник всех трагедий, всех испытаний человека» [16, 35].

Корни и истоки бесправия, как и права, уходят в мир свободы человеческих побуждений, в возможности и условия их реализации в социально-культурном пространстве человеческого бытия. «Встречи» стремлений людей с внешними условиями (социальными, экономическими, политическими, нравственными, правовыми и бытовыми) их удовлетворения не могут быть полностью лимитированы этими условиями. Поэтому сколь бы совокупная власть внешних условий не подавляла и не ограничивала индивидуальные и автономные стремления людей, они все-таки сохраняются в тех или иных формах. И, напротив, даже самые благоприятные внешние условия, создающие широкий простор для проявлений индивидуальных и автономных притязаний, не устраняют зависимости и подчиненности человека условиям, которые для него оказываются предпочтительными.

Между людьми и совокупностью внешних условий их жизнедеятельности существуют отношения взаимозависимости и взаимообусловленности. Такие зависимости не отменяют и возможностей реального существования человеческих побуждений к поступкам, радикально не соответствующих внешним условиям. Определенно выраженное противостояние поступков и действий индивидов наличным условиям мо-

жет быть направлено на преодоление существующего беззакония. Но оно же может быть подчиненным утверждению беззакония и отрицать власть закона, не считаться с законом и игнорировать его. Здесь следует видеть два противоположных отношения к юридическим предпосылкам жизни. Определение их по признаку, разделяющему их на свободные и несвободные, вряд ли следует признать корректным.

Альтернативные отношения к юридически нормированной свободе могут быть проявлениями индивидуальной свободы. Свобода при этом распадается на два ее вида: на свободу в рамках права и на свободу за его пределами. Свобода вне границ, определенных правом, является сомнительной независимостью от жизненного значения права. Оправданно видеть в подобной свободе не освобождение от ограничений, а напротив, попадание «Я» личности в принуждающую и рабскую зависимость. Свобода как источник бесправия, независимости от права не является подлинной свободой личности. Тем не менее лица, субъективно движимые стремлениями к независимости от права, воспринимают такие побуждения как проявления свободы своего «Я». Подобное восприятие свободы соответствует замкнутому миру психики и сознания личности. Они выражают ее стремление подняться или «взлететь в высь без широты кругозора» [18].

Неподлинная свобода есть зависимость нашего «Я» от побуждений и страстей. Она есть следствие неспособности личности управлять своими душевными состояниями. Свобода самоопределения личности в мире требует, «чтобы не все этим "я" было для себя же позволено» [19]. Подлинное самоопределение личности в мире невозможно без «самообуздания» стремлений к действиям, отрицающим право. Убеждение в том, что разум человека есть единственный источник «самообуздания», как полагает автор статьи, требует критического переосмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Критика практического разума. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. 630 с.
2. Чичерин Б. Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 83.
3. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб.: Юридический институт, 1988. С. 30.
4. Соловьев В. С. Право и нравственность. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 18.
5. Соловьев В. С. Право и нравственность... С. 18.
6. Чичерин Б. Н. Философия права... С. 83.
7. Соловьев В. С. Право и нравственность... С. 454.
8. Чичерин Б. Н. Философия права... С. 95.
9. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
10. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
11. Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
12. Хайек Ф. А. Дорога к рабству // Фридман и Хайек о свободе. Минск: Полифакт-референдум, 1990. 126 с.
13. Ильин И. А. О сущности правосознания / Ильин И. А. Соч.: В 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 154.
14. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Сартр Ж.-П. Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. 396 с.
15. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
16. Якобсон Р. В поисках сущности языка: [Электронный ресурс]. Режим доступа к ст.: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/sinn/jacobson.htm>
17. Зеньковский В. В. Проблема воспитания в свете христианской антропологии. М.: «Школа-Пресс», 1996. С. 35.
18. Бинсвангер Л. Экстравагантность: [Электронный ресурс]. Режим доступа к ст.: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/verstiegenheit.htm>
19. Франк С. Л. Реальность и человек. СПб.: РХГИ, 1997. С. 309.

УДК (091)130.2

ЛИЛИЯ ИВАНОВНА КАБАНОВА

кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры философии ПетрГУ
lila31@yandex.ru

МОТИВ ЦЕЛОСТНОСТИ В РУССКОЙ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В статье затрагивается тема, предопределившая основные особенности и специфику отечественной мысли, – тема целостности. Автор ставит перед собой задачу связать указанную тему с одной из самых острых философско-гуманитарных проблем современного человека – проблемой самоопределения.

Ключевые слова: идентичность, целостность, Всеединство, русская философия

В 2008 году Институт философии РАН планирует организовать проект с символическим названием: «Человек в лабиринте идентичностей». Ведущие специалисты Института философии признают, что проблема самоидентификации является одной из самых острых философско-гуманитарных проблем современного человека. Размышления на эту тему стали поводом для написания настоящей статьи, но речь в ней не будет идти о поиске выхода из «лабиринта», который с таким усердием выстроен современным человеком (и не в каком-нибудь мифологическом пространстве, а непосредственно в пространстве сознания, на его собственной, интимной территории). Автор коснется истории одной «навязчивой» для русского сознания и русской философии темы, предопределившей и ее основные особенности, и динамику ее развития, и наше сегодняшнее размышление о поиске идентичности или целостности в ситуации отсутствия мировоззренческих ориентиров в обретении этой самой целостности. Данная ситуация делает актуальным обращение к теме целостности в русской философской мысли. Следует оговориться,

что перед нами не стоит задача представить панорамный охват всех имеющихся взглядов и подходов к этой теме, что могло бы стать темой отдельного серьезного научного исследования. В рамках небольшой статьи мы выделим лишь некоторые аспекты интересующего нас вопроса.

Отсутствие ориентиров не означает еще, что ситуация безнадежна. Несколько столетий назад, в конце XVIII века, она выглядела более безнадежной с точки зрения осмысления и понимания экзистенциально значимых проблем человека. В то время еще только зарождалась где-то в недрах литературного творчества русская философская мысль и у нее впереди целая «история» – наша общая, между прочим... единая для всех русских. Великий гений Пушкина. В нем, отмечает Зеньковский, «русское творчество стало на собственный путь <...> уже связав себя в свободе и вдохновении с самыми глубинами русского духа, с русской "стихией" <...> XIX век открыл философское дарование у русских людей. Россия вышла на путь самостоятельной философской мысли» [1]. До этого светлого события – длительный период молчания русской

мысли, дремотный сон спонтанного миропонимания. Вплоть до XIX века философские запросы находят свое разрешение в различных формах религиозного миропонимания: подвижничество, нравоучительная литература, религиозное творчество. Философская мысль впервые зарождается в сфере художественной, и это обстоятельство делает русскую философию в некотором роде восприимчивой тех идей, что первоначально выкристаллизовываются в русской литературе. После Пушкина наиболее значимое влияние на формирование русской мысли оказали Гоголь, Толстой и Достоевский. Они обогатили русскую культуру философским движением и задали тон для развития идей, имеющих глубокий онтологический смысл.

Проблема целостности оказалась в центре внимания отечественных мыслителей. Из устремленности русской мысли к Целому или к Абсолюту возникнет заинтересованность темой человека и его судьбы. Утвердится идея о том, что исключительно в контексте устремленности к данной и заданной целостности раскрывается смысл и значение человеческого существования и его экзистенциальной значимости. Мотивом целостности пронизана вся история русской мысли (от Гоголя, Толстого и Достоевского до славянофилов, Вл. Соловьева и русской религиозной философии). В основании ряда философских исканий окажется тема противостояния индивидуализму. Первым свою критику индивидуализма развивает Чаадаев, причем через понятие, которое, казалось бы, и ведет к индивидуализму и персонализму. Это понятие свободы. Свобода человека, согласно Чаадаеву, должна быть ограничена чувством Бога (высшего, мирового сознания, управляющего ходом истории), иначе свобода может представлять разрушительную для человека силу, ведущую его не к добру, а ко злу. Причиной такого искаженного направления свободы, по Чаадаеву, является индивидуализм. Данная тема станет основополагающей и в философии ранних славянофилов – Хомякова, Киреевского, Самарина, Аксакова, но в отличие от философии Чаадаева она будет рассматриваться в экзистенциальном и антропологическом аспектах, а не в историософском.

Славянофилы отмечают два возможных пути в развитии культуры и личности. Один путь (разрушительный, присущий, по их мнению, западной культуре) связан с процессом индивидуализации, обособления, а второй (созидательный, к которому и устремлена русская культура) – с процессом самоограничения во имя высшего целого – общины, Церкви. Критика индивидуализма в философии славянофильства разрабатывается в духе соборного сознания, идея которого по сути своей онтологична. Хомяков, исходя из идеи церковного сознания, разрабатывает учение о личности, в основе которого – отказ от принципа индивидуализма. Личность для Хомякова возможна только в общем, социальном

целом, а без этой общности (приобщенности к Церкви) она не может раскрыть себя во всей полноте и силе. Образцом социального целого для Хомякова, как и для других славянофилов, выступают «община» и Церковь. Путь человека к целостности – тот же, что и путь к церковному сознанию. В необходимости выбора пути заключается причина трагизма человеческой жизни.

Философия славянофилов подготавливает почву, на которой затем развивается онтология Соловьева и его учение о Всеединстве, обозначившее тематику и тональность всех важнейших философских построений рубежа веков. В основе метафизической мысли Соловьева лежит идея некоего Абсолюта, того, что уводит человека от грубой действительности в совершенно иной срез бытия, в котором торжествует идея добра, истины и красоты. Идея единства добра, истины и красоты, или идея Всеединства, приобщает человека к пониманию целого и единого. Частное бытие идеально лишь тогда, когда не отрицает всеобщего, а дает ему место в себе, а общее идеально в той мере, в какой оно дает место частному: «Различение между идеальным, т. е. должным, бытием и бытием недолжным <...> зависит вообще от того или иного отношения частных элементов мира друг к другу и целому» [2]. Они (эти элементы) не должны исключать друг друга и одновременно не должны исключать целого, то есть утверждать свое частное бытие на единой всеобщей основе. Ложь, зло и «всякое безобразие» являются показателями нарушения взаимной солидарности и равновесия частей и целого. Соловьев поясняет, что критерий идеального бытия есть наибольшая самостоятельность частей при наибольшем единстве целого.

Идея Соловьева о Всеединстве задавала тон последующим философским размышлениям. На первый план выходит проблема смысла: смысла жизни, смысла истории, смысла любви... Смысло-жизненная проблематика становится характерной не только для представителей русской религиозной мысли, что было для них органично и закономерно, но захватила собой и представителей русской культуры с секулярным сознанием, например А. Белого. Для подтверждения сказанного обратимся к некоторым размышлениям русского религиозного философа Е. Н. Трубецкого и представителя русского символизма А. Белого. Как мы уже заметили, мотив целостности выходит у них на первый план.

Трубецкой, опираясь на учение Соловьева о Всеединстве, раскрывает значение слова «смысл». Он поясняет, что смысл – это безусловная, общезначимая мысль, которая носит всеобщий и необходимый характер и потому является истинной. Он наделяет смысл онтологическими качествами: смысл обладает свойствами необходимости и всеобщности, он неизменен и неподвижен, сверхвременен, всегда облечен в форму вечности и постигается (о-сознается) только в сознании человека. Приобщиться к единому и для всех

обязательному смыслу – значит познать истину Бытия. Мысль же, неспособная стать общезначимой, обозначается Трубецким как бессмысленная.

С аналогичными выводами сталкивает нас философия А. Белого. Он отмечает, что основной чертой нашего времени является отсутствие опыта целого, что влечет за собой потерю жизненного смысла, заставляет задуматься о бессмысленности происходящего. Немаловажную роль в формировании подобного настроения играет современная философия, которая, по мысли Белого, «не отвечает на вопрос о жизненном смысле» [3], но является знанием о знании. Смещение центра философии к мышлению о мышлении сузило область ее притязаний на целостность. По мере того как философию захватила гносеологическая проблематика, вопросы о смысле переместились к способам логических манипуляций с суждениями, умозаключениями и понятиями. Если мы озаботимся вопросом о смысле жизни, то философия может ответить на это следующим образом: «...если вы будете строить так-то и так-то, то вы получите ответ о жизненном смысле такой-то, а если вы будете строить так-то и так-то, то вы получите другой ответ. Стало быть, вы получите столько ответов о жизненном смысле, сколько есть основных форм познавательных <...> Смысл бессмысленен, законы, вопросы о смысле стали в современной философии бессмысленными» [4]. В рамках научно-теоретических рассудочных смыслов человеческое «Я» тоже теряет свой смысл, потому что из «Я» становится субъектом познания. Философия, понимаемая когда-то как путь, превратилась в «беспутицу», в каталог научных, религиозных, этических и других тропинок человеческого познания, которые, чем более каталогизированы, тем более доступны и понятны. В этом каталоге человеческих устремлений не остается места самому ищущему «Я». Оно попросту выпадает ввиду невозможности его каким-нибудь образом каталогизировать, теряться, как мы отметили, в лабиринте идентичностей.

Важным итогом философской рефлексии о целостности стала выработка определенных мировоззренческих ориентиров, которые были призваны помочь человеку определиться в мире. Была сформирована метафизическая ориентация мысли в русской культуре, препятствовавшая всеохватному распространению утилитаристского, позитивистского типа мышления. Хорошо понимая, что распространение позитивистского мировосприятия может поставить под сомнение саму возможность онтологического измерения культуры и человека в ней, русские мыслители предупредили о нависающей над человеком опасности потеряться, не найти себя в мире вне опыта обретения целостности.

Немаловажно то, что данная линия мысли нашла продолжение в текстах современных русских философов. Это означает, что мотив целостности не утратил своей актуальности в современ-

ной культуре, но приобрел дополнительный смысл. Для подкрепления этих выводов обратимся к некоторым размышлениям В. В. Библихина. В основе его текста «Русская мысль» – размышление о мире. Тема мира – это продолжение вопрошания об опыте обретения целостности. Наряду с географическим пространством есть еще и пространство мира, требующее своего осмысления, понимания, видения, некоего герменевтического истолкования. Интерес к теме мира продиктован недостаточным вниманием к этой теме со стороны тех, кого этот мир собственно приютил, то есть всех нас. Библихин обращает внимание на то, что для современного человека почти все стало проблемой, кроме проблемы мира. Этой проблемы вовсе не существует: «У нас слишком много хлопот в мире, чтобы и мир еще тоже надо было искать» [5]. Легкое отношение к тому, что дается, как кажется многим, *просто так*, порождает ту безутешность мысли, при которой уже не утруждаешь себя необходимостью поиска мира.

Действительно, если бы мир стал проблемой, многое, возможно, изменилось бы. Ведь о существовании проблемы свидетельствует только некое внутреннее беспокойство или обеспокоенность. Но не повседневное, суетное, утилитарное беспокойство, а беспокойство миром. Разница между беспокойством повседневным и беспокойством миром заключается в том, что первое все дальше отодвигает человека от мира, когда «в нас самих мы не видим мира» [6], а второе заставляет задуматься и понять, что все, что ты есть, – это действие мира. Понимание этого заставляет изменить свое отношение к миру или хотя бы признать его первостепенную важность наряду с другими, конечно же, очень важными вещами в жизни человека. Думается, только такая позиция может помочь человеку справиться с двойниками внутри себя и обрести желаемую целостность.

По мнению Библихина, русских всегда влекло к фундаментальным метафизическим ценностям мира. Эти ценности соразмерны русским. Может быть, неосознанно, может быть, ввиду территориального размаха и соответствующего ему размаха души. Душа столь широка, что способна вместить в себя многое. Например, страдание. Когда мы слышим о том, что Россия «многострадальная» страна, мы, наверное, не очень хорошо понимаем, что многострадальность для русских – это тот единственный способ бытия в мире, который стал нашей устойчивой традицией. Библихин связывает тенденцию к вечному страданию и долготерпению с так называемой «встроенной метафизикой» [7] в общественном устройстве. Со своей стороны нам хотелось бы добавить, что речь может идти об использовании этого понятия применительно к русской душе. Эта встроенная метафизика имеет черту отрицания способности человека устроить на земле своими средствами самого себя. Долгий опыт

неустроенности, неуместности (о чем уже лучше, чем Чаадаев, не скажешь) и еще... какой-то тихий безропотный жест русского крестьянина, который машет рукой на все это и идет пахать землю, ибо, если он этого делать не будет, то на следующий год вся его семья вымрет от голода, как раз в то время, пока устраивается и никак не может устроиться русская земля. Может быть, это тоже проявление «встроенной метафизики» в русской душе? Тотальное неверие в происходящее, в обстоятельства жизни и одновременное движение к миру, порядку, к осознанию того, что человек и его душа прежде всего (то есть раньше) принадлежат миру, целому, чему-то превос-

ходящему и непостижимому, а потом уже и всему прочему.

Подводя итог, подчеркнем еще раз, что основная миссия метафизической линии мысли в русской философии заключается в обеспокоенности темой целостности или мира. Мир, как пахотное поле, только и существует благодаря тому, что возделывается кем-то, хотя бы тем же самым русским мужиком, со «встроенной метафизикой» в душе. Без этого возделывания, без наличия мысли о Целом, о Бытии, о Мире, о Всеединстве ничего не останется, кроме невозделанного поля и лабиринта, в котором так трудно отыскать самого себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. Т. 1. Л.: МП «Эго», 1991. С. 13.
2. Соловьев В. С. Общий смысл искусства // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 78.
3. Белый А. Философия культуры // Белый А. Душа самосознающая. М.: Канон +, 2004. С. 498.
4. Белый А. Философия культуры.... С. 498.
5. Библихин В. В. Язык философии. М.: Наука, 2002. С. 375.
6. Библихин В. В. Язык философии... С. 375.
7. Библихин В. В. Язык философии... С. 392.

УДК 124.2

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА МАРТЬЯНОВА

кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры философии ПетрГУ
martjanova@petsu.ru

**ВРЕМЯ СМЫСЛА
(ОСМЫСЛЕНИЕ ОБРАЗА И ИДЕИ СОФИИ
В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА)**

В статье предпринимается попытка связать философские интуиции В. С. Соловьева с актуальными проблемами современной российской философии, выявляются факты воплощения пророческих идей самого крупного русского философа в явлениях массовой культуры начала XXI века, а также озвучивается идея необходимости завершения христианского религиозного процесса в виде философской рефлексии духовного опыта.

Ключевые слова: В. С. Соловьев, София, религиозный процесс, христианство, смысл любви, актуальная задача философии

Если попытаться расчистить материалистические пределы в мировоззрении наших российских современников, то и после долгого атеистического советского периода мы обнаруживаем... снова религиозность, которая, похоже, готова творить новых богов, ждать чуда, грешить и бесконечно смиряться, осознавая свою греховность. И это вполне закономерно: можно было расстреливать священников, закрывать монастыри и сбрасывать с куполов церквей кресты, но религиозное сознание, сформированное веками религиозной практики и религиозного мышления, так быстро и, тем более, внешними действиями не отменяется. В итоге православную веру и веру в царя на время заместила вера во всеисильность марксистско-ленинской философии и в земного бога – Сталина.

Мировоззрение советского народа оставалось религиозным, так же как и советская философия, которая, как любой верующий разум, начинала свои поиски с веры в абсолютную истинность определенной интерпретации идей основоположников, ею же и заканчивала.

Как же реально преодолевается религиозное сознание? Рационализацией и раскрытием религиозных тайн, то есть десакрализацией той или иной религиозной веры. Рациональное раскрытие религиозных тайн состоит в логическом анализе и синтезе всего содержания конкретной религиозной традиции. Причем логика здесь является главным инструментом исследования доступного для изучения материала, а критерием честно выполненной философской работы – простота понимания и очевидность ее результатов для любого думающего человека.

Рациональная десакрализация мировых религий представляет собой снятый в знании духовный опыт, полученный человечеством в рамках мирового религиозного процесса в течение последних 2,5 тысячи лет. Такая рационализация в рамках философии является завершающей стадией процесса десакрализации религии. Этому предшествует период подготовки массового сознания к завершению религиозного процесса как определенного этапа духовного развития

человечества. Подготовка ведется в рамках искусства – прежде всего, через трансляцию определенных идей и моделей в популярном кино и популярной литературе.

Очевидно, что в сознании европейцев закрепились христианские религиозные мотивы, поскольку исторически народы Европы постигали духовные глубины и развивались в лоне именно этой мировой религии. В последнее время мы наблюдаем процесс подготовки массового сознания к завершению религиозной истории, когда пересматриваются и совершенно свободно интерпретируются евангельские события.

Вспомним тот общественный резонанс (в одних случаях в мире в целом, в других – только в нашей стране), который вызвали фильмы «Последнее искушение Христа» Мартина Скорсезе, «Страсти Христовы» Мэла Гибсона, книги «Евангелие от Иисуса» Жозе Сарамыго, «Пелагия и красный петух» Бориса Акунина, «Код да Винчи» Дэна Брауна, широко освещенная СМИ публикация обнаруженного «Евангелия от Иуды» (причем событие было приурочено к празднику Благовещения 2007 года, видимо, как благая весть).

Религиозный, возвышающий опыт грешника, переступившего последний предел падения и все-таки вымолившего прощение, стал главной темой «Острова» Павла Лунгина, лучшего российского фильма 2006 года.

Параллельно этому процессу десакрализации религии через образцы популярного искусства успешно транслируются (и находят отклик в умах и душах современников) новые, постхристианские пути человека к счастью. Например, в «Алхимике» Паоло Коэльо сообщает совершенно иной, чем христианская весть, посыл человечеству, который можно сформулировать примерно так: «Иди за своей мечтой, не изменяй ей, и только на этом пути ты будешь счастлив, богат и не одинок». Сравните с тем, какую мысль транслирует христианство через подвиг Иисуса: «Услышь голос Отца в своем сердце, иди за ним и будь готов потерять на этом пути все – свои мечты, молодость, счастье и даже жизнь». Как Иисус.

По сути, сегодня происходит смена модели жертвенного служения высшему идеалу на модель счастливого земного бытия через жертву неверием в свой идеал и страхом неудачи на пути его воплощения.

Одновременно в общественном сознании находит свое место какая-то абсолютно «иная» картина устройства мира (вспомним хотя бы успех фильмов «Ночной дозор», «Дневной дозор» по книгам Сергея Лукьяненко, феномен мальчика по имени Гарри Поттер), причем это также бестселлеры книжных прилавков и хиты кинопроката.

И, наконец, о самой главной цели христианского процесса – о научении человека любить. Десакрализацию проходит не только материал, на котором основана христианская религиозность, уходит мистика самой встречи с любо-

вью, напряжение от ее непредсказуемости – любовь перестает быть чем-то таинственным и абсолютно неподвластным воле человека. Любовь в целом перестает быть даром Божиим, потому что теперь сам человек может ее сознательно выстраивать, чему учат психологические методики, популярные телепроекты и тренеры на тренингах о том, как найти и удержать любовь.

Потребность в таком технологическом подходе к делу любви предвидел еще Владимир Сергеевич Соловьев. «Первый шаг к успешному решению всякой задачи есть сознательная и верная ее постановка; но задача любви никогда сознательно не ставилась, а потому и никогда не решалась как следует. На любовь смотрели и смотрят только как на данный факт, как на состояние, "нормальное для одних, болезненное для других", которое переживается человеком, но ни к чему его не обязывает; правда, сюда привязываются две задачи: физиологического обладания любимым лицом и житейского с ним союза, – из них последнее налагает некоторые обязанности, – но тут уже дело подчиняется законам животной природы, с одной стороны, и законам гражданского общежития – с другой, а любовь, с начала и до конца предоставленная самой себе, исчезает как мираж. Конечно, прежде всего, любовь есть факт природы (или дар Божий), независимо от нас возникающий естественный процесс; но отсюда не следует, что мы не могли и не должны были сознательно к нему относиться и самостоятельно направлять этот естественный процесс к высшим целям» [1].

«...Без действия сознательного человеческого духа Божия искра гаснет, и обманутая природа создает новые поколения сынов человеческих для обманутых надежд» [2], – продолжает свою мысль о строительстве любви Соловьев.

Пространство и время любви для Соловьева в его земной жизни не совпало, и поэтому он стал певцом Вечной женственности, которая явилась ему как София.

Следующие сто лет пространство и время постепенно уплотнялись до степени, достаточной для того, чтобы многие могли встретить идеальную любовь здесь и сейчас. По сути, если прочитать не только тексты Соловьева, но его жизнь в целом как текст, то обретение своей идеальной, но одновременно абсолютно реальной, воплощенной в земном мире любви – это его завет нам, тем, кто читает и берет что-то для себя из его ддящегося уже в духе бытия, и тем, кто его не читает, а думает, любит, просто живет после него.

Пятая информационная революция, Интернет, телевидение уплотнили пространство и время, создали невозможные сто лет назад коммуникативные каналы, и огромное число потенциальных половинок, которые раньше никогда бы не узнали о существовании друг друга, теперь могут встретиться! Найти свою любовь, быть рядом с теми, кого любишь, теперь гораздо легче, чем 100 лет

назад. И это все-таки победа над непроницаемостью пространства и времени, препятствующей, по Соловьеву, воплощению любви.

У В. С. Соловьева о роли пространства и времени в деле любви говорится так: «Главное свойство этого вещественного бытия есть двойная непроницаемость: 1) непроницаемость во времени, в силу которой всякий последующий момент бытия не сохраняет в себе предыдущего, а исключает или вытесняет его собою из существования, так что все новое в среде вещества происходит на счет прежнего или в ущерб ему, и 2) непроницаемость в пространстве, в силу которой две части вещества (два тела) не могут занимать зараз одного и того же места, то есть одной и той же части пространства, а необходимо вытесняют друг друга. Таким образом, то, что лежит в основе нашего мира, есть бытие в состоянии *распадения*, бытие раздробленное на исключаящие друг друга части и моменты. Вот какую глубокую почву и какую широкую основу должны мы принять для того рокового разделения существ, в котором все бедствия и нашей личной жизни. Победить эту двойную непроницаемость тел и явлений, сделать внешнею реальную среду сообразною внутреннему всеединству идеи – вот задача мирового процесса, столь же простая в общем понятии, сколько сложная и трудная в конкретном осуществлении» [3].

Как же преодолевается пространственно-временная непроницаемость по Соловьеву? «По мере того, как всеединая идея действительно осуществляется через укрепление и усовершенствование своих индивидуально-человеческих элементов, необходимо ослабевают и сглаживаются формы ложного разделения или непроницаемости существ в пространстве и времени. Но для полного их упразднения и для окончательного увековечивания всех индивидуальностей, не только настоящих, но и прошедших, нужно, чтобы процесс интеграции перешел за пределы жизни социальной или собственно человеческой и включил в себя сферу космическую, из которой он вышел» [4]. Телевизионный сигнал передается через спутник, который местом своего бытия имеет... космос. Так замыкается круг... Круг воплощения мысли.

Появление новой философской системы может сыграть роль переключателя в этом процессе перехода от религиозного сознания к пострелигиозному в результате снятия в этой новой философской системе духовного опыта, приобретенного человечеством в мировых религиях, и вербализации уже работающих духовных оснований пострелигиозного мира. Эта философская работа нужна как прочный интеллектуальный фундамент для решения человеком и человечеством насущных проблем и продвижения вперед. Во время выполнения этой работы и после нее в сознании современников, возможно, появится тот самый «образ будущего», который так необходим человечеству.

Мифологический и художественный образ, идея Софии у В. С. Соловьева и у русских софиологов – это предчувствие нового философского синтеза, который возможен, необходим и обязателен после христианства. София как Премудрость Божия, мысль Бога о мире – это задуманная Богом модель устройства нашего мира. Но узнать этот замысел невозможно, не прожив христианства, не исчерпав и не завершив его. Мысль обнаруживает себя в слове, то есть замысел может и должен быть вербализован, но, опять же, только после выполнения духовных задач христианства, которое ведет к познанию Премудрости Божией, слово страхует от преждевременной, недостаточно христианской мудрости. О преграде на пути к познанию Софии мы узнаем уже у гностиков. И этой преградой становится христианский крест.

Яркий пример отчаяния ума перед чувством грядущей Софии-мудрости в русской религиозной философии представляет гностическая поэма Л. Карсавина, в которой автор ведет разговор с гностиком Валентином и с духом самой Софии. «Нерушимо молчанье твое – молчишь, Полнота Всеединой Божественной Жизни. Неизреченное, как изреку я тебя, когда и во мне ты молчишь, в глубине, в пучине твоей, где с тобой я одно? Но как же без слов, молчанием чтить смогу я тебя и тебя песнословить, если дух мой исходит любовью к тебе, если хочет и должен твое сокровенное имя изречь?» [5] София здесь – Бездна-Молчание и Истина-Ум, о гнозисе молит автор: «И священную тайну пути Я открою, назвав Гнозисом». Но он не приходит – вместе с Софией встречается Предел: «Не прекращалась тоска Софии: неустанно стремилась она; и всегда и везде встречала Предел, его же не в силах была превозмочь». Этот Предел ставил Крест: «И стремленье, не завершаясь, оставалось стремленьем, из себя изойти не могло и, как птица безумная, билось о Крест, стена...» Крест христианский, Его крест, в нем же автор (вместе с Софией!) чувствовал и спасение для нее, исчезающей в «грубом веществе этого мира»: «Слезы Софии о Милом его орошали нежною влагой. Улыбка ее при воспоминаньи о Нем становилась светом. <...> В вечном исканьи образует себя Ахамот, пытаясь вспомнить Того, кто дал ей бытие, кто ей на Кресте явился» [6].

Русские философы так же, как и более ранние певцы Софии – гностики, сталкиваются с Пределом, преградой на пути познания Софии-мудрости, содержащей какую-то искомую истину. Этот Предел ассоциируется с Крестом – символом христианства, а снимается – соединением с Сыном Божиим, то есть выполнением главной задачи христианства. Крест, на котором распинается во времени Христос и который закрывает софийное знание о мире, оказался там же, на том же самом месте и для раннехристианских гностиков, и через 19 веков после начала христианства для русских софиологов. Почему?

К обретению нового, «истинного» знания о мире, к новой картине мира, «нарисованной еще в проекте его создания Софией-художницей под руководством Бога», ведут пути христианства. Это же подсказывает и появившееся до христианства слово «философия» – к мудрости, софии, ведет любовь. Когда у человечества будет достаточно любви (а цель христианства – научить людей большей любви к Богу и друг к другу), тогда оно получит доступ ко всей мудрости мира, то есть к софии. Любовь, предшествующая знанию, играет здесь роль страховочного средства от использования этого нового, более истинного, а значит, обладающего большей деятельной силой знания во зло. К софии ведет любовь, бескорыстный искренний интерес к познанию, и без достижения определенного качества любви до софии не дойти.

У русских философов допуск к софии как к знанию об устройстве нашего мира качественно нового уровня, очевидно, пока не было. Но было стремление, было предчувствие близкого завершения христианской истории, предчувствие грядущего обретения этого знания миром. И софия-знание превратилась в Софию с большой буквы, Софию-личность, а любовь к знанию выразилась в любви к Софии – Вечной женственности. Художественность описаний софийных чувств (как и сами софийные переживания) была призвана компенсировать недостаток любви христианской, полнота которой автоматически дает допуск к пониманию «божественного замысла о мире», что и есть софия-знание-мудрость.

О творческой эволюции В. С. Соловьева от учения о Софии к собственно попытке «софийной философии» (термин «софийная философия» обосновывается Г. Г. Майоровым [7]) говорит С. С. Хоружий в своей деконструкции философского наследия В. С. Соловьева [8]. (Вообще статья С. С. Хоружего, написанная на столетие со дня смерти В. С. Соловьева, с моей точки зрения, предваряет третий этап во втором обретении русской религиозной философии: середина 80-х – начало 90-х годов XX века связаны с опытом первого узнавания русской религиозной философии («оказывается, у нас есть своя философия!»), далее последовало десятилетие углубления в русскую философию, ее более или менее подробное изучение, а теперь логичным продолжением видится начало этапа критического – анализа и деконструкции наследия русской религиозной философии.)

В основе софийного опыта В. С. Соловьева (и большинства других софиологов) лежит, как известно, опыт мистический, но этот опыт, по мнению С. С. Хоружего, требует более пристального анализа, который он и проводит. В результате С. С. Хоружий приходит к следующему выводу: «Как опытный феномен, софийная мистика Соловьева принадлежит к маргинальной визионерской линии, в корне расходящейся и с православной исихастской традицией, и со

всей христианской церковной мистикой... Однако на протяжении пути Соловьева лишь свойства самого опыта остаются неизменными, тогда как в претворении опыта происходит огромное развитие» [9]. Начальный схематизм в объяснении сущности Софии превращается в философию: «Ранняя схематически-гностическая транскрипция опыта очень скоро сменяется другой, и эта смена – принципиальный рубеж: здесь *происходит рождение философа*» [10].

Философия Соловьева своими истоками, по мысли С. С. Хоружего, имеет встречу Софии и всеединства: философская интуиция всеединства и софийное чувство породили философскую систему, которая вывела русскую философию на новый уровень. София при этом стала только одним из вариантов, репрезентацией идеи всеединства. С. С. Хоружий видит финальный смысл поисков адекватного философского выражения мистического опыта переживания Софии в отказе от разработки учения о Софии («...им полностью оставляется и само софиологическое направление – во всем его богатейшем творчестве 1890-х годов нет уже никаких софиологических построений и спекуляций» [11]). При этом отказ от софиологических попыток не означал отказа от изначального софийного опыта: наоборот, пишет С. С. Хоружий, этот отказ был вызван стремлением более адекватно выразить этот опыт в философии. Но честность мыслителя привела В. С. Соловьева к отказу развивать софиологию.

Почему же В. С. Соловьеву не удалось найти устраивающее его философское объяснение Софии? Причина этому, как ее понимает С. С. Хоружий, неотрефлексированный, неочищенный, не выверенный четкими критериями мистический опыт, который и не позволил философу создать достойную софийных предчувствий философию.

С. С. Хоружий называет В. С. Соловьева в период попыток объяснить Софию тео-софом (и в буквальном смысле тоже), то есть тем, кто делает Софию богом, обожествляет ее. На новом этапе он больше уже не тео-соф, а только один из любящих ее, то есть фило-соф. Далее С. С. Хоружий высказывает очень важную мысль: «Одновременно он (В. С. Соловьев. – О. М.) отбрасывает и теософский способ философствования. Разрыв с теософией означает разрыв с великими синтезами как внешними идеологическими заданиями, вмещающими мысли, – и мысль, освободившись, наконец, обращается к себе и углубляется в себя» [12] (подчеркивание наше. – О. М.). Идея великого синтеза как внешнее идеологическое задание для мысли была уловлена умом самого крупного русского философа в виде идеи Софии: действительно, образ и мифологема Софии, софийная мистика уже встречались в истории, и Соловьев знакомился с текстами своих предшественников в начале своего творчества. Тогда же дух Софии вышел на прямой контакт с философом одаренным юношей, увлеченным этой

темой, позвав на встречу в Египет. В результате появилась софиология – накануне XX века София воплотилась в комплекс идей, сама превратившись в идею.

Таким образом, и идея Софии, и идея всеединства, и обожествление Софии, и софиология – все это оттенки предчувствия нового великого философского синтеза, который каким-то образом связан с воплощенным христианством. У русских философов это выразилось в надежде на обновление православия. Чтобы София вновь вернулась к своему изначально заданному смыслу софии-знания-мудрости, нужно завершить христианский процесс, то есть пройти путь познания «фило-», любви, который является единственным допуском к «-софии», мудрому знанию. Вместо части «фило», вместо разрешающего доступ к софийному знанию воплощения христианской любви, в русской философии появляется София с заглавной буквы, софийное знание получает имя, продолжая традицию своего мифологического бытия.

С. С. Хоружий косвенно подтверждает мысль о непрожитом христианстве как о причине появления учения о Софии вместо самого софийного знания, когда связывает недостаточную чистоту мистического опыта В. С. Соловьева с его выпадением из традиций православного исихазма и христианской церковной мистики в целом. Поэтому можно предположить, что появление образа-идеи Софии в русской философии на рубеже веков предсказывало близкое окончание христианского процесса, но еще не было его окончанием.

Недостаточность христианской любви, не позволившая Соловьеву сделать «великий синтез», не была лишь характеристикой его личности как «несовершенного христианина» – это была недостаточность христианской любви в целом, недостаточность, характерная для всех современников, для единого духовного организма невидимой христианской церкви. Об этом пишет и В. С. Соловьев: «Единство социального организма действительно сосуществует с каждым из его индивидуальных членов, имеет бытие не только в нем и через него, но и для него, находится с ним в определенной связи и отношении: общественная и индивидуальная жизнь со всех сторон взаимно проникают друг в друга. Следовательно, мы имеем здесь гораздо больший образ воплощения всеединой идеи, нежели в организме физическом. Вместе с тем здесь начинается изнутри (из сознания) процесс интеграции во времени (или против времени)» [13]. И далее уже кратко: «...интеграция жизни индивидуальной необходимо требует такой же интеграции в сферах жизни общественной и всемирной» [14]. (Как здесь не вспомнить о пятой – компьютерной, завершенной в Интернете – информационной революции?!)

Мир и люди не были готовы тогда открыть софию как новую модель понимания мира, но приближение этого нового знания витало в воздухе. И русские религиозные философы выразили это предчувствие в учении о Софии. София вдохновила тогда многих. Идея «великого синтеза» приближалась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев В. С. Смысл любви: Избранные произведения. М.: Современник, 1991. С. 146–147.
2. Соловьев В. С. Смысл любви... С. 152.
3. Соловьев В. С. Смысл любви... С. 175.
4. Соловьев В. С. Смысл любви... С. 180–181.
5. Карсавин Л. София земная и горная (Неизданное гностическое сочинение) // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 176.
6. Карсавин Л. София земная и горная... С. 176.
7. Майоров Г. Г. Философия как искание абсолюта. М.: Едиториал УРСС, 2004. 416 с.
8. Хоружий С. Наследие Владимира Соловьева: сто лет спустя (К 100-летию со дня кончины Владимира Соловьева) // Журнал Московской Патриархии. 2000. № 11. С. 67–84.
9. Хоружий С. Наследие Владимира Соловьева... С. 76.
10. Хоружий С. Наследие Владимира Соловьева... С. 76.
11. Хоружий С. Наследие Владимира Соловьева... С. 80.
12. Хоружий С. Наследие Владимира Соловьева... С. 69–84.
13. Соловьев В. С. Смысл любви... С. 178.
14. Соловьев В. С. Смысл любви... С. 179.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕВКИН

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента экономического факультета ПетрГУ

levkin@petrsu.ru

МЕСТО КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В статье рассматривается роль и место культуры, которые отводятся ей в экономических исследованиях системы предпринимательства. Особое значение уделяется истории изучения культуры в экономической науке.

Ключевые слова: культура, система предпринимательства, экономическая наука

Проблеме культурных факторов учеными-экономистами уделялось достаточно много внимания. Можно вспомнить работы ранних классиков экономической мысли и их более поздних последователей. Например, А. Смит считал, что культура в определенной степени может способствовать развитию предпринимательства [1]. В своей фундаментальной работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» он постоянно противопоставляет цивилизованные страны и народы нецивилизованным. Аналогичную позицию мы находим в работе Т. Мальтуса «Опыт о законе народонаселения». Книга первая данной работы так и называется: «О препятствиях к размножению в наименее цивилизованных странах и в древние времена» [2]. Ж. Б. Сэй, анализируя заработную плату, приходит к выводу, что важным фактором, влияющим на ее уровень, является культурная специфика той или иной страны [3].

Исследования взаимосвязей культуры и экономики в работах классиков мы не находим. Более того, само слово «культура» использовалось ими только в традиционном для того времени контексте: применительно к анализу сельскохозяйственных отношений. Во времена А. Смита

слово «культура» непосредственно связывалось с землей (сегодня это слово также имеет подобную смысловую нагрузку, например, когда говорят об агрокультуре).

В марксистской политэкономии отмечалось, что «экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественную форму ее различные моменты надстройки» [4]. В «Капитале» К. Маркс говорит о соответствии буржуазного рыночного хозяйства и протестантского религиозного сознания [5].

Однако в рамках классической политэкономии исследования взаимодействия культуры и экономики все же носили нецелевой характер. С этих позиций представляет определенный интерес концепция Д. С. Милля, который разграничивал науку и искусство политической экономии. Наука политической экономии была признана им абстрактной: ее задачей являлось изучение действия только «главных причин» при отвлечении от действия прочих факторов. Искусство политической экономии должно было быть, напротив, всесторонним, учитывающим

исторический и культурный контекст использования общих принципов [6].

Состояние политэкономических исследований XVIII–XIX веков может быть объяснено общим уровнем развития экономической науки, который во многом определялся историческим фоном эпохи первоначального накопления капитала. В этих условиях фактор культуры воспринимался как малосущественный. Большое влияние на классическую политэкономия, по видимому, оказала и мировоззренческая позиция, характерная для всего научного сообщества того времени, которую отличала механистическая картина мира. С развитием капитализма отношение к культурным факторам в политэкономических исследованиях начинает меняться: происходит осознание их важности и необходимости учета при изучении экономической жизни общества.

Первым комплексным исследованием можно назвать подход, в рамках которого стала изучаться роль культуры в становлении капиталистических отношений. Суть этого подхода заключается в том, что капитализм есть продукт развития западноевропейского общества. Его сторонники считали, что феномен капитализма носит универсальный и всепланетарный характер; просто в силу институциональных и культурных (религиозных) факторов он впервые возник именно в Западной Европе. Появление этого подхода, как правило, связывают с работами М. Вебера, который считал, что рождению капитализма во многом способствовала протестантская этика [7]. Экономический успех Европы он связывал с уникальным совпадением на определенном этапе ее исторического развития духовной жизни и материальной заинтересованности [8]. При этом зарождение капитализма М. Вебер определил следующими характеристиками протестантизма: христианский аскетизм; предпринимательская деятельность как мерило «земного» и «небесного», как путь человека к спасению; благоразумие; ярко выраженный индивидуализм. Сегодня теория М. Вебера подвергается критике за историко-описательный подход (статистические данные, которыми оперировал ученый, а также использованные им методы статистического анализа были несовершенны). Высказывается также крайняя позиция по поводу того, что религия вообще не оказывает какого-либо влияния на экономику (скорее, наоборот: экономика предопределяет религию). К примеру, голландский ученый Г. Хофштед показывает в своих исследованиях, как экономические изменения (прежде всего, экономический рост) приводят к демографическим сдвигам, а те, в свою очередь, способствуют культурным и религиозным изменениям. Последние исследования по данной теме, действительно, выявили определенную зависимость между религией и уровнем развития экономики. Но в целом эти исследования носят противоречивый характер [9]. Ставится под сомнение и вопрос о влия-

нии христианской аскезы на формирование этики предпринимательства: экономический рост, «продемонстрированный странами с преимущественно конфуцианским, буддийским или мусульманским мирозерцанием... доказывает, что христианская аскеза – не единственный духовный источник предпринимательской культуры. Кроме того, и католицизм отнюдь не противостоит предприимчивости. Эволюция социально-экономического учения и практика католической церкви свидетельствуют о ее склонности к поощрению предпринимательства...» [10]. Были предприняты даже попытки доказательства исключительной роли католицизма (а не протестантизма, как это было у М. Вебера) в формировании капитализма [11]. Таким образом, идеи М. Вебера вызвали к жизни плодотворную дискуссию о роли и месте культуры в становлении капиталистического образа жизни, которая продолжается и сегодня.

Однако самое сильное влияние на развитие знания экономистов о роли культуры в экономике оказали работы не М. Вебера, а представителей немецкой исторической школы, которые доказывали, что экономические законы напрямую зависят от культурных и исторических обстоятельств жизни общества. По их мнению, сформировавшиеся в различных странах экономические институты отличаются друг от друга, а в основе их динамики лежит глубинный процесс проявления народного духа, который и определяет развитие всего человеческого общества [12]. При этом экономические факторы выступают базой для понимания изменений в культурной жизни. Изучение этих факторов способно помочь проникновению вглубь явлений для понимания будущего.

Интересным представляется взгляд на соотношение экономической теории и хозяйственной, а также культурной практики одного из основоположников исторической школы – А. Шпитгофа, который отмечал, что в той мере, «в какой возможность применения экономической теории зависит от наличия и степени преобладания определенного хозяйственного стиля, элементы которого воплощаются в системе теоретических положений, в той же мере сама экономическая теория является "исторической категорией"» [13]. Кроме того, А. Шпитгоф разделил экономическую теорию на три подраздела:

1. Внеисторическая чистая теория, которая выглядит универсальной и использует построения, именуемые моделями; уместность применения большей части их сомнительна.
2. Историческая теория, которая может оперировать либо нормативными, либо позитивными построениями в качестве орудий анализа.
3. Экономическая история, рассматривающая чередование уникальных исторических событий.

Таким образом, была предпринята попытка «примирить» три господствовавшие в то время ветви экономической науки – классическую политэкономия, историческую школу и маржина-

лизм. (Напомним, что центральной проблемой маржиналистской теории было изучение полезности: маржиналисты пытались вывести универсальные экономические законы и считали, что какое бы общество мы ни рассматривали, сама полезность экономического блага зависит только от психологической основы поведения людей.)

Немецкой исторической школой было предложено учение о трех этапах в развитии экономики, которое впоследствии было «растиражировано» в новых версиях более поздними экономическими теориями и школами. Например, Р. Бенджамин и Р. Дювал предложили различать три главные стадии в развитии капитализма: примитивный капитализм, конкурентно-индивидуалистический капитализм и поздний капитализм [14]. Спустя некоторое время теоретики постиндустриального общества высказали аналогичную идею о трех стадиях развития экономической системы: традиционной, индустриальной (капиталистической) и постиндустриальной.

Отдельно следует отметить теории, которые обязаны своим рождением как марксизму, так и исторической школе. Эти теории рассматривали капиталистическую систему также как проходящую, делая акцент на кризисных явлениях в развитии капитализма. Например, Й. Шумпетер считал, что причины гибели капитализма кроются не в экономике, а в образе мыслей людей, определяющих ее культурную прослойку. Первоначально капиталистический образ мыслей был рационален и логичен, поскольку сама природа экономических поступков заставляла предпринимателя действовать рационально. Однако сегодня, как отмечал Й. Шумпетер, в результате технического прогресса деятельность предпринимателя по внедрению новшеств значительно сократилась и сводится к простой рутине. Эти изменения приводят к вытеснению мелких предпринимателей. Начинает господствовать крупный акционерный капитал, существование которого подрывает основы капиталистической экономики (похожие идеи мы находим в работах Дж. Гэлбрейта) [15]. Таким образом, Й. Шумпетер исходил из того, что при изучении капитализма необходимо учитывать человеческий фактор с культурными и историческими аспектами [16].

Оказалась также востребованной идея немецкой исторической школы о «прогрессивности» экономики христианской цивилизации по сравнению с нехристианским миром. (Даже в работах А. Маршалла можно найти определение неевропейских культур как примитивных, хотя в целом все остальные идеи немецкой исторической школы были проигнорированы этим ученым.)

Другим представителем исторической школы – Г. фон Шмоллером – была высказана идея о противоречивости развития капиталистической экономики. С одной стороны, в основе капитализма лежит «инстинкт конкуренции», который благоприятно сказывается на экономической динамике общества. С другой стороны, в результа-

те развития склонностей людей, которые определяют их место в обществе, и «инстинкта конкуренции» важную роль в эволюции общественных институтов стало играть стремление к обогащению. Такие устремления, если их не ограничивать, могут вести к подрыву всего механизма функционирования общества; ограничивать и контролировать их необходимо с помощью этических норм [17]. Г. Шмоллер считал экономические институты бисмарковской Германии самыми эффективными и предлагал распространить их на все уголки земного шара. Таким образом, возникло классическое представление об эволюции западного капитализма: экономический успех Германии, Великобритании, Франции и США объяснялся культурными факторами, свойственными только этим странам и связанными с индустриализацией. Отражение этой идеи мы находим в работах представителей многочисленных теорий экономического роста и модернизации [18]. Например, в модели У. Ростоу этапы экономического роста связывались с накоплением основного капитала; модель Харрода – Домара строилась на основе фактического материала, характеризующего экономику только США и Великобритании (затем полученные выводы распространялись на другие национальные экономические системы). На этой базе возникли многочисленные теории догоняющей модернизации, влияние которых испытала на себе и российская экономическая система в начале – середине 1990-х годов. И сегодня в среде ученых можно встретить установку на то, что феномен саморазвития капитализма должен объясняться особенностями, присущими европейской культуре (системный плюрализм разнообразия религиозных и культурных традиций, а также высокая степень индивидуальной предприимчивости в условиях большой дифференциации общественных структур).

Теории представителей немецкой исторической школы первых поколений были подвергнуты развернутой критике. Не вдаваясь подробно в суть этой критики, приведем лишь мнение Т. Веблена, который не мог принять понимание истории как процесса развития по воле гегелевского духа (а именно такой была исходная установка немецкой исторической школы), так как вытекающая из такого понимания теория развития могла быть лишь сугубо умозрительной [19].

Следующий этап в развитии представлений экономистов о взаимодействии культуры и предпринимательских систем открывается работами институционалистов (прежде всего, Т. Веблена и У. Митчелла), которые рассматривали экономику как динамичный процесс развития сложной системы, обладающей определенными культурными нормами и установками, влияющими на индивидуальное поведение и предпочтения людей. Существующие институты, по их представлениям, достаточно часто являются наследием прошлого. Реализация «культурного лага»

(то есть противоречия между прошлым и настоящим) не способствовала, по мнению институционалистов, эффективному распределению экономических ресурсов. Т. Веблен объясняет феномен «культурного лага» на примере взаимоотношений «старой» и «новой» элит: новая капиталистическая элита, чтобы подчеркнуть свое отличие от старой землевладельческой элиты, начинает «по-другому» потреблять предметы роскоши. Отсюда возникает знаменитый эффект Веблена или, иначе, эффект показного (праздного) потребления. Этот эффект объяснялся Т. Вебленом также жадной наживы, которая препятствует производству полезных вещей: поскольку культура капиталистического общества пронизана властью денег, соперничество людей неизбежно принимает денежные формы. Чтобы утвердить свое влияние в обществе, люди приобретают дорогие, роскошные предметы, не являющиеся необходимыми для поддержания жизни; богачами восхищаются, потому что они богаты, и даже произведения искусства несут на себе знак доллара. Т. Веблена можно считать первым ученым, который попытался описать бизнес-культуру своего времени. Его раздражали фантастическое расточительство и неэффективность, которые одобрял культ современного ему бизнесмена.

Представляют определенный интерес и взгляды институционалистов на рынок, который они рассматривали как культурный феномен, влияющий на общественные нормы поведения [20]. По мнению Т. Веблена, формирование рыночного спроса – это социально-культурный процесс, который зависит от большого количества переменных: социальные привычки, реклама, распределение доходов, потребительская культура и т. п. Отметим также тот факт, что ученый определял институт как стереотип мысли, отнеся это явление к феноменам культуры [21].

Институционалисты, испытавшие на себе огромное влияние идей немецкой исторической школы, во многом шли по следам своих предшественников. Экономике США и Великобритании были взяты ими за идеал, по образу и подобию которого должны были строиться национальные экономики других стран. Возникли различные классификации, предлагавшие делить страны на «наименее развитые», «развитые», «новые индустриальные страны», «индустриальные», «постиндустриальные» и т. п. Важно отметить еще один момент, связанный с анализом работ ранних институционалистов: институциональный ракурс уже предполагает выход за пределы собственно экономических дисциплин, необходимость изучения всех факторов, формирующих культурную среду, в которой протекают экономические процессы. Междисциплинарность предопределена у институционалистов идеей системности (хольцштрассовской), согласно которой общество есть многоплановый и многоуровневый целостный организм [22]. Такой подход формировался в проти-

вовес неоклассической методологии, предполагающей возможность выводить свойства экономической системы в целом из свойств отдельных ее элементов без учета культурных аспектов. Для институционалистов было характерно стремление противопоставить теории неоклассиков изучение конкретно-исторических и национально-специфических форм экономической жизни. По их мнению, система институтов как некая целостность образует «данную культуру», или определенный тип цивилизации. Так, например, последователь Т. Веблена К. Э. Эйрс утверждал, что образ действий человека может быть объяснен лишь исходя из культуры, в условиях которой он живет. Подобно антропологам, он интересовался, например, тем, какое влияние на экономическое поведение могут иметь такие общественные явления, как табу [23]. По его мнению, экономист как исследователь общества не может уйти от свойственного человеку интереса к ценностям и тем самым от этических проблем.

Большое влияние на развитие ранних идей институционалистов оказали работы К. Маркса и Ф. Энгельса. Прежде всего, это интеграция экономического и социологического анализа, историзм и рассмотрение экономики как динамической системы. С другой стороны, в большинстве работ, носящих институциональную окраску, марксизм был подвергнут развернутой и резкой критике. Таким образом, «старый» институционализм выступает как теория, критически воспринимающая идеи марксизма, и как теория, критикующая неоклассику за ее отрыв от реальной жизни. В первом случае концепция культуры не уделяется сколько-нибудь должного внимания. Во втором случае критика неоклассики исходит главным образом от социологии и смежных с ней социальных наук. Это означает, что и восприятие культуры идет в русле не экономического, а социологического знания. В связи с этим, несмотря на то, что «старые» институционалисты уделяли много внимания культурным факторам [24], мы не будем далее останавливаться на изучении культуры в «старом» институционализме (тем более, что ряд моментов, касающихся этого вопроса, уже был освещен). Отметим лишь, что в ранних институциональных работах понятие культуры воспринималось в максимально широкой трактовке («культура» = «цивилизация»; «культура» = «культура общества в целом»; «культура» = «культура определенного класса» и т. п.). С экономической точки зрения наибольший интерес вызывает вопрос о значении культуры в жизни предпринимательских систем с позиции неoinституционализма и новой институциональной экономической теории. Это связано с тем, что, в отличие от «старого» институционализма, новый институционализм значительно ближе, с одной стороны, к неоклассической теории (серьезному ограничению подвергается лишь предположение о рациональности поведения и принимается идея Г. Саймона

об ограниченной рациональности) [25], а с другой, – к проблематике управления предпринимательскими системами. Здесь обращается внимание на возможные угрозы оппортунистического поведения экономических субъектов, то есть следования своему интересу с помощью неблагоприятных средств путем утаивания и искажения информации, отлынивания и нарушения обязательств [26]. Оппортунизм связан со специфичностью активов и возникающей вследствие этого асимметрией информации, не позволяющей эффективно контролировать действия хозяйственных агентов. Именно учет фактора ограниченной рациональности и предотвращение оппортунистического поведения с позиции нового институционализма обуславливают необходимость существования деловых организаций (фирм) в противовес рыночному взаимодействию. В рамках современного институционализма также развиваются исследования социально-культурных факторов экономического развития, опирающиеся на традиции М. Вебера [27]. Например, английский ученый Э. Тайлкот анализирует несколько парных характеристик европейской предпринимательской культуры («аристократическая – буржуазная» и «индивидуалистическая – авторитарная»), показывая тем самым, как социально-культурные стереотипы влияют на предпринимательскую деятельность [28]. «Буржуазная» культура Германии обуславливает преобладание в этой стране производственных, прикладных сфер деятельности. В Великобритании, благодаря «аристократической» культуре, особый интерес у предпринимателей проявляется к маркетингу, праву и финансам. «Буржуазное» отношение к бизнесу характерно для стран, где преимущественно распространена протестантская этика. Данный тип предпринимательской культуры связан с традицией независимости городов от центральной власти. Различия между индивидуалистическим и авторитарным типами поведения проявляются в склонности и способности к инновациям (при этом индивидуалистический тип способствует инновациям, а авторитарный, наоборот, препятствует).

К 1920–30-м годам работы институционалистов стали вытесняться исследованиями неоклассиков, активно внедрявших новейшие методы статистики и математики. Появляется точка зрения, отстаивающая тезис о том, что соотносить «нормы человеческой культуры с экономическим поведением – значит лишь обнаружить политические симпатии» [29]. По Ф. Найту, отрицать универсальность экономических принципов – значит лишь обнаружить пристрастность. Хотя проблемы исторического наследия и исторических перемен крайне важны, они все же не являются подлинной сферой исследования для экономиста-теоретика. Математический аппарат, от использования которого институционалисты были очень далеки, способствовал быстрому прогрессу в экономическом знании. Во

введении к своей книге «Основы экономического анализа» нобелевский лауреат П. Самуэльсон называет 1930-е годы, когда математика только вводилась в экономический анализ, золотым веком. Вдруг оказалось, что все прежде нерешенные проблемы, по поводу которых долгие годы велись безрезультатные дискуссии, могут быть решены с помощью математических методов. П. Самуэльсон сравнивает это с рыбалкой в диком озере: закидывая удочку, всякий раз вытаскиваешь громадную рыбку.

В свою очередь, кейнсианская революция надолго «отвлекла» экономическую мысль от проблемы взаимоотношений культуры и экономики. В центре внимания в этот период находится проблема изучения равновесных состояний. Переход от изучения статических равновесных состояний в экономике к динамичному равновесию возвращает экономистов к идеям экономического роста. Однако и в рамках этих моделей культурные и исторические факторы игнорируются. В связи с этим можно процитировать слова американского исследователя П. Бэрна, который писал о некейнсианских моделях роста следующее: «Постулируя существование адекватного прямого или косвенного контроля над поведением ключевых параметров, которого в действительности не существует, предполагая отсутствие монополий, влияние которых в действительности носит постоянный и всепроникающий характер, предполагая в длительном плане полную занятость, в то время как она является скорее исключением, чем правилом, нынешние модели абстрагируются не от второстепенных черт того процесса, который они пытаются объяснить, а от его существа... Они заменяют капиталистическую экономику воображаемой рациональной системой, которая не имеет ничего общего с капитализмом, кроме названия. Стоит ли говорить о том, что результатом является апологетика статус-кво независимо от субъективных намерений автора» [30]. В соответствии с основными постулатами мейнстрима экономической науки появляются многочисленные теории модернизации (макроэкономические модели экономического роста Р. Солоу, Дж. Стиглица, Дж. Хартвика и т. д.). Как уже было сказано, авторы всех этих теорий отталкиваются от ключевой идеи, заложенной представителями исторической школы и М. Вебером, – идеи «модернита», согласно которой главное в экономическом росте – это ключевые факторы, способствовавшие успеху развитых капиталистических стран, – рационализм, индустриализм, сциентизм [31]. При этом в историческом плане и здесь существует исключение, а именно работы Б. Хозелитца. Этот ученый считал, что при создании моделей экономического роста необходимо учитывать культурные и социологические элементы. Подход Б. Хозелитца – это первая попытка создания общей теории культурных и экономических изменений.

Интересных взглядов на роль и значение культурных факторов в хозяйственной жизни общества придерживались представители теории цивилизации (экономический детерминизм Ф. фон Хайека, Л. фон Мизеса; культурный детерминизм П. Сорокина). Для этого направления характерно представление о том, что развитие всех компонентов цивилизации рано или поздно приведет к возникновению рациональных форм, тем более что научно-технический прогресс в сфере коммуникаций ускоряет распространение передовых идей [32]. При этом независимо от культурных особенностей любое общество рано или поздно придет к осознанию важности для своего дальнейшего развития ключевых либеральных ценностей (частная собственность, свобода, мир, равенство, демократия и веротерпимость) [33].

Культурные факторы игнорируются не только в кейнсианских, но и в более поздних макроэкономических теориях. Например, основоположник монетаризма М. Фридман предлагал рассматривать в макроэкономическом анализе «гипотетическое» общество. Это общество «характеризуется следующими чертами:

1. Постоянная численность населения;
2. Заданы вкусы и предпочтения;
3. Объем физических ресурсов фиксирован;
4. Задан уровень производительного мастерства его членов; возможно, еще проще считать членов этого общества бессмертными и не меняющимися со временем (в таком обществе существует постоянное распределение индивидуумов по возрасту, полу и т. д., причем каждый из этих бессмертных людей как бы представляет временной срез семейной линии в альтернативной популяции со стареющими индивидуумами, но неизменной структурой);
5. Это общество стационарно, но не статично, его структура стабильна в том смысле, что постоянны лишь средние величины;
6. В обществе властвует конкуренция» [34].

Сегодня макроэкономы и теоретики моделей экономического роста приходят к выводу о зависимости траектории развития экономики от ее прошлого (в том числе и культурного). Не последнюю роль в переоценке места и роли культурных факторов в экономическом росте сыграла работа Г. Мюрдаля [35]. Последние исследования наглядно показывают, что функционирование финансовых институтов связано не только с инвестициями или с фазой экономического кризиса, но и с культурой [36]. Главным выводом «из развития теорий модернизации... является утверждение того факта, что культура, самобытные ценностные системы имеют устойчивое значение для развития общества на всех его этапах» [37]. Появляются попытки объяснения неудач данных теорий, суть которых заключается в том, что при догоняющей модернизации развитие оказывается неорганичным, основанным не на внутренних потребностях общества, а на его

стремлении самоутвердиться. Кризис теорий модернизации привел к возникновению принципиально новых теоретических взглядов на проблему экономического роста. Новая парадигма модернизации включает в себя следующие черты [38]:

1. Значимость сложившихся социокультурных типов как основ устойчивости и самостоятельности общества;
2. Устойчивость ценностно-смысловых факторов в регуляции как политической, так и хозяйственной жизни;
3. Большая вариативность институциональных, символических, идеологических интерпретаций, которые различные общества и цивилизации дают реальным процессам модернизации.

Современные ученые приходят к выводу, что модель процесса мирового развития не однолинейна и не моноцентрична, хотя ориентация на один источник остается (имеется в виду западноевропейская цивилизация). Однако и на этих теоретических идеях научная мысль не останавливается. Появляются теории самобытности (суть которых заключается в акценте на изучении только эндогенных культурных факторов хозяйствования), теории антимодернизации (которые осуществляют поиск принципиально новых, самобытных путей на основе собственных духовных ценностей, норм и стереотипов деятельности путем противопоставления их глобальным установкам), синтетические и структурные концепции модернизации; теория «постмодерна» (которая делает акцент на новой культуре постиндустриального общества), концепция альтермодерна и т. д. Во многом появление всех этих теоретических конструкций было обусловлено тем, что агрессивное навязывание западной модели развития имело временами разрушительный характер для всех других цивилизаций. Как итог, незападные общества во все большей степени стали осознавать особенность своего развития, своей экономики и культуры. Возникновение новых течений и теорий можно связать с типами реакций на вестернизацию, которые сегодня наблюдаются во многих странах: отвержение западных ценностей в целом и противопоставление им своего традиционализма (например, исламский мир); попытки последовательного осуществления вестернизации и отвержение традиционализма (некоторые страны бывшего социалистического лагеря); стремление к синтезу традиционных и западных ценностей (Япония, Китай) [39]. К сожалению, большинство этих теорий развивается за рамками собственно экономического знания. За исключением редких случаев экономисты уступают данное тематическое поле для «возделывания» представителям других социальных наук – социологии, политологии, культурологии, этики.

Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, номер гранта 07-02-42202а/С.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anderson G. Mr. Smith and the Preachers: The Economics of Religion in the Wealth of Nations // *Journal of Political Economy*. 1988. № 5. P. 1066–1088.
2. Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения / Антология экономической классики. М.: Эконом-Ключ, 1993. С. 9.
3. Сэй Ж. Б. Трактат по политической экономии / Сэй Ж. Б.: [Электронный ресурс]. Электрон. кн. Режим доступа к кн.: <http://e2000.kyiv.org/biblioteka/biblio/sey.zip>, свободный. Загл. с экрана.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 394.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. С. 89.
6. Ананьин О. И. Экономическая компаративистика и экономическая наука // *Истоки: Экономика в контексте истории и культуры*. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С. 75.
7. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.
8. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1968. С. 37.
9. Noland M. Religion, Culture, and Economic Performance // *Noland M. World Development*. 2005. № 33 (8). P. 1215–1232.
10. Агеев А. И. Предпринимательство: проблемы собственности и культура. М.: Наука, 1991. С. 76.
11. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли... С. 44.
12. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли... С. 24.
13. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли... С. 47.
14. Попов А. В. Теория и организация американского менеджмента. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 117.
15. Попов А. В. Теория и организация американского менеджмента... С. 476–477.
16. Винарчик П. Спасение идей: Й. Шумпетер и ключевые проблемы противоборствующих экономических теорий // *Вопросы экономики*. 2003. № 11. С. 24–25.
17. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли... С. 29.
18. Тодаро М. П. Экономическое развитие: Пер с англ. М.: Экономический факультет МГУ – ЮНИТИ, 1997. С. 78–96.
19. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли... С. 63.
20. Dugger W. The New Institutionalism: new but not institutionalist // *Journal of Economic Issues*. 1990. № 24 (2). P. 423–431.
21. Ананьин О. Исследовательская программа Торстейна Веблена: 100 лет спустя // *Вопросы экономики*. 1999. № 11. С. 57.
22. Козлова К. Б. Институционализм в американской политэкономии: Идеино-теоретические основы либерального реформизма. М.: Наука, 1987. С. 23.
23. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли... С. 131–32.
24. Hodgson G. The Return of Institutional Economics // *The Handbook of Economic Sociology* / N. Smelser, R. Swedberg (Eds.). Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 58–76.
25. Саймон Г. А. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // *Вехи экономической мысли. Теория фирмы: В 2 т. Т. 2* / Под ред. В. М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 2000. С. 54–72.
26. Радаев В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике // *Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу* / Сост. и общ. ред. В. Радаев. М.: РОС-СПЭН, 2002. С. 158.
27. Нестеренко А. Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории // *Вопросы экономики*. 1997. № 3. С. 48–49.
28. Tylecote A. Cultured Differences Affecting Technological Innovation in Western Europe // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 1995. Vol. 1. № 5. P. 137–147.
29. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли... С. 438.
30. Осадчая И. М. Современное кейнсианство. М.: Мысль, 1971. С. 44–45.
31. Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб.: РХГИ, 1998. С. 3.
32. Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Второе дыхание теории конвергенции // *Вопросы экономики*. 1999. № 4. С. 44.
33. Мизес Л. Либерализм в классической традиции: Пер. с англ. М.: ООО «Социум», 2001. С. 23–59.
34. Фридмен М. Количественная теория денег: [Электронный ресурс]. Электрон. кн. Режим доступа: <http://e2000.kyiv.org/biblioteka>, свободный. Загл. с экрана.
35. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М.: Прогресс, 1972. 123 с.
36. Tennant D., Kirton C. The Impact of Foreign Direct Investment, Financial Crisis and Organizational Culture On Managers Views as to the Finance-Growth Nexus // *Journal of Economic Issues*. 2007. Vol. XLI. № 3. P. 625–660.
37. Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития... С. 5.
38. Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития... С. 127.
39. Дзарасов Р. С. Инвестиции и рост в современной России // *Глобализация и крупные полупериферийные страны: Научные доклады*. Вып. 1. М.: Международные отношения, 2003. С. 278.

УДК 1

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПИВОЕВ

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии ПетрГУ

Рец. на кн.: Яковлев А. И. Энергетическая природа сознания / А. И. Яковлев. – М.: ООО «Интерлайн», 2007. – 196 с.; Яковлев А. И. Материальность сознания / А. И. Яковлев. – М.: Социально-политическая мысль, 2008. – 200 с.

Две монографии, выпущенные доктором философских наук, профессором Александром Ильичом Яковлевым, представляют большой интерес для всех, кто хочет уяснить природу и сущность человеческого сознания. Опубликованные книги являются результатом многолетней работы автора по обобщению накопленного биологами, биофизиками и биохимиками материала по исследованию функций и физиологии мозговой активности. Приветствуя появление этих весьма содержательных книг московского философа, требующих обстоятельного изучения и осмысления, я представлю в своей заметке не подробный разбор их достоинств и недостатков, но только полемический отклик и общую оценку.

Размышления А. И. Яковлева продолжают в русле материалистической методологии, которая разрабатывалась особенно активно в течение последних двух-трех столетий, и, возможно, она может дать еще кое-что в будущем. Однако если проанализировать основания этого подхода, то он строится на сопоставлении материального с идеальным, на основании которого автор стремится утверждать, что все идеальное – не существует, коль скоро оно считается воображаемым, и тогда все то, что существует, является материальным; это приводит с неизбежностью к беспредельному расширению понятия материально-

го и его обесмысливанию. Отсюда недалеко до пантеистического утверждения, что Бог тоже материален. Если вникнуть в эту логику, то легко понять, что противопоставление «материальное – идеальное» берется в разных отношениях, а не в одном. Разумнее все же выстраивать логику оппозиций в таком ключе: материальное – духовное.

Надо отдать должное, автор отрекается от вульгарно-материалистических попыток понимать сознание по аналогии с тем, как почки вырабатывают мочу, а печень – желчь (такие попытки известны).

Но материализм есть, по Шопенгауэру, философия наивного субъекта, который еще не дорос до того, чтобы обратить внимание на себя. Он воспринимает лишь внешний мир, однако лишенный зеркала, не понимает, что его видение мира обусловлено и ограничено «фильтрами» его опыта, что он видит лишь то, что позволяют видеть его органы восприятия и опыт, но не видит того, что не вписывается в систему его ожиданий и потребностей. Шопенгауэр под влиянием индийской философии сформулировал идею о «воле», которую Бергсон назвал позднее «духовной энергией» – вот замечательная тема для понимания существа субстанциональной основы мира!

В основе материализма лежит утверждение Аристотеля о невозможности актуально бесконечного, о реальности только потенциально бесконечного. На этой аксиоме (в которую материалист слепо *верит*) базируется его (материалиста) представление о рациональности и материальности мира. Если же отвергнуть эту точку зрения Аристотеля, как это сделал русский математик Г. Кантор, то неизбежно приходится признавать наличие актуально бесконечной духовной субстанции.

И все же мне кажется, что осмысливать материальное следует, во-первых, не в сопоставлении с идеальным (такой подход не очень плодотворен; гораздо разумнее сопоставлять идеальное с реальным, соответственно, – субъективное с объективным), а с духовным. Во-вторых, не стремиться расширять понятие материального до беспредельности, а оставаться в русле традиционных точек зрения (необязательно тех, которые высказал когда-то В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», потому что следует учесть убедительную критику такого понимания материи у А. Ф. Лосева в «Диалектике мифа»), по крайней мере, считать важнейшими характеристиками материального вещественность, «непроницаемую объемность», осязаемость, дискретность, каузальность, количественную и пространственно-временную определенность и т. п. В-третьих, сознание гораздо плодотворнее рассматривать как волновое и полевое проявление духовной субстанции, при этом сосредоточиться на следующих характеристиках духовного: энергия, информация, внекаузальность, внепространственность, вневременность (впрочем, отношения духовного с временем – это отдельная и очень непростая проблема, связанная с вопросом о бесконечности). В-четвертых, сознание нужно исследовать под углом зрения связи субъективного и объективного. Выбрасывая из сферы сознания субъекта, автор «кастрирует» человеческое сознание, как это делают феноменологи вслед за Ф. Брентано, утрачивая его смысловую содержательность. В-пятых, автор не учитывает то, что обнаружили в понимании жизни А. Бергсон и П. Тейяр де Шарден, а именно: материя сама по себе мертва, без духовной энергии и информации она возникнуть и развиваться не может. В-шестых, автор уходит от вопроса о языке сознания. Речь, конечно, идет не о примитивной точке зрения К. Маркса о тождестве сознания и словесного выражения, а о важной проблеме: сознание континуально, а язык дискретен. Вот почему трудно сознанию выразиться в языке. В языке дух и душа спорят, пытаясь что-то сказать. Сознание обладает временными характеристиками, а язык – пространственными. Сознание – эмоционально, иррационально, а слова – рациональны. Можно привести высказывание А. Бергсона: «Наш мозг не является ни творцом, ни хранителем нашего представления; он его просто ограничивает, с тем чтобы сделать его

действующим. Это орган *внимания к жизни*» [1]. Важнейшая догадка Бергсона заключается в том, что сознание не является пространственным феноменом и не может быть зрительно воспринимаемым, а «человечество... привыкло считать существующим только то, что оно видит и к чему оно прикасается» [2]. Поэтому о теле человека учеными сказано достаточно много, а о душе и духе, которые зрением мы воспринять не можем, трудно сказать что-либо определенное с точки зрения материалиста, который безуспешно пытается понимать сознание как пространственно-вещественный феномен. Но если уж пытаться осмысливать сознание пространственно, то в крайнем случае для этого можно использовать метафоры *поля* или *волны*.

Субстанция, как полагал Р. Декарт, имеет две основные формы: вещественную (материальную) и полевую (духовную). Есть, конечно, точка зрения Спинозы, но ее мы сможем учесть лишь после того, когда будут достаточно изучены и обоснованы обнаруженные А. Шиповым торсионные поля. Для осмысления сознания особенно важно понять, что сознание имеет не вещественный, а *полевой* характер, что это поле. Поле нуждается в каком-то материале, но не материал образует его особенности и характер, а информационно-энергетическая *волна*. Энергоинформационные волны пульсируют в поле космоса и в голове человека. Волну характеризуют: амплитуда, высота, глубина, широта, скорость, интенсивность и экстенсивность. Человеческое сознание является формой проявления духовной субстанции, оно использует биохимические и электрические процессы мозга как материал для реализации своих функций. А. И. Яковлев также игнорирует результаты исследования роли воды, полученные современными российскими и зарубежными учеными, показывающие значение воды в процессах памяти и передачи информации в мозгу и ее роль в качестве материала для волновых процессов сознания.

Заслуга А. И. Яковлева в том, что он пытается понять энергетическую основу сознания, но его попытки не дают больших результатов именно потому, что он стремится понимать сознание как материальное, ссылаясь на известную формулу А. Эйнштейна $E = mc^2$. Однако в этой формуле знак равенства означает не тождество, а лишь соответствие, поэтому энергию считать материальной нет никаких оснований. Кроме того, важнейшим критерием материальности А. И. Яковлев почему-то считает измеримость, но уходит от вопроса о характере измеримости, о том, какими мерами может быть измерено то или иное явление. Неразрешимым в этой связи для материализма является вопрос об актуальной бесконечности, поставленный математиком Г. Кантором, поскольку бесконечное практически неизмеримо. Автор также касается вопроса о роли информации в судьбе материального, истолковывая ее вслед за американским ученым

А. Ленинджером как форму энергии, но по существу отрывает информацию от сознания, понимает ее механистически.

Выводы:

1. Материализм в изучении сознания на самом деле часто оборачивается идеалистической философией, поскольку опирается на *веру* и не всегда опирается на практику. Важный принцип *объективности* философами материализма часто не соблюдается, вместо него подставляется принцип *аксиоматичности*, опирающийся на веру в истинность предлагаемых постулатов.
2. Речь не идет о том, чтобы полностью отказаться от материализма, но о том, чтобы определить более четко его возможности, чтобы методы материализма использовать в тех случаях, когда они способны дать удовлетворительный результат, и не ждать от материализма результата там, где его использование представляется бесперспективным. Например, методы материализма неплохо работают в сфере естествознания и техники, но плохо помогают решать проблемы социальных наук и вовсе мешают в гуманитарных науках.
3. Чтобы завершить споры или сделать их более плодотворными, нужно отказаться от беспредельного расширения понятия «материальное». Если утверждать, что материальным является все, что существует, то мы далеко не уйдем в понимании нашего бытия. Критерий восприятия органами чувств (рецепторами), введенный В. И. Лениным, не вполне пригоден, так как он учитывал только внешние рецепторы (зрение, слух, осязание, обоняние), но игнорировал внутренние чувства, которые трудно проверять на объективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 2004. С. 343.
2. Бергсон А. Два источника морали и религии... С. 345.

УДК 94 (47)

ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ВЯЗЕМСКИЙ

доктор педагогических наук, профессор Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, г. Москва

Рец. на кн.: История Карелии: учеб. для 10–11 классов общеобразоват. учреждений Республики Карелия / Шумилов М. И. и др. – Петрозаводск: Verso, 2007. – 384 с.

Учебник имеет гриф «Допущено Министерством образования Республики Карелия в качестве учебника для 10–11 классов общеобразовательных учреждений Республики Карелия»

Учебник «История Карелии» предназначен для изучения истории Карелии в старших классах общеобразовательных учреждений республики. В нем отражены важнейшие события истории края с древности до наших дней. Освещение исторических событий и процессов на территории Республики Карелия соответствует современным научным представлениям. Гарантом этого выступает квалифицированный авторский коллектив, в состав которого вошли профессиональные историки и методисты: М. И. Шумилов, Т. И. Агаркова, А. Ю. Жуков, Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, М. А. Мишенев.

Структура учебника представляет собой 12 глав и 50 параграфов, в которых охвачен период с древнейших времен (Глава I. «Карелия в древности») и до современности (Глава XI. «Карелия на современном этапе»). Заключительная Глава XII – «Культура Карелии во второй половине XX века» – традиционно посвящена культурному процессу.

Приложения к учебнику достаточно информативны и включают:

1. Список губернаторов Олонецкой губернии (1784–1917 гг.);

2. Список руководителей высших органов власти и управления Карелии (1917–2004 гг.);
3. Основные события истории Карелии;
4. Рекомендации для педагогов и учащихся в разделе «Что читать по истории края» содержат перечень рекомендуемых учебных и научных изданий по истории Карелии, литературу о городах и поселках республики, электронные сайты.

Целевая установка, концептуальная основа учебной книги раскрываются во введении. Авторы учебника ставят перед собой задачу – помочь молодым жителям Республики Карелия изучить прошлое и настоящее своего родного края. Школьникам предлагается на основании авторского текста учебника с опорой на дополнительную литературу и документальные источники разобраться в особенностях исторического процесса, понять общее, наиболее ценное, что объединяет исторические судьбы России и Карелии, и особенное, специфическое, что характерно именно для этого региона как субъекта Российской Федерации. Подчеркнем, что настоящий учебник содержит добротную историческую основу для решения поставленной авторами задачи.

Авторы убедительно показывают историческую общность интересов народов России и карелов начиная с XV века, когда карелы вместе с новгородцами влились в состав единого Российского государства и навсегда связали свою судьбу с другими народами России. Авторы учебника с помощью позитивных исторических примеров подводят школьников к пониманию того, что «взаимодействие и взаимовлияние помогло им сообща преодолевать трудности и невзгоды, вырабатывать сходные черты характера, обычаи и традиции». Тем самым обеспечивается воспитательная, нравственная, гражданская функция регионального учебника.

Большое внимание в учебнике уделяется вопросам культуры, исторической памяти, культурно-исторического наследия. Авторы подчеркивают значимость и ценность для человечества таких культурных памятников, как русский былинный эпос и руны «Калевалы». Авторы привлекают внимание читателей к историко-культурной значимости таких всемирно известных центров культуры и миссионерской деятельности, как Соловецкий и Валаамский монастыри, рассказывают об уникальных памятниках храмовой архитектуры – Преображенском соборе в Кижях, Успенских церквях в Кондопоге и Кеми.

В фокусе авторского внимания находится трудовая, духовно-культурная жизнь многих поколений наших соотечественников, накопленный ими исторический опыт.

Успешность рецензируемой учебной книги во многом объясняется тем, что авторы опирались на труды известных ученых республики, на достижения республиканских научных центров (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, исторические факультеты Петрозаводского государственного и Карельского государственного педагогического университетов), коллективы которых внесли огромный научный вклад в исследование прошлого и настоящего Республики Карелия.

Учебная книга написана хорошим литературным языком. Авторам удалось включить в региональный учебник такой материал, который способствует формированию образа своего региона, его прошлого и настоящего. Учебник интересен по содержанию, доступен для восприятия школьников.

В учебнике на основе авторской концепции органично сочетаются текстовой и внетекстовой компоненты. Текстовой компонент включает основной и дополнительный тексты учебника: авторское изложение событий, рубрику «Как это было» (дополнительная информация уточняющего характера), биографические врезки об участниках событий, очевидцах, фрагменты исторических документов. Внетекстовой компонент включает методический аппарат, иллюстрации, аппарат ориентировки.

Многообразие структурных компонентов и их баланс определяются методической концеп-

цией учебной книги, многообразием видов исторической информации, способами ее обработки и представления в учебнике. К сожалению, иллюстративный ряд не содержит цветных иллюстраций, что несколько обедняет учебную книгу.

Высокой оценки заслуживает методический аппарат учебника. Он во многом определяет высокое качество регионального учебника в целом. Методический аппарат учебника включает следующие компоненты: «Вопросы и задания», «Работаем с историческими документами» – которые органично «привязаны» к авторскому тексту, фрагментам источников, биографическим врезкам.

Вопросы и задания для учащихся стимулируют как репродуктивную, так и творческую познавательную деятельность школьников. Этот подход авторского коллектива соответствует современным методическим требованиям и заслуживает поддержки.

В качестве пожелания авторскому коллективу выскажем следующие предложения: более широко обосновать роль и место регионального курса «История Карелии» в системе исторического образования в республике, принципы и подходы в построении регионального учебника, обеспечить курс дополнительными компонентами, возможно, на электронных носителях (CD). Полагаем, что УМК по этому курсу региональной истории должен включать своеобразный методический портфель, который поможет педагогам и учащимся реализовать значительный образовательно-воспитательный и развивающий потенциал этого курса.

С учетом сказанного можно сделать обоснованный вывод, что для учащихся и педагогов Республики Карелия подготовлен и издан отвечающий современным историко-методическим критериям региональный учебник «История Карелии». Эта учебная книга, вне всякого сомнения, отвечает своему назначению и представляет собой современное педагогическое средство для формирования исторической памяти школьников, обеспечения целей гражданско-патриотического воспитания учащихся. В книге удачно сочетаются научно-исторические и методические подходы. Считаю, что авторы полностью справились с задачей создания современного регионального учебника истории.

УДК 94 (47)

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ САХАРОВ

доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН, г. Москва

Рец. на кн.: История Карелии: учеб. для 10–11 классов общеобразоват. учреждений Республики Карелия / Шумилов М. И. и др. – Петрозаводск: Verso, 2007. – 384 с.

Учебник имеет гриф «Допущено Министерством образования Республики Карелия в качестве учебника для 10–11 классов общеобразовательных учреждений Республики Карелия»

Региональные учебники истории за последние несколько лет стали полноправными и активными участниками современного образования российского школьника. До недавнего времени отдельные и зачастую отрывочные сведения из истории и культуры народов Сибири, Средней Азии, Закавказья приводились лишь в качестве иллюстраций к тем или иным достижениям Российского государства или в связи с расширением его границ. История многих народов не рассматривается в основном курсе истории общеобразовательной школы. В связи с этим и создаются учебники регионального компонента. Именно им принадлежит приоритетное значение в изучении в общеобразовательной школе истории регионов России, прежде всего как истории населяющих ее народов. Однако не секрет, что главным недостатком большинства пособий такого рода является излишний акцент на целенаправленное изучение исторического прошлого и культуры отдельных народов и очень редко осмысление собственно региональной истории. Учебник «История Карелии» (авторы М. И. Шумилов, Т. И. Агаркова, А. Ю. Жуков, Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, М. А. Мишенев) является несомненным успехом авторского коллектива.

Учебник предназначен для изучения истории Карелии в старших классах общеобразовательных учреждений. В нем отражены важнейшие события истории края с древности до наших дней. Освещение исторического процесса соответствует современным научным представлениям. Содержание глав дополнено методическим аппаратом, отрывками из источников, иллюстрациями, картами, предназначенными для организации самостоятельной работы школьников. В учебно-методический комплект, кроме учебника «История Карелии», входит практикум «Край, в котором мы живем» (авторы Т. И. Агаркова, А. А. Кожанов).

Учебник «История Карелии» относится к учебникам нового поколения, отвечает современному состоянию фундаментальной исторической науки и практики преподавания, требованиям, предъявляемым к обновлению и совершенствованию системы образования в современной России.

Книга концептуально выстроена, четко проведена единая нить повествования, логичность и последовательность изложения способствуют формированию исторического мышления учащихся, пониманию событий отечественной и региональной истории.

В основе создания учебно-методического комплекса «История Карелии» лежат научные исследования ученых-историков Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводского государственного университета, имеющие особую ценность для развития исторической науки региона.

Особой сложностью для авторского коллектива при создании учебника была необходимость соединения в одном учебном пособии истории края с глубокой древности до наших дней. Следует отметить, что эта авторская идея увенчалась успехом. Однако при дальнейшей доработке учебника после апробации в школах Карелии, возможно, следовало бы подумать о разделении книги на две части: 10 и 11 классы (как это делается традиционно в учебниках федерального компонента).

История региона рассматривается авторами не только в связи с традиционными для федеральных учебников темами (присоединение к России, строительство Петром I заводов на территории Олонецкого края, установление Советской власти и т. д.), но и в контексте более широкой панорамы социальных, экономических, политических и культурных процессов на евразийском пространстве. Отмечается, что «межэтнические связи карелов и русских в составе России развивались и укреплялись. Взаимодействие и взаимовлияние наших предков помогало им сообща преодолевать трудности и невзгоды, вырабатывать сходные черты характера, обычаи и традиции». Такая концепция строго выдерживается.

Несомненным плюсом «Истории Карелии» является привлечение археологических и этнографических данных. Обычно они игнорируются при подготовке материалов учебников. Эта новация позволила сделать учебник более живым, активно использовать «человеческий фактор» (свойство запоминать в первую очередь именно любопытные и нестандартные факты).

Но, наряду с достоинствами, хочется отметить и ряд существенных недостатков учебника. В разделе «Приложения» авторский коллектив дал полную хронологию «первых лиц» края, сводную таблицу наиболее важных исторических дат, список литературы, страницы вспомогательных интернет-сайтов. Однако в учебнике слабо разработан понятийный аппарат. Не лишним было бы усилить пособие словарем исторических, политических и экономических терминов, что очень важно для школьного учебника. На форзацах желательнее поместить символику России и Карелии.

Несомненным достоинством рецензируемого учебника является его воспитательная направленность, возможность формирования гражданской и патриотической позиции старшеклассников, что обеспечивается соответствующей направленностью текста, повествованием о выдающихся людях Карелии, живших в различные исторические эпохи.

ХРОНИКА

■ 18–19 июня 2008 года на базе ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет» состоялся международный семинар «Поликультурное измерение в преподавании истории в современной школе: сотрудничество учителя, учеников и семьи как условие воспитания толерантного сознания молодежи».

В работе семинара приняли участие ректор ПетрГУ, профессор А. В. Воронин; руководитель программ двустороннего и регионального сотрудничества отдела исторического образования Совета Европы Т. Минкина-Милко (г. Страсбург); министр образования Республики Карелия А. А. Селянин; консультант в области образования Джон Хеймер (Великобритания); профессор Института учебного содержания и методов обучения Российской академии образования Л. Н. Алексашкина (г. Москва); доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета М. М. Шахнович; доцент кафедры истории, социально-политического образования и права Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования Российской Федерации И. А. Мишина (г. Москва); кандидат исторических наук, доцент, проректор по международным связям Ставропольского государственного университета А. И. Кругов; кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета ПетрГУ С. Э. Яловицина; начальник отдела общего образования МО РК А. Н. Морозов; генеральный докладчик, декан факультета повышения квалификации ПетрГУ Т. И. Агаркова. В работе круглых столов, посвященных преподаванию истории как основы для формирования у современных школьников толерантного восприятия мира, активное участие приняли преподаватели исторического факультета ПетрГУ; представители ГОУ РК «Институт повышения квалификации работников образования», Карельского государственного педагогического университета; учителя школ г. Петрозаводска и республики, студенты исторического факультета Петрозаводского государственного университета.

**В период с 21 по 25 апреля 2008 года
в Петрозаводском государственном университете
прошла юбилейная, 60-я, студенческая
научная конференция**

На 92 секциях 13 факультетов было представлено 879 докладов. В работе конференции приняли участие 3690 студентов, 510 преподавателей, 190 гостей. Авторитетное жюри отобрало лучшие доклады и рекомендовало 407 участников для награждения. Поздравляем победителей и называем **имена студентов, занявших I место и награжденных дипломами I степени:**

Исторический факультет

- Мелехова Сергея Сергеевича, 3 курс
- Рожкову Анастасию Олеговну, 3 курс
- Антипенко Ирину Сергеевну, 3 курс
- Шеремет Алену Владимировну, 4 курс
- Дианову Ксению Андреевну, 4 курс
- Софронову Анну Александровну, 3 курс
- Басалаева Дмитрия Анатольевича, 4 курс
- Кривоноженко Александра Федоровича, 3 курс
- Гололобову Марину Владимировну, 4 курс

Факультет политических и социальных наук

- Лопухину Елену Валериевну, 3 курс
- Завадскую Наталью Олеговну, 2 курс
- Лепеле Владислава Робертовича, 4 курс
- Гамазина Александра Геннадьевича, 5 курс
- Сачук Дениса Игоревича, 3 курс
- Семкину Марию Владимировну, 4 курс
- Легостаеву Наталью Игоревну, 5 курс
- Ермакову Наталью Александровну, 4 курс

Факультет прибалтийско-финской филологии и культуры

- Белякову Ирину Петровну, 5 курс

Филологический факультет

- Давыдову Анну Владимировну, 5 курс
- Петренко Анастасию Евгеньевну, 4 курс
- Шкипину Ирину Владимировну, 4 курс
- Габалову Екатерину Николаевну, 3 курс
- Серову Ульяну Евгеньевну, 2 курс
- Сюгийнен Ирину Викторовну, 2 курс
- Сергееву Дарью Сергеевну, 3 курс

Экономический факультет

- Жемереву Евгению Геннадьевну, 3 курс
- Калинин Евгению Игоревну, 3 курс
- Петрову Любовь Викторовну, 1 курс
- Рогач Светлану Васильевну, 3 курс
- Авдеева Николая Валерьевича, 4 курс
- Богданову Светлану Леонидовну, 4 курс
- Тереву Юлию Владимировну, 1 курс

Юридический факультет

- Калугину Дарью Сергеевну, 1 курс
- Бритькову Марину Анатольевну, 3 курс
- Красильникова Николая Владимировича, 4 курс
- Федорову Евгению Алексеевну, 4 курс
- Притчиеву Татьяну Андреевну, 4 курс
- Азимова Эльдара Мехтияровича, 2 курс
- Лебеву Александру Константиновну, 4 курс

Межфакультетская кафедра

«Социально-культурный сервис и туризм»

- Симоненкову Ирину Валерьевну, 3 курс
- Самсонову Юлию Александровну, 3 курс
- Титову Наталию Аркадьевну, 3 курс
- Лапшину Екатерину Викторовну, 3 курс
- Гришкину Дарью Витальевну, 2 курс
- Петрову Наталью Владимировну, 3 курс
- Гусеву Любовь Александровну, 2 курс
- Дорофееву Яну Юрьевну, 3 курс
- Юсупову Екатерину Сергеевну, 2 курс

15 июля 2008 года исполнилось 60 лет проректору по учебной работе Петрозаводского государственного университета, кандидату филологических наук, доценту *Анатолию Осиповичу Лопуха.*

АНАТОЛИЙ ОСИПОВИЧ ЛОПУХА **К 60-летию со дня рождения**

А. О. Лопуха родился в эстонском городе Тарту. Его детство и школьные годы прошли в Карелии, в селе Ведлозеро. В 1966 году он поступил на филологическое отделение историко-филологического факультета Петрозаводского университета. После его окончания Анатолий Осипович работал директором школ в Пряжинском районе Карелии. В 1980 году он поступил в заочную аспирантуру, а впоследствии был приглашен на кафедру русской литературы филологического факультета в качестве преподавателя.

В 1988 году А. О. Лопуха защитил кандидатскую диссертацию, посвященную творчеству А. Грина. Его исследование шло в русле новой плодотворной тенденции, связанной с возрождением интереса к этому писателю. В творческом наследии А. Грина Анатолия Осиповича прежде всего привлекал нравственный аспект произведений, поиски и утверждение в новых условиях романтического идеала. Помимо творчества А. Грина научные интересы А. О. Лопуха связаны с литературой Серебряного века, русской эмигрантской литературой, поэзией Б. Пастернака. Он читает курсы «Введение в литературоведение», «История русской литературы XX века», спецкурс «Литература русского зарубежья».

В 1987 году А. О. Лопуха становится проректором по гуманитарному образованию, а затем и по учебной работе. В этом качестве он много сделал и делает для развития университета, организации учебного процесса, внедрения инновационных обучающих технологий, совершенствования и расширения издательской деятельности вуза. При его активном участии на факультетах университета в последние годы появились новые, востребованные специальности и специализации.

А. О. Лопуха – почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный работник образования Республики Карелия, награжден Почетной грамотой Республики Карелия.

Поздравляем Анатолия Осиповича с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, счастья, творческих успехов и новых профессиональных достижений.

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложением в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – 5-6 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – 3 страницы. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (фамилия, имя, отчество автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и (или) контактные телефоны). Аннотация (объемом не более 6 строк) на русском и английском языках, перед ней название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на 2 языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускаются, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде конечных сносок. Нумерация – сплошная арабскими цифрами. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе, каждый источник – с новой строки под порядковым номером по мере цитирования, не в алфавитном порядке. В списке

должны быть обязательно приведены: по книгам – фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, полное название книги, место издания, издательство, год издания, страницы (от и до или количество). В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты название журнала (год, том, номер, страницы (от и до)) или сборника (место издания, год, страницы (от и до)). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и с заглавной буквы указывают, на соискание какой степени защищена диссертация и в какой области науки, место издания, год, страницы.

С правилами оформления работ также можно ознакомиться на сайте журнала <http://uchzap.petrsu.ru>

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg, .gif и т. п.), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок (их не должно быть более 5–6) должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

STATE AND LAW

S. Adzhimusayev

THE CONCEPT AND JURISDICTIONAL NATURE OF A CONTRACT AS THE SOURCE OF LAW

Summary: The contract is the agreement of the parties expressing their coordinated will to an establishment, change and termination of their rights and duties, fulfillment or abstention from legal actions. All contracts properly concluded by legal subjects, include legal norms («micronorms») and are also the legal sources. Contracts are applied in many branches of the Russian law, and the value of contractual regulation is defined by the essence and substance of the corresponding branch.

Key words: contract, legal sources, attributes of the contract as the source of law7

V. Ephimova

SENATORIAL REVISION IN OLONETSKAYA PROVINCE IN THE SECOND QUARTER OF XIX CENTURY AS THE SOURCE OF PUBLIC ADMINISTRATION HISTORICAL RESEARCH

Summary: The article is devoted to the analysis of public administration in Olonetskaya province during the period of senatorial revision (1827–1828), under senator D. O. Baranov supervision. The author of the article defines the causes and purposes of the revision, its course and results, and draws a conclusion on effectiveness of such kind of governmental control over the provincial government in the Russian Empire.

Key words: senatorial revisions, local administration10

HISTORY

B. Starkov

RADIO GAMES OF THE LENINGRAD OF COUNTER-INTELLIGENCE AGENTS

Summary: The issues of radio-communication counter intelligence during the Great Patriotic War are handled in the article. According to counter-intelligence agents' terminology, special operations aimed at the enemy's disinformation were called radio games.

Key words: radio games, counter-intelligence agents, the Great Patriotic War24

S. Verigin

INTELLIGENCE AND DIVERSIONARY ORGANIZATION ACTIVITIES OF PEOPLES COMISSARIAT OF INTERN (NKVD-NKGB) OF THE KARELIAN-FINNISH REPUBLIC AT THE REAR OF THE FINNISH TROOPS IN 1941–1945 (the last part of the article)29

M. Batsler

THE OLONETS EPARCHY AT THE LATE XIX CENTURY AND EARLY XX CENTURY

(the last part of the article)36

Ju. Korpela

NORTH-WESTERN «OTHERS» IN MEDIEVAL RUSSIAN CHRONICLES

Summary: The Novgorod chronicles revealing the facts concerning the population of Eastern Fennoscandia until XV century are analyzed in the article.

Key words: chronicles, Cjud', Jem, Sum', Korela, Sami, aliens, Rus'42

A. Pashkova

THE SORTAVALA MERCHANT CLASS IN 1643–1918

Summary: The article, based on the Finnish research sources and archive materials, is devoted to the role of trade and merchant class in the history of Sortavala – the largest city of the Northern Ladoga area. The author analyses the Sortavala trade links, the volume of the trade, the number and structure of the Sortavala merchants at different time periods, the trade and philanthropic activity of the main merchant families, etc.

Key words: trade, the merchant class, Sortavala, the Northern Ladoga area, Finland, St.-Petersburg56

PHILOLOGY

N. Patroyeva

SEGMENTED CONSTRUCTIONS IN POETIC GENRES

Summary: The publication is devoted to typology and functioning of segmented constructions in poetic genres of Karamzin's and Pushkin's epoch. The material of the article demonstrates the activation of constructions of «representation» in the «new style» fiction.

Key words: segmented constructions, nominative of «representation», infinitive of the «theme», poetic parole.....64

E. Afanasyeva

NEW GODS' CHARACTERS AS THE WAY TO SHOW THE AUTHOR'S PERSONALITY IN SLAVIC FANTASY

Summary: The creation of the gods' characters which didn't belong to the ancient pantheon is one of the ways for the authors to display their personality in Slavic fantasy. The analysis was carried out on the base of the Wella personage which was created by Dvoretzkaja in «*Unknown spring*» and «*The rider of the morning*». She is not the author's invention, but her character is based on material revised by the author. Besides, there is the character of God Twins by Semenova from «*Volkodav*» which is the variant of the myth about the divine Trinity.

Key words: Veles, water, Trinity, author's personality71

E. Velikanova

THE FAIRY-TALE ROADS OF V. KRAPIVIN'S SCIENCE FICTION

Summary: The article deals with folklore roots of Krapivin's science fiction, the most important of which being the fairy-tale motif of the road.

Key words: Krapivin, science fiction, the fairy-tale road75

PHILOSOPHY

A. Mikheev

THE METAPHYSICS OF LAWLESSNESS

Summary: The article sets and investigates the problem of lawlessness. This problem has not so far been properly comprehended either in the science of law or in the philosophical investigations. The main idea of the article is to analyze the meaning of such concepts as lawlessness, rights, liberty, delinquency.

Key words: philosophy, law, liberty, lawlessness, delinquency80

L. Kabanova

THE MOTIVE OF HOLISM IN RUSSIAN METAPHYSICS

Summary: The article deals with a topic which has predetermined the main features and specific character of the Russian thought – the motive of holism. The author sets it as an aim to connect the topic with one of the most relevant and serious problems of philosophy and humanities – the problem of self-identification.

Key words: identity, holism, Vseedinstvo, Russian philosophy87

O. Martyanova

THE TIME OF SENSE (AN ATTEMPT TO COMPREHEND THE CHARACTER AND IDEA OF SOFIA IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY)

Summary: The author tries to connect V. S. Solov'ev philosophic intuitive guesses with actual problems of modern Russian philosophy. The author claims the end of Christian religious process and shows the necessity of philosophical understanding of spiritual experience.

Key words: V. S. Solov'ev, Sophia, religious process, Christianity, sense of love, actual philosophical problem91

ECONOMICS*N. Levkin***THE PLACE OF CULTURE IN THE SYSTEM OF ENTREPRENEURSHIP FROM THE POINT OF VIEW OF ECONOMICS**

Summary: The author considers a place and a role of culture in economic investigations in entrepreneurial systems. Special attention is given to the history of development of the problem of culture in economic science.

Key words: culture, entrepreneurial system, economic science96

REVIEWS*V. Pivoev*Review of the books *Energy Nature of Consciousness* and *Materiality of Consciousness*

written by A. I. Yakovlev103

*E. Vyazemskii*Review of the regional textbook *The History of Karelia*written for 10–11th grades of high school students106*A. Saharov*Review of the regional textbook *The History of Karelia*written for 10–11th grades of high school students108

Scientific information109

Jubilee111

General information for journal's authors112